

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати РФ

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК**

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., проф. Артоболевский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Герма-
ния); член-корр. РАН, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); д.г.н.,
проф. Лаппо Г.М. (Москва); д.г.н., проф. Мироненко
Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Пирожник И.И. (Беларусь);
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н.,
проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф. Вар-
домский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Воробьева О.Д.
(Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.г.н.,
проф. Кочуров Б.И. (Москва); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смо-
ленск); д.г.н., доц. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.э.н.
проф. Регент Т.М. (Москва); д.г.н., проф. Родионова
И.А. (Москва); д.г.н., проф. Рудский В.В. (Смоленск);
д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н., проф.
Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д.
(Пермь); проф. М. Фрюауф (Германия)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Ответственный за выпуск:

д.г.н. Мажар Л.Ю.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 08.06.10 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 2 (28), 2010

Отпечатано:

ООО « Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год**

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	3
THEORY OF REGIONAL STUDIES	3
Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты: российская специфика	3
Zubarevitch N.V. Regional development and regional institutions in Russia	3
Родионова И.А. Современное развитие стран мира и новые задачи экономической географии	15
Rodionova I.A. Contemporary development of countries of the world and new issues of economic geography	15
Ачкасова Т.А. География стадий инновационного процесса (на примере современной обрабатывающей промышленности)	23
Achkasova T.A. Spatialization of the innovation process stages (on the example of modern manufacturing)	23
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	32
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA	32
Кузнецова О.В. Региональные бюджеты и межбюджетные отношения в условиях кризиса	32
Kouznetsova O.V. Regional budgets and interbudgetary relations in crisis	32
Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России	42
Nefyodova T.G., Treivish A.I. Cities and countryside in Russia: their state and correlation	42
Касаткин П.И. Русская православная церковь на постсоветском пространстве	57
Kasatkin Petr I. Russian Orthodox Church on the post-Soviet Area	57
Мозгунов Н.А. Сельский туризм как фактор развития территории (на примере Орловской области)	69
Mozgunov N.A. Rural tourism in regional development (Oryol oblast' study)	69
Часовский В.И. Российско-белорусское приграничье: изменения в территориально- отраслевой структуре хозяйства в постсоветский период развития	82
Chasovskiy V.I. Russia-Belarus border: changes in the spatial and industrial structure of the economy in the post soviet period	82
Яськова Т.И. Миграционное притяжение Московского столичного региона как фактор трансформации системы расселения приграничных районов Смоленской области	91
Yaskova T.I. Migration attraction of Moscow capital region and transformation of the settlement system in the neighboring areas of the Smolensk Region	91
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	99
SCIENCE LIFE	99
Важное событие в жизни российского экономико-географического сообщества	99
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	101
AUTHORS' INFORMATION	101
Требования к материалам	102

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Поздравляем профессора кафедры экономической и социальной географии России Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова НАТАЛЬЮ ВАСИЛЬЕВНУ ЗУБАРЕВИЧ с вручением Международной Леонтьевской медали «За вклад в реформирование экономики».

Лауреатами медали им. В.В. Леонтьева также стали: Г.О. Греф, президент, Председатель Правления Сбербанка России; Янош Корнаи, профессор Гарвардского университета (США) и института Коллегиум Будапешт (Венгрия); Я.И. Кузьминов, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики.

На церемонии награждения Н.В. Зубаревич выступила с лекцией «Региональное развитие и институты: российская специфика»

Н.В. Зубаревич
(г. Москва)

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ИНСТИТУТЫ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

N.V. Zubarevitch (Moscow)
REGIONAL DEVELOPMENT
AND REGIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности использования институциональных подходов в регионалистике, соотношение институциональных и других факторов развития, роль институтов как стимулов и барьеров развития регионов и городов современной России.*

***Abstract.** The author analyses the peculiarities of the institutional approaches to regional studies, correlation of institutional and other factors of development. The article reveals the role of institutes and their barrier and stimulating functions for regional and city development in Russia.*

***Ключевые слова:** институты, региональная политика.*

***Key words:** institutions, regional policy.*

Что знают об институтах регионалисты?

Российская региональная наука, объединяющая двух вечных антагонистов – региональную экономику и экономическую географию, сильно отстает в освоении новых подходов к изучению пространственного развития. Еще живо советское наследие в виде «размещения производительных сил», «расселения населения» и других традиционных подходов, хотя они давно не вписываются в современный контекст. Западные концепции инновационной и кластерной политики плохо приживаются на родной нечерноземной

почве и быстро приобретают знакомые черты территориально-производственных комплексов (ТПК). Российская региональная политика вызывает стойкое ощущение «дежавю»: рост финансовых возможностей государства привел к возрождению, хотя и в слегка измененном виде, советских приоритетов освоения новых ресурсов на востоке и планирования специализаций регионов на десятилетия вперед. Дирижизм в региональной политике обусловлен не только огромными размерами и неоднородностью территории страны, это следствие исторически сложившегося доми-

нирования государства. Все это показывает релевантность для России институциональной теории «path dependence» («унаследованной колеи») – и для объяснения трендов регионального развития, и для понимания состояния региональной науки и региональной политики. Однако институциональная тематика до сих пор занимает в российских исследованиях пространственного развития очень небольшое место, это также проблема «унаследованной колеи».

Теоретическую базу для исследований роли институтов в региональном развитии заложила «новая экономическая география», сформировавшаяся в 1990-е гг. В числе ее создателей П. Кругман, М. Фуджита, Т. Венаблс, Ф. Мартин и др. Нобелевский лауреат П. Кругман¹ систематизировал две группы факторов пространственного развития, обеспечивающие сравнительные преимущества тем или иным территориям:

- факторы «первой природы» (богатство природными ресурсами, выгодное географическое положение), которые даны «свыше»;
- факторы «второй природы» (агломерационный эффект, человеческий капитал, институты), в наибольшей степени связанные с деятельностью общества и государства.

Преимущества, особенно «первой природы», не являются вечными. Роль фактора выгодного местоположения менялась по мере развития инфраструктуры. Опора только на ресурсные преимущества приводила к отставанию развития регионов. Во всех развитых странах произошли схожие изменения соотношения факторов: в раннеиндустриальную эпоху важнейшими были обеспеченность минеральными ресурсами и географическое положение, в постиндустриальную – человеческий капитал и институты (нормы и правила по Д. Норт²). Факторы «второй природы» играют ключевую роль в модернизации, это важнейшие преимущества развитых стран.

Рост значимости институтов по мере развития стран и регионов, показанный П. Кругманом и другими представителями «новой экономической географии», проявляется двойко. Во-первых, снижаются барьерные функции институтов, которые преобладают в слаборазвитых странах, тем самым увеличивая трансакционные издержки бизнеса. Во-вторых, усиливаются институты, стиму-

лирующие развитие путем снижения трансакционных издержек (защита прав собственности, гарантии исполнения контрактов и др.). На уровне регионов этому способствует и снижение барьерных функций границ (не только внешних, но и внутренних – между регионами), облегчающее перемещения людей, товаров и услуг.

Большой вклад в изучение факторов и тенденций регионального развития внес «Доклад о мировом развитии за 2009 г.» Всемирного банка³. Его название – «Reshaping economic geography» – говорит само за себя. Доклад написан в русле «новой экономической географии», но несколько иначе формулирует базовые факторы пространственного развития и неравенства в современном мире. Их три:

density – пространственная концентрация населения и эффект масштаба (развитие городских агломераций);

distance – экономическое расстояние, обусловленное не только внутриматериковым положением, удаленностью от глобальных и внутристрановых рынков, но и слаборазвитой инфраструктурой, что увеличивает транспортные издержки и трансакционные издержки в целом;

division – институциональные барьеры в широком смысле, в том числе барьеры границ (национальных, региональных, локальных), препятствующие проникновению товаров, услуг, инноваций; к ним можно добавить институциональные барьеры для территориальной мобильности, социальных лифтов и доступности качественных социальных услуг, повышающих человеческий капитал.

Необходимость снижения всех этих барьеров пространственного развития очевидна, но они долгосрочны и устойчивы по своему характеру, поэтому «цена вопроса» велика. Пространство вообще очень инерционно: медленно меняется система расселения, развитие инфраструктуры требует очень больших затрат. Для России выбор приоритетных направлений для снижения барьеров развития ограничен еще более узким «коридором возможностей» из-за депопуляции, огромных размеров территории и кризисных проблем в экономике, ограничивающих инфраструктурные инвестиции. Раньше или позже придется делать выбор в пользу наиболее гибкого из трех факторов – модернизации институтов. Эта задача выглядит менее

капиталоемкой, но уж точно не является простой – во всех странах догоняющего развития барьерная функция институтов видна невооруженным глазом, но далеко не все смогли снизить институциональные барьеры. Это следствие проблем «path dependence» («унаследованной колеи»).

Какую роль играют современные институциональные стимулы и барьеры в развитии регионов России? Ответить на этот вопрос с использованием количественных оценок, по мнению автора, вряд ли возможно. Проблема не только в сложности необходимого математического аппарата, хотя измерение влияния институтов – всегда нетривиальная задача. Даже если выделить только один институт – региональную политику. Очень часто институциональные решения, вовсе не относящиеся к сфере региональной политики, оказывают более серьезное воздействие на развитие регионов и городов. Разложить по полочкам разнонаправленные институциональные воздействия и измерить общий вектор не получается.

Опыт исследований институциональных факторов регионального развития в России пока невелик: А.Н. Пилясов⁴ использует институциональную теорию в региональном анализе, в монографиях Т.Г. Нефедовой⁵ показана роль неформальных институтов в жизни локальных сельских сообществ и их связь с географическими условиями. Регионалисты находятся на ранней стадии – описания «объекта» и попыток систематизации его особенностей, преобладают качественные оценки на конкретных примерах.

Слабая разработанность темы влияния институтов на развитие регионов требует большой осторожности в оценках. Не претендуя на полноту анализа, попытаемся рассмотреть несколько ключевых сюжетов:

- роль институтов среди прочих факторов «первой» и «второй природы»;
- институциональный дизайн федеральной политики пространственного развития;
- институциональные преимущества на региональном уровне – как они создаются и что дают;
- возможности повышения позитивной роли институционального фактора в развитии регионов.

Институты на фоне других факторов развития регионов

В России, в силу особенностей ее развития, влияние факторов «первой природы» остается доминирующим, в первую очередь ресурсного фактора – обеспеченности минеральными ресурсами, востребованными мировым рынком. Ведущие российские регионы добычи нефти и газа имеют самый высокий уровень экономического развития, измеряемый показателем душевого ВРП. Воздействие институциональных факторов выглядит второстепенным, но это не совсем так. Например, доля важнейшего региона добычи нефтегазовых ресурсов – Тюменской области с автономными округами – сократилась за 2005–2007 гг. с 12,4 до 11,7% суммарного ВРП, хотя цены на нефтегазовые ресурсы существенно выросли. Причиной сокращения стали институциональные факторы: для снижения трансакционных издержек крупные нефтяные компании используют трансфертное ценообразование, тем самым искусственно занижая показатели ВРП регионов добычи ресурсов и повышая показатели мест локализации их штаб-квартир (Москвы и, в меньшей степени, С.-Петербурга). Трансфертные цены используются и для вывода прибыли в зарубежные оффшоры.

Важную роль играет и географическое положение – как барьер экономического расстояния или как стимул при низких транспортных издержках. Самыми низкими темпами роста ВРП за десять лет экономического подъема отличались регионы Дальнего Востока (163% за 1998–2007 гг.) и Сибири (173%), наиболее удаленные от Европейской части страны. Однако проблема не только в расстоянии. Альтернативой для развития восточных регионов могло бы стать более тесное взаимодействие с рынками стран Азиатско-Тихоокеанского региона, однако этому препятствуют институциональные барьеры, затрудняющие «вход» иностранных инвесторов. Неблагоприятная институциональная среда способствует выводу в тень существенно большей доли экономики дальневосточных регионов по сравнению с Европейской частью страны, что также отражается на статистических показателях ВРП. Специальные институциональные механизмы позволяют резко увеличить привлекательность территории для инвесторов. Примером может служить Сахалинская область,

которая в 2000-2007 гг. получила более 20% прямых иностранных инвестиций в Россию благодаря режиму соглашения о разделе продукции (СРП). Но сработало это институциональное преимущество только потому, что Сахалин обладает преимуществами «первой природы» – значительными нефтегазовыми ресурсами.

Стимулирующая роль выгодного географического положения стала более явной в 2000-е гг. Быстрым ростом экономики и инвестиций отличались западные и южные приморские регионы на путях глобальной торговли: Ленинградская, Калининградская области и Краснодарский край (еще до принятия решения о проведении Олимпиады в Сочи). В Ленинградской области фактор выгодного положения усиливался агломерационным эффектом (западная часть области входит в агломерацию С.-Петербурга), а в Краснодарском крае – высокой плотностью населения и инфраструктурной освоенностью. Только в Калининградской области важнейшим фактором экономического роста стал институт особой экономической зоны, не сразу, но позволивший частично компенсировать издержки эксклавноности и высоких таможенных барьеров. В отличие от запада и юга, на востоке страны приморское положение так и не стало значимым фактором роста вследствие удаленности и более жестких институциональных барьеров «дикого капитализма».

Роль институтов как стимулов притока инвестиций также пока невелика. Максимальные душевые инвестиции суммарно за 2002-2008 гг. получили ведущие нефтегазодобывающие автономные округа (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий – в 4-16 раз выше средних по стране с корректировкой на удорожание). Только масштабный рост инвестиций на Сахалине (в 4 раза) более явно обусловлен институциональным фактором. Повышенными душевыми инвестициями отличались две крупнейшие агломерации страны (в 1,1-1,9 раз), а также некоторые регионы металлургии и нефтедобычи (Татарстан, Вологодская область – в 1,3 раз), хотя инвестиции в Татарстан отчасти обусловлены его особыми политическими преимуществами, то есть институтами. Институциональный фактор благоприятно повлиял на показатели Калининградской области (в 1,2 раза выше) и Краснодарского края,

который благодаря Олимпиаде преодолел отставание от среднероссийского уровня. Непривлекательность региона для инвесторов в первую очередь обусловлена неблагоприятным экономическим положением и фактором экономического расстояния. В числе аутсайдеров депрессивные регионы (Курганская, Ивановская, Псковская, Брянская области), слаборазвитые республики (Тыва, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Адыгея и др.) и удаленные восточные регионы (Алтайский, Камчатский края, Бурятия и др.), в них душевые инвестиции в 2,5-5 раз ниже средних по стране с корректировкой на удорожание.

Для развития малого бизнеса важнейшим фактором остается агломерационный эффект: доля занятых в малом предпринимательстве максимальна в федеральных городах (26–29%) и прилегающих к ним Московской и Ленинградской областях (19-20%). Однако институты также имеют значение: показатели Калининградской области (28%) выросли еще в 1990-е гг. благодаря режиму особой зоны, облегчавшему приграничную торговлю. В северных ресурсодобывающих регионах занятость в малом предпринимательстве минимальна из-за низкой плотности населения (низкой концентрации потребителей) и большей привлекательности для занятых сырьевых отраслей с высокой оплатой труда. Проблема не столько в институтах, сколько в объективных барьерах развития.

Институциональная среда в регионах влияет на малое предпринимательство и самым очевидным образом, в основном негативно. Например, высокая занятость в малом бизнесе в Дагестане (46%), Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (25-27%) в основном обеспечена предпринимателями без образования юридического лица (ПБОЮЛ) и самозанятыми, производящими товарную продукцию на продажу. Это означает, что в неблагоприятной институциональной среде малый бизнес развивается в формах, снижающих трансакционные издержки взаимодействия с государством, в том числе в виде самозанятости в теневой экономике. Фактор человеческого капитала влияет на малое предпринимательство очень избирательно – только при сочетании высокого уровня образования населения с более благоприятной институциональной средой. Например, Томская область отличается не только повышенной долей занятых в малом пред-

принимательстве (17%), но и более высокой концентрацией малого бизнеса в инновационных отраслях.

На мобильность населения также сильнее всего влияет агломерационный эффект: в 2006–2008 гг. 60% чистой миграции в России (разницы между притоком и оттоком) приходилось на Московскую столичную агломерацию, еще 18% – на агломерацию С.-Петербурга. Несмотря на жесткие институциональные барьеры для мигрантов, установленные властями, особенно московскими, притягивающие экономические факторы – большие различия в уровне оплаты труда и емкий столичный рынок – оказываются сильнее. Роль институтов может быть и позитивной: в Белгородской области благодаря политике привлечения мигрантов и снижению барьеров коэффициент миграционного прироста в течение двух последних десятилетий был в 4–5 раз выше по сравнению с соседними регионами Центральной России.

Региональные различия человеческого капитала формируются в основном под воздействием агломерационного эффекта, экономических и социально-культурных факторов. До середины 2000-х гг. усиливалась пространственная поляризация качества населения, которое можно измерить ожидаемой продолжительностью жизни. Разрыв между регионами с более высоким долголетием (республики Северного Кавказа с лучшими природно-климатическими условиями и меньшим распространением алкоголизма, федеральные города и «богатые» нефтегазодобывающие автономные округа Тюменской области) и аутсайдерами (регионы юга Сибири и Нечерноземья) непрерывно усиливался.

Институциональный фактор – реализация национального проекта «Здоровье» с 2006 г. – приостановил пространственную поляризацию, хотя такая задача вряд ли ставилась. Эффект роста финансирования, благодаря которому выросла доступность медицинской помощи (обеспеченность лекарствами, автомобилями скорой помощи и др.), оказался более сильным в проблемных регионах с низким долголетием. В них темпы роста ожидаемой продолжительности жизни были выше средних по стране, так как заметно снизились более высокие показатели младенческой смертности и смертности в трудоспособных возрастах от внешних причин. В развитых регионах задачи роста долго-

летия так просто не решаются, необходимы гораздо более затратные меры по снижению эндогенной смертности в старших возрастах, поэтому эффект национального проекта «Здоровье» в повышении долголетия был менее заметным. Удастся ли сохранить тенденцию смягчения региональных различий в качестве населения – большой вопрос. Национальный проект «Здоровье» отнесен к институциональным факторам формально, в действительности он не менял сложившиеся институты и основном распределял финансовые ресурсы. А их в кризис стало меньше.

Вряд ли кому-то нужно доказывать, что институты имеют значение, но пока не стоит преувеличивать их современную роль в России как стимулов регионального развития. Позитивное воздействие институтов локализовано и чаще всего проявляется в сочетании с другими факторами пространственного развития (агломерационным эффектом, ресурсообеспеченностью, выгодным географическим положением), играющими роль необходимой «подпорки». В отличие от стимулов, институциональные барьеры действуют всюду, более мощно и вполне самостоятельно.

Региональная политика: институциональный дисбаланс

Формально все необходимые институты региональной политики в России созданы. Сформулированы и два ее основных вектора – выравнивающий и стимулирующий. Политика выравнивания была доминирующим вектором до 2003–2004 гг., ее основная сфера – межбюджетные отношения, а основной инструмент – федеральный Фонд финансовой поддержки регионов (ФФПР). Формульный принцип расчета межбюджетных трансфертов в России отвечает критериям современных институтов поддержки отстающих территорий в развитых странах. Однако выравнивающая политика оказалась не слишком успешной и не смогла затормозить экономическую поляризацию регионов в период экономического роста. Это не только российская проблема – во всех странах догоняющего развития пространственное неравенство усиливается за счет концентрации экономической активности в территориях с конкурентными преимуществами.

В середине 2000-х гг. в России стали формироваться институты стимулирующей региональной политики. Был учтен опыт стран дого-

няющего развития, ускоренный рост которых достигался за счет стимулирования территорий с конкурентными преимуществами (особые зоны Китая, приграничные регионы Мексики и стран ЦВЕ и др.). Кроме того, благодаря экономическому росту в российском бюджете появились деньги на стимулирующую региональную политику. Ее инструментами в последние годы стали особые экономические зоны (небольшие по территории технико-внедренческие и промышленно-производственные, рекреационные, портовые, а также особая зона в Калининградской области) и «большие проекты», реализуемые при поддержке государства в виде частно-государственного партнерства, федеральных инвестиционных программ и др.

Но все эти институты не могут эффективно работать, если отсутствуют базовые «правила игры» по трем основным компонентам региональной политики:

- 1) баланс выравняющей и стимулирующей политики;
- 2) выбор пространственных приоритетов развития;
- 3) согласование интересов центра и регионов (целого и части).

Соотношение выравняющей и стимулирующей политики федеральных властей и его изменения выявить не так-то просто, поскольку система принятия решений не транспарентна, преобладает режим «ручного управления». Формально выравнивания стало меньше: доля трансфертов из федерального Фонда финансовой поддержки регионов (главного выравняющего инструмента) в общем объеме трансфертов из федерального бюджета снизилась с 60–70% в начале 2000-х до 34% в 2007 г. и 23% в 2009 г.

Однако резко выросла доля целевых перечислений регионам на исполнение многочисленных социальных обязательств по федеральным и региональным полномочиям. Целевые социальные трансферты по федеральным полномочиям не имеют явной выравняющей функции, так как доля федеральных категорий льготников (инвалиды, ветераны войны и др.) в населении регионов различается не очень существенно, за исключением пострадавших от воздействия радиации. В результате социальные трансферты распределяются по регионам относительно равномерно. Наоборот, поддержка региональных категорий льготников дает очевидный выравняющий эффект. Дело в том, что

после проведения монетизации льгот (122 ФЗ) подавляющее большинство регионов не смогли справиться с возложенными на них обязательствами по социальной поддержке региональных категорий льготников. Закрепленные за регионами полномочия финансируются из федерального бюджета. И чем менее развит регион, тем, как правило, выше доля федерального финансирования региональных льготников, хотя есть и исключения в виде особой поддержки отдельных, совсем не бедных регионов.

В результате суммарный выравняющий вектор федеральной политики существенно сильнее и остается доминирующим. Это подтверждается и статистикой доходов: различия в уровне душевых доходов населения 5% наиболее «богатых» и 5% наиболее «бедных» регионов сократились за 2005–2008 гг. с 4,1 до 2,8 раз, а для 10%-х полярных групп регионов – с 2,8 до 2,3 раз (с корректировкой на региональный прожиточный минимум).

Стимулирующая политика в гораздо большей степени формируется институциональными мерами, привлекающими бизнес, бюджетные механизмы играют дополнительную роль. Объем стимулирующей бюджетной поддержки оценить еще сложнее, так как она осуществляется по многим каналам, в том числе и через бюджеты федеральных министерств и ведомств.

Реальные пространственные приоритеты в политике федеральных властей помогает выявить статистика инвестиций. В докризисных 2006–2007 гг. больше всего инвестиций из федерального бюджета получали Санкт-Петербург и Москва (8–10% от всего их объема). За ними следуют Краснодарский край, Московская и Ленинградская области (4–6%). Фактически в период экономического роста федеральные инвестиции концентрировались в крупнейших агломерациях страны, а в последние годы к ним добавился Краснодарский край, готовящийся к Олимпиаде в Сочи.

Еще более понятными стали приоритеты государственных инвестиций в кризисном 2009 г. При общем сокращении всех видов инвестиций в России на 15% (в сопоставимых ценах по крупным и средним предприятиям) в Приморском крае они выросли в 2,2 раза. Рост в основном обеспечен увеличением федеральных инвестиций в подготовку саммита АТЭС во Владиво-

стоке. В 2008 г. в Приморский край было вложена почти четверть всех федеральных инвестиций в Дальний Восток, а в 2009 г. степень концентрации примерно удвоилась. Еще две зоны значительного роста объема инвестиций в 2009 г. – тот же Краснодарский край (1,3 раз) и две наиболее проблемные республики юга – Чечня и Ингушетия (в 1,6 раз). В этих республиках инвестиции из федерального бюджета решают задачу политической стабилизации. На Кубани рост обеспечен не только федеральными инвестициями, но и жестко простимулированными государством инвестициями крупного российского бизнеса в объекты Олимпиады. Это и есть реальные приоритеты государства, к которым нужно добавить геополитические трубопроводные проекты, финансируемые крупнейшими госкомпаниями.

Итак, в стимулирующей региональной политике государства доминируют политические приоритеты федеральных властей, реализуемые в режиме «ручного управления». Прокларированные в «Стратегии 2020» приоритеты пространственного развития остались на бумаге, хотя и они не отличаются особой четкостью и слабо опираются на конкурентные преимущества регионов.

Приведенные примеры показывают, насколько далека от решения сложнейшая институциональная проблема – согласование интересов страны и регионов. Эта проблема вечная, так как целое и его части всегда имеют объективные противоречия. Без формирования институтов, обеспечивающих согласование интересов, система не может быть стабильной. Решению этой задачи препятствует объективный барьер – сильнейшая неравномерность налоговой базы регионов. В 2008 г. из всего объема налогов, поступивших в федеральный бюджет с территорий, 29% обеспечили автономные округа Тюменской области и еще 29% – Москва. Огромные диспропорции усиливаются институциональным дизайном бюджетной системы: на федеральный уровень переданы наиболее собираемый налог – НДС, и почти полностью главный рентный налог – НДС, там же концентрируются и экспортные пошлины. Регионам оставлена большая часть налога на прибыль, резко сократившегося в кризис, и относительно стабильный НДФЛ.

Существующая бюджетная система решает важную задачу – изъятия сверхдоходов нефтегазодобывающих регионов, но при этом она ухудшает возможности согласования интересов центра и регионов. Федеральный центр может действовать авторитарно – все финансовые «козыри» у него на руках, система отношений с регионами носит чисто распределительный характер. Это приводит к волюнтаристским решениям и доминированию пиар-политических приоритетов, ущемляющих интересы многих регионов. Защитой от таких решений может быть устойчивая политическая система согласования интересов, ее необходимо создавать шаг за шагом. Однако процесс пошел совсем в другую сторону, и созданные в 1990-е годы институты политического представительства регионов, пусть и очень несовершенные, стали декоративными.

Не стоит ожидать, что возвращение к реальному федерализму чудотворно и быстро улучшит систему согласования интересов. Работа И. Бусыгиной и М. Филиппова показывает, что на ранних стадиях федерализации риски нестабильности возрастают⁶, регионы, получившие преимущества первыми, будут сопротивляться продолжению реформ. Но без нормальной политической системы согласования интересов страны и регионов на первый план выходят неформальные институты, деформирующие мотивацию регионов. В таком институциональном дизайне будет и дальше воспроизводиться неэффективное и затратное управление пространственным развитием, порождающее сверхцентрализацию, подковерную и коррумпированную борьбу за федеральные трансферты, иждивенчество региональных властей.

Реальные и искусственные институциональные преимущества

Институциональные барьеры в России действуют по всей стране. Отдельные группы регионов имеют свою специфику: например, более выражены неформальные кланово-родственные институты в республиках юга или шире представлены неформальные институты теневой экономики в приморских регионах востока страны. Но это всего лишь более темные оттенки одного и того же фона.

Более интересен анализ институтов, стимулирующих развитие регионов и городов. Эти институты можно условно разделить на

Таблица 1

Доля Москвы и С.-Петербурга в основных экономических показателях в 2008 г., % (Россия = 100)

Показатели	Москва	С. - Петербург
ВРП (2007 г.)	23	4
Инвестиции (с Московской обл.)	11 (17)	5
Внешнеторговый оборот	38	6
Оборот розничной торговли (с Московской обл.)	19	4
Ввод жилья (с Московской обл.)	8 (21)	4
Доходы населения	20	
Доходы бюджета	20	6
Население (с Московской обл.)	7 (12)	3

две группы – создающие реальные и искусственные стимулы развития, хотя граница между группами очень размыта.

В России чрезвычайно высока роль статуса административного центра (столицы) – в первую очередь федерального, но также и регионального. Преимущества статуса столицы страны намного важнее, чем обусловленные агломерационным эффектом. Для сравнения в таблице 1 приведены доли Москвы и Санкт-Петербурга в основных экономических показателях страны. При разнице в населении в 2,3 раза (с учетом Московской области – в 4 раза), Москва опережает второй федеральный город по большинству индикаторов в 4–7 раз. Это следствие концентрации в столице штаб-квартир крупнейших компаний, создающих рабочие места с высокой оплатой труда, а также населения с высоким платежеспособным спросом.

Особые преимущества статуса обеспечиваются сверхцентрализацией системы управления, исторически сложившейся в России. В 2000-е годы она еще более усилилась из-за роста сырьевых доходов, которые перераспределяются исключительно в центре. Доля налога на прибыль компаний в доходах бюджета столицы в 2007 г. превышала 60%, это самый высокий показатель в стране. Сверхконцентрация преимуществ в столице типична и для других стран СНГ, особенно с большой нефтегазовой рентой (Азербайджан и Казахстан). Статус столицы страны позволяет Москве сохранять большой отрыв от Санкт-Петербурга по всем основным индикаторам, несмотря на добровольно-принудительное переселение на берега Невы части крупных компаний и значительный рост федеральных инвестиций в северную столицу.

Центры регионов, особенно крупные, также стягивают функции торговли, жилищного строительства и другие виды активности. За 2000-2007 гг. доля городов-«миллионников», включая Пермь и Волгоград, в российском обороте розничной торговли выросла с 11 до 15%, в объеме вводимого жилья – с 10 до 12%. Но при этом почти не выросла доля таких городов в инвестициях (7–8%). Почему сочетание агломерационного эффекта со статусными (столичными) преимуществами стимулирует рост в одних видах деятельности, но мало помогает в других? Этому есть институциональное объяснение. Бюджетная обеспеченность даже крупных региональных центров, которые являются муниципалитетами, ограничена по сравнению с федеральными городами – субъектами Федерации, поэтому бюджетных инвестиций мало. Привлечению инвестиций бизнеса мешают коррупционные барьеры в сфере земельных отношений и получения разрешительной документации, они преодолеваются только ограниченным числом компаний, приближенных к властям города. В федеральных городах также есть барьеры коррупции, но другой масштаб спроса привлекает на рынок крупных игроков, способных преодолевать эти барьеры.

В пределах своих регионов (то есть в конкуренции с другими муниципалитетами) статус регионального центра в сочетании с агломерационными преимуществами обеспечивает явное доминирование. Если взять 13 крупнейших региональных центров с численностью жителей более 700 тыс. человек, то их средняя доля в населении своего региона составляет 33%, при этом они концентрируют 40% занятых своего региона, 44% инвестиций, половину ввода жилья и 61% оборота розничной торговли.

Следовательно, статусные институциональные преимущества в сочетании с агломерационным эффектом создают высокий стимулирующий потенциал. Значимость этих факторов можно объяснить и с помощью теории пространственного развития «центр-периферия», разработанной почти полвека назад Дж. Фридманом⁷. Она описывает процесс стягивания ресурсов (финансовых, человеческих и др.) в центры, что дает им возможность генерировать инновации и затем распространять их на периферию, тем самым развивая и ее. В России процессы стягивания, в отличие от последующего распространения, идут гораздо быстрее. Распространению инноваций на периферию мешают не только барьеры обширного пространства, но и плохие институты.

Помимо преимущества статуса административного центра, существовавшего всегда, появились новые институциональные преимущества статуса особой зоны. В 1996 г. в России имелось 18 свободных экономических зон в 15 регионах страны. Такой статус получили территории слаборазвитых республик (таможенная зона в Ингушетии, эколого-экономическая зона в республике Алтай и др.), некоторые приграничные и удаленные территории (особая экономическая зона в Калининградской области, на Сахалине, в Находке) и др. Их функционирование в 1990-е - начале 2000-х гг. можно описать известным термином – «черные дыры» бюджета. Позитивного воздействия на развитие регионов ни одна из этих зон не оказала, только в Калининградской области режим особой зоны помог обеспечить самозанятость значительной части населения. В 1999 г. была создана особая таможенная зона в Магаданской области, десять лет ее существования не отразились на развитии региона.

С конца 1990-х некоторые регионы и закрытые города (ЗАТО) начали создавать искусственные институциональные преимущества в виде внутренних оффшоров. Этот режим применялся либо для всех компаний (Калмыкия), либо для избранных представителей крупного бизнеса (Мордовия, Чукотский АО, Агинский Бурятский АО и др.). На Чукотке льготный режим для компании «Сибнефть» обеспечил новый губернатор – ее собственник, в остальных регионах договоренности о льготах для крупного бизнеса были достигнуты с действующими

губернаторами в обмен на «прописку» крупных налогоплательщиков. Результатом стал быстрый рост доходов бюджета Чукотки – почти в пять раз за 2001-2004 гг. (с 3,5 до 17 млрд. руб.), Агинского Бурятского АО – в 34 раза за 2001-2006 гг. (с 0,5 до 17 млрд. руб.). Уровень дотационности (доли трансфертов из федерального бюджета во всех доходах бюджета региона) сократился на Чукотке с 65 до 15%, в Агинском округе – с 89 до 7%. Многократно выросли инвестиции из бюджетов регионов в развитие инфраструктуры, жилищное строительство, поддержку сельского хозяйства. В Калмыкии регистрировались компании со всей страны и в 2002 г. уровень дотационности снизился до 35%. Дополнительные налоговые поступления в бюджет инвестировались в строительство шахматного города Чесс-Сити, несмотря на острейшие социальные и инфраструктурные проблемы республики.

Искусственные преимущества рухнули в 2003-2004 гг. после введения законодательных ограничений на снижение региональной части налога на прибыль (что позволяло создавать внутренние оффшоры), а также ухода крупных компаний из региона по тем или иным причинам. В 2007 г. уровень дотационности бюджета Чукотки вновь достиг 75%, но при многократно возросшем объеме расходов. Соответственно, резко возросла и финансовая помощь из федерального бюджета для компенсации выпадающих налоговых доходов от крупного бизнеса. В Калмыкии уровень дотационности бюджета вернулся к 60% также при значительном увеличении федеральных трансфертов. Искусственно созданные институциональные преимущества не обеспечили устойчивого роста ни одному региону. Получилось как всегда – «приватизация прибыли и национализация убытков»

Последний пример особых институциональных преимуществ – Тюменская область, бюджет которой за 2003-2008 гг. вырос в шесть раз (с 27 до 162 млрд руб.). Это следствие трех институциональных факторов, формальных и неформальных. Первый и важнейший – изменения федерального законодательства. В 2004 г. был принят федеральный закон (131 ФЗ) о разграничении полномочий «материнских регионов» и входящих в их состав автономных округов. Нежелание Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов передавать свои бюджет-

ные полномочия на уровень «материнской» Тюменской области было закреплено специальным договором, который обеспечивал свободу округов в обмен на выплаты ими «контрибуции» Тюменской области в течение пяти лет (размер выплат был сопоставим со всеми доходами бюджета области в тот период). Кроме того, федеральным законом были перераспределены в пользу «материнских» территорий поступления в бюджет важнейшего для нефтедобывающих регионов налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ). В 2008 г. он давал Тюменской области треть доходов ее бюджета. Помимо полученных законодательных преимуществ, область стала чрезвычайно привлекательной для регистрации на ее территории в качестве налогоплательщиков крупнейших подразделений некоторых нефтегазодобывающих компаний, хотя реально они работали в автономных округах. Их перемещение на юг – в Тюменскую область, началось после перехода ее губернатора на работу в Кремль. Это типичный пример значимости неформальных институтов – особых договоренностей власти и бизнеса.

Однако искусственное счастье неизбежно заканчивается. В кризисном 2009 г. бюджет Тюменской области сократился почти на четверть по сравнению с 2008 г. из-за резкого падения налога на прибыль, а с 2010 г. полностью централизуется НДПИ. Федеральный бюджет в течение 4-х переходных лет будет компенсировать Тюменской области огромные выпадающие доходы, снижение трансфертов произойдет только к концу переходного периода. Опять повторяется история Чукотки, Омской области и других регионов, но со значительно более высокими издержками для федерального бюджета.

Что дают искусственные (хотя и закрепленные в законодательстве) преимущества? Бум бюджетных доходов привел к масштабному росту инвестиций из бюджета Тюменской области. До кризиса треть расходов ее бюджета составляли расходы по разделу «национальная экономика», выше эта доля только в Москве. Однако масштабные бюджетные инвестиции в автодороги, торговые и развлекательные центры не привели к заметному притоку частных инвесторов, поскольку Тюменская область не имеет значимых и понятных инвестору конкурентных преимуществ «первой» или «второй» природы, а ис-

кусственно созданные институциональные преимущества не обеспечивают устойчивого развития.

Работают ли в России институты регионального развития, показавшие свою эффективность в других странах? Из всех особых зон, включая созданные в 2000-е годы, пока только одна стала «экономическим чудом» – Калининградская область. Приток инвестиций начался после изменений закона об особой экономической зоне, закрывших возможности фиктивной «прописки» бизнеса. В 2008 г. объем промышленного производства в области вырос почти вдвое по сравнению с 1990 г. (хотя это не вполне корректная статистика, в нее включена стоимость ввозимых комплектующих). Тем не менее, в области собиралось 80% российских телевизоров, быстро росли другие новые отрасли промышленности (переработка сои, сборка мебели и др.), жилищное строительство, рекреация. Институциональные преимущества особой зоны помогли уравновесить барьеры таможенного регулирования и высокие транспортные издержки из-за оторванности области от основной территории страны.

Однако наступивший кризис показал, что рост, основанный на особых институциональных преимуществах, неустойчив. Производство телевизоров сократилось на 85% (повлияло и общероссийское снижение пошлин на кинескопы), объем инвестиций в 2009 г. сократился в два раза сильнее, чем в целом по стране. Особенно заметны риски развития Калининградской области на фоне динамики ее конкурента – Ленинградской области, переживающей кризис намного легче благодаря устойчивости таких благоприятных факторов развития как выгодное географическое положение и агломерационный эффект.

Еще один вид институциональных стимулов – особые преимущества для крупных инвесторов, прежде всего зарубежных. Российские регионы готовы улучшать условия ведения бизнеса для отдельных компаний, чтобы резко увеличить свои налоговые доходы. Своеобразная «охота на слонов» началась еще в 1990-е, пример подала Новгородская область. В период экономического роста многие регионы Европейской России пытались привлечь крупных промышленных инвесторов (мировых автопроизводителей, западные химические и лесоперера-

батывающие компании), предлагая особые льготы и значительные бюджетные инвестиции в подготовку промплощадок. Такая политика иногда обеспечивала успех, но решение инвесторов зависело не только от предоставленных институциональных преимуществ. Важны были другие, более стабильные факторы – местоположения и человеческого капитала. Например, выбор Калуги западными автопроизводителями, помимо особых институциональных преимуществ в виде технопарка, был продиктован удобным положением вблизи крупнейшего московского рынка сбыта, удешевляющим логистику, а также наличием квалифицированной рабочей силы.

Политика, улучшающая инвестиционную среду для всех форм бизнеса, встречается редко. Только власти Пермского края попытались это сделать с помощью предоставления льготы по налогу на прибыль, однако не смогли заметно увеличить приток инвестиций. Более весомыми оказались барьеры экономического расстояния и слаборазвитой инфраструктуры края.

Анализ институциональных барьеров и стимулов следовало бы завершить комплексной оценкой институциональной среды, но такая задача пока регионалистике не по силам. Попытки измерить качество институтов в регионах уже делались – с помощью анализа законодательной базы⁸, практики правоприменения, социологических оценок восприятия коррупции⁹, оценок институциональной среды бизнесом¹⁰ и др. К сожалению, все эти исследования дают трудно объяснимые результаты, полученные рейтинги регионов вызывают массу вопросов. Еще менее точны оценки с помощью индикаторов социально-экономического развития и бюджетной политики. Разработанная в администрации президента методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, на первый взгляд, выглядит солидно, в ней используются более 300 показателей. Но адекватность такой методики невелика: в 2007 г. в двадцатку лучших регионов по эффективности управления попали Дагестан и Ингушетия, которых пришлось сдвигать вниз с помощью экспертных корректировок.

Приходится признать, что накопленный опыт измерения качества институтов в регионах пока не обеспечивает корректных оце-

нок. В то же время у экспертного сообщества есть понимание, что, например, в Томской области и Пермском крае институты лучше, однако строгие доказательства привести невозможно. Даже такой стандартный критерий, как приток инвестиций, для регионов России работает плохо, потому что инвесторы принимают решения с учетом других, более устойчивых факторов пространственного развития.

Формула модернизации: «институты +»

Постоянно звучащие призывы к улучшению институциональной среды в регионах указывают генеральное направление развития, но они не операциональны. Попробуем сформулировать условия и рамки, в которых эти призывы могут реализоваться.

Во-первых, повсеместное улучшение институциональной среды в регионах маловероятно, значительная часть властей регионов не имеет стимулов к этому и продолжает уповать на федеральную поддержку или новые формы искусственных институциональных преимуществ. Это данность, с которой приходится считаться. Есть и рациональное объяснение – улучшение институтов пока не обеспечивает ускоренного экономического роста и, тем более, увеличения административной ренты.

Во-вторых, многочисленные примеры показывают, что роль институтов как стимулов развития пока еще второстепенна, более значимыми остаются преимущества «первой природы» и агломерационный эффект. Это означает, что только в комбинации с другими факторами пространственного развития модернизация институтов будет давать более явный и быстрый эффект. Например, преимуществом Томской области является более высокий человеческий капитал, Ленинградской – сочетание агломерационного эффекта и выгодного географического положения, Калужской – сочетание близости крупнейшей агломерации страны и удобной логистики, Белгородской области – плотного расселения, более развитой инфраструктуры, человеческого капитала. Конкурентными преимуществами обладают и другие регионы. При улучшении в них институциональной среды интеграция нескольких преимуществ дает кумулятивный эффект, а следовательно, заметно повышает конкурентоспособ-

ность. В таких регионах выше вероятность формирования коалиций групп интересов, которые выигрывают от модернизации институтов.

В-третьих, регионы будут стремиться улучшать институты только при наличии важнейшего условия – реальной конкуренции за инвестиции и человеческий капитал. Если отдельных крупных инвесторов еще можно заманить искусственными специальными преимуществами, то приток более квалифицированного и мобильного населения, развитие малого и среднего бизнеса не могут обеспечиваться «эксклюзивными» правилами игры. В то же время следует учитывать, что сверхконцентрация преимуществ в столице страны еще долго будет деформировать конкуренцию регионов – перворазрядникам трудно играть на равных с чемпионом.

В-четвертых, реальная конкуренция регионов может возникнуть только при децентрализации ресурсов и полномочий. Пока федеральный центр отвечает за все и покрывает провалы региональных институциональных решений, честная конкуренция вряд ли возможна. Пока у регионов нет необходимых полномочий и ресурсов для их реализации,

отсутствуют и стимулы к повышению конкурентоспособности и реформированию институтов. Однако существуют и риски децентрализации, их не стоит приуменьшать. В мире есть «failed states», аналогичные проблемы крайне плохих институтов могут усложнить развитие некоторых российских регионов. Потребуется институциональная «подушка безопасности», которая сохранит за федеральной властью рычаги контроля ситуации.

Мы привыкли считать, что модернизация начинается сверху, так в России было всегда. Но для того, чтобы эти импульсы не «увязли в пространстве», должны быть сформированы условия для инициативы снизу – от регионов, имеющих конкурентные преимущества и выигрывающих от улучшения институтов. Если эта двуединая задача не будет реализована, модернизация в России вряд ли будет успешной и устойчивой.

Но она все равно будет идти. Мне подарили фотографию, сделанную на родине Ломоносова в селе Холмогоры. На ней снят старый деревянный сруб с водозаборной колонкой внутри, на котором висит бумажка с рекламным объявлением: «быстрый Интернет без проблем»...

Примечания

1. Krugman P.R. (1991) *Geography and Trade*. MIT Press, Cambridge, MA
2. Норт, Дуглас. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики* / Пер. с англ. – М.: Начала, 1997.
3. Всемирный банк. *Доклад о мировом развитии за 2009 г.: «Новый взгляд на экономическую географию»*. – М.: Весь мир, 2009.
4. Пилясов А.Н. *И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания*. М. Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. Пилясов А.Н. *Основные институты смоленской экономики: опыт регионального анализа* / Региональные исследования. Смоленск, 2003.
5. Нефедова Т.Г. *Сельская Россия на перепутье: географические очерки*. М. Новое издательство, 2003.; Нефедова Т.Г., Пеллот Дж. *Неизвестное сельское хозяйство или зачем нужна корова?* – М. Новое издательство, 2006.
6. Бусыгина И., Филиппов М. *Проблема вынужденной федерализации* / Pro et Contra. – 2009. – № 3–4. (Моск. Центр Карнеги).
7. *Теория «Центр-периферия» анализируется в:* О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. *Центр и периферия в региональном развитии*. – М.: Наука, 1991.
8. *Рейтинги инвестиционной привлекательности регионов* журнала «Эксперт».
9. *Исследования Фонда ИНДЕМ*.
10. *Исследования компании «Бауманн Инновейшн» по методике и при поддержке Всемирного экономического форума*.

И.А. Родионова
(г. Москва)

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН МИРА И НОВЫЕ ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

I.A. Rodionova (Moscow)

CONTEMPORARY DEVELOPMENT OF COUNTRIES OF THE WORLD AND NEW ISSUES OF ECONOMIC GEOGRAPHY

Аннотация. В статье мировое хозяйство характеризуется как предмет междисциплинарных исследований. Рассматриваются проблемы мирового экономического сообщества, которое постепенно, но неуклонно превращается в целостную систему, где национальные хозяйства и другие экономические субъекты объединены международным разделением труда, глобальной финансовой системой, всемирной инфраструктурой и информационной сетью. Определены возникающие в связи с этим новые задачи социально-экономической географии и страноведения.

Abstract. World economy is described in the article as a subject of interdisciplinary research. The article examines the problems of the world economic community that gradually but consistently turns into an integral system where national economies and other economic actors are incorporated by the international division of labour, global financial system, worldwide infrastructure and information network. In this connection the author defines new goals of social and economic geography and country studies.

Ключевые слова: экономическая география, междисциплинарные исследования, мировое экономическое сообщество, изучение страны, пространственное мышление, географические компоненты, экономическое образование.

Keywords: economic geography, interdisciplinary researches, world economic community, countries' study, spatial thinking, geographic component, economic education.

Обширность, сложность и многомерность системы мирового хозяйства, наличие разнонаправленных тенденций в ее развитии обуславливают важность и необходимость по-новому осмыслить традиционные теоретические представления и концепции, усиливают потребность в более глубокой и реалистичной разработке методологических вопросов ее изучения.

Мировое хозяйство как предмет междисциплинарных исследований

Интегрирующая роль географических исследований, отождествляемых, прежде всего, с изучением пространственных отношений субъектов мирового хозяйства, выступает в качестве объединяющего фактора для всех исследовательских подходов. Анализ экономической и экономико-географической литературы позволяет утверждать, что стремление обобщить научные знания о мирохозяйственной системе, зачастую наталкивается на ограниченность методологической базы и используемого аналитического инструментария. Наблюдается неупорядоченность терминологии и широкий разброс

в идентификации важнейших понятий. При этом в разных отраслях знаний сформировались узкоспециализированные теории, изучающие единый объект – мировое хозяйство с различных точек зрения. География мирового хозяйства, География промышленности, География мирового транспорта, География международного туризма, География населения, География мировой торговли – вот лишь небольшой спектр дисциплин, изучающих проблемы мирохозяйственного развития в рамках социально-экономической географии. Мирохозяйственная проблематика выступает объектом экономических исследований также в рамках таких дисциплин как: Мировая экономика, Международные экономические отношения, Международная экономика, Мегаэкономика, Геоэкономика, Глобалистика и др. И даже здесь до сих пор отсутствует единство взглядов на предметное поле, нет четкого и комплексного представления о мировом хозяйстве как целостной системе [1].

Отрадным является тот факт, что все чаще исследователи сосредотачивают свой поиск на парадигме пространства. Ведутся

активные исследования в рамках новых направлений – «геополитика», «геоэкономика». В отечественной литературе характеристика геоэкономического подхода к исследованию проблем мирохозяйственного взаимодействия широко представлена в работах Э.Г. Кочетова, А.И. Неклессы, Ю.В. Шишкова, В.В. Соколова, Б.Н. Кузыки и других авторов. Геоэкономика характеризуется «как учение о технике национального оперирования в геоэкономическом пространстве в целях своевременной перегруппировки сил для выхода на наиболее благоприятные условия формирования и распределения мирового дохода» [2]. Следует отметить, что, на наш взгляд, «геоэкономика» выступает скорее как междисциплинарная, а не только как экономическая дисциплина.

При всем многообразии научных взглядов, суждений и оценок относительно состояния современного мира и глобальных социо-экономических тенденций все исследователи (географы, экономисты, социологи, политологи и др.) сходятся на том, что система мирового хозяйства за последние десятилетия претерпела значительные изменения. Усиливается взаимосвязь и взаимозависимость между различными структурами современного мира. Быстрыми темпами растут объемы международных торговых, финансовых, инвестиционных, информационных и других потоков, масштабы международной миграции населения, в т.ч. трудовых ресурсов.

Все это говорит о новом качестве мирохозяйственной системы, развивающейся в настоящее время в условиях глобализации. Изменяются субъекты мирохозяйственного взаимодействия, растет их число. Наряду с национальными государствами ими ныне являются перешагнувшие национальные границы «производственно-инвестиционные комплексы» или транснациональные корпорации (ТНК), международные организации (такие как МВФ, Всемирный банк, ЮНЕСКО, ФАО, МОТ, ВТО и др.), различные региональные организации, институциональные инвесторы (пенсионные и инвестиционные фонды, страховые компании), неправительственные организации (всевозможные социальные движения и т.п.) и интеграционные группировки.

Изменения в мирохозяйственной системе напрямую связаны с новой ролью финан-

совых рынков, от состояния которых экономическое положение любой страны зависит не меньше, чем от состояния реального сектора. Международный финансовый капитал стал чрезвычайно мобильным. Бурное развитие средств связи привело к формированию общемирового экономического, финансового, информационного, телекоммуникационного пространства. Все это говорит о новом качестве мирохозяйственной системы, развивающейся в настоящее время в условиях глобализации, где взаимодействие мирохозяйственных субъектов становится все более тесным и многогранным. Об этом в частности свидетельствует современный мировой финансово-экономический кризис, отразившийся без исключения на хозяйстве государств разных континентов. Иными словами имеет смысл рассматривать современное мировое хозяйство как единую, причем глобальную систему, или определенным образом структурированную совокупность государств, транснациональных корпораций и их альянсов, а также межправительственных и международных организаций и других субъектов мировой экономики.

Вопросы, касающиеся мирохозяйственной проблематики, необходимо рассматривать в непосредственной связи с широким кругом проблем экономики, политики, философии, истории и культуры. При этом, несомненно, должна возрасти роль географии, которая изучает все многообразие условий функционирования мирового хозяйства. Перспективен союз географии с комплексом других наук.

Стремление осмыслить происходящие в современной мировой системе перемены приводит исследователей к широкому использованию таких понятий, как «глобальность» и «глобализация». В развернувшихся научных дискуссиях «глобализация» рассматривается как качественно новое состояние мировой экономики, как вектор или главная тенденция мирового развития, как форма перехода к новейшей информационной цивилизации.

Превращение мирового экономического сообщества в целостную экономическую систему

Глобализация не могла бы возникнуть, если бы ей не предшествовали масштабные, долговременные и всеохватывающие про-

цессы интернационализации, подготовившие для нее материальную, когнитивную, политическую основу. Говоря о глубинной, системообразующей части глобализации, то есть о глобализации экономики, чаще всего имеют в виду рост экономической открытости стран, либерализацию национальных режимов торговли, международных перемещений капитала, формирование глобального финансового рынка и всемирной информационной сети и т.п. Все это действительно присуще глобализации. В то же время, «глобализация экономики – не просто очередной всплеск прежних тенденций, усиливающих взаимосцепление национальных хозяйств, и не просто достижение мировой экономикой глобальных масштабов, когда она охватила всю ойкумену... Мировая экономика переходит в качественно новое состояние» [3, с. 3]. Этот процесс существенно ускорился благодаря информационной революции и бурному развитию коммуникационных технологий.

Иными словами мировое экономическое сообщество постепенно, но неуклонно превращается в целостную систему, где национальные хозяйства и другие экономические субъекты (в первую очередь ТНК и их альянсы) объединены международным разделением труда, глобальной финансовой системой, всемирной инфраструктурой и информационной сетью. При этом хозяйственное взаимопроникновение преобразило мир до неузнаваемости. Национальные и всемирные экономические отношения начинают меняться ролями. Так, по мере формирования наднациональных финансовых и прочих рынков и производственно-сбытовых структур уже не национальные, а международные отношения обретают роль ведущих. В новых условиях национальные хозяйственные механизмы вынуждены приспосабливаться к реалиям формирующейся глобальной экономики. По существу снижается значимость регулирующих функций национальных государств, призванных защищать экономику от нежелательного внешнеэкономического и политического воздействия (в т.ч. с помощью таможенных барьеров, экспортных субсидий, изменений курса национальной валюты и др.). Ныне государствам все в большей мере приходится считаться с поведением новых субъектов международных экономических отношений, представленных транснациональными компаниями (ТНК), транснацио-

нальными банками (ТНБ), международными организациями, разного рода фондами и др. Иными словами межгосударственные отношения в условиях глобализации обнаруживают тенденцию к трансформации из международных во внутриглобальные. Одновременно действия новых субъектов мировой экономики, например, ТНК и ТНБ также постепенно оформляются как действия, осуществляемые внутри пространства единого глобального мира. Глобализация – это процесс, связанный с прогрессом информационных технологий. Таковы в очень схематичной форме суть глобализации и ее отличие от всех предшествующих этапов интернационализации хозяйственной жизни планеты.

Поиск новой модели регулирования глобализирующегося мира, новых механизмов регулирования глобальной экономики будет являться одной из важнейших задач мирового сообщества в XXI веке. В основе современного мирового интегрирующего развития лежит международное экономическое и культурное взаимодействие всех стран мира.

Изменения в пространственной организации промышленности мира

Мировой процесс индустриализации фактически предопределил демографические, экономические, научно-технические, экологические и другие процессы, которые привели к глобализации. В свою очередь современные процессы оказывают все более заметное воздействие на дальнейшее развитие индустриализации, определяя современную пространственную организацию промышленного производства, способствуя дальнейшему распространению промышленности во все регионы и страны мира, развитию финансовых рынков, распространению однотипных потребительских предпочтений в разных странах и массовому перемещению рабочей силы на региональном и даже на глобальном уровне.

Изменения в территориальной организации промышленности мира в условиях глобализации формируются под воздействием многих явлений и факторов. Во-первых, активно происходит процесс перехода высокоразвитых стран к постиндустриальному этапу развития, новейшему информационному технологическому укладу. Во-вторых, выделился самостоятельный и не зависящий

от национальных государств транснациональный капитал, который превратился в настоящее время в главного игрока на мировой арене. В-третьих, возникли новые технологии глобализации (информационные, компьютерные и сетевые).

Каждому из этапов развития общества соответствовал свой определенный уровень развития производительных сил, обеспечивающий воспроизводственные процессы и развитие. Как известно, в рамки стадии индустриального развития мирового сообщества укладываются четыре первых «кондратьевских» цикла. А пятый цикл, начало которого часто ассоциируется с 1970–1980 гг. (т.е. с формированием информационного технологического уклада), совпадает со вступлением наиболее развитых стран в стадию постиндустриального развития. В последнее время уже говорят и о шестом цикле развития мировой экономики.

Однако страны и даже целые регионы современного мира (например, Африка) находятся на разных стадиях развития, что во многом определяет черты пространственной организации всемирного хозяйства и особенности современного международного разделения труда (МРТ). В условиях глобализации прогресс в экономическом развитии стран предполагает вовлечение природных ресурсов из менее развитых регионов и стран мира. Но, чем больше производится продукции в развитых странах, тем в большей степени возрастает потребность в расширении рынков сбыта созданной продукции за пределами их собственных территорий. Иными словами, все активнее в международное разделение труда вовлекаются менее развитые страны (включая страны с «переходной экономикой»), так как их экономику к своему воспроизводственному процессу подключают высокоразвитые страны. При этом вовлеченность в мирохозяйственные связи всех постсоциалистических стран (в том числе республик СНГ) – также выступает как один из факторов происходящих изменений в международном разделении труда.

Отсюда и необходимость глубокой экономико-географической (страноведческой) характеристики хозяйственного комплекса всех стран мира, особенностей их ресурсной базы, транспортной и иной инфраструктуры, расселения населения и др. Страны мирового экономического авангарда не могут в

современных условиях ни экономически, ни политически замкнуться в себе, и даже в рамках отдельного региона. А участие менее развитых стран в МРТ позволяет повысить эффективность их экономики, получать экспортные доходы и инвестировать их в традиционные или даже новые отрасли производства. Ведь туда начинает поступать инвестиционный капитал, растет занятость населения в промышленности и сфере услуг, растет уровень жизни населения и т.д. Причем, хотя крупнейшие ТНК и заинтересованы в сохранении низкой оплаты труда в странах, где они размещают свои зарубежные филиалы (именно фактор дешевой рабочей силы и определяет высокие прибыли), но они в то же время заинтересованы и в увеличении покупательной способности местного населения, так как предпринимателям необходим и потребительский рынок данных стран. В свою очередь страны мировой периферии оказываются настолько вовлеченными в международное разделение труда, кредитно-финансовые связи, что уже не в состоянии без них решать свои проблемы. Подобного рода отношения можно представить как «своеобразный геоэкономический симбиоз мирового авангарда и обширной периферии», которые при всех противоречиях и конфликтах между ними все более нуждаются друг в друге» [3, с. 12].

В условиях жесткой конкуренции на мировом рынке товаропроизводители высокоразвитых стран вынуждены изобретать все более конкурентоспособные товары и услуги. Это сопряжено с повышением научно- и техноёмкости, т.е. с увеличением затрат на НИОКР, в связи с чем выгоднее производить и продавать дорогостоящую продукцию. Издержки растут практически во всех отраслях промышленности, поэтому продукцию низко- и среднетехнологичную выпускать развитым странам становится невыгодно. Вопрос ныне заключается в том, имеются ли возможности у стран мировой периферии воспринимать, и осваивать производства и технологии, которые могут быть переданы туда из высокоразвитых стран.

Механизм перемещения производственных мощностей известен как «международный цикл производства». Технически лидирующая страна постепенно перемещает свои производственные мощности в следующие за ней по шкале развития государства. По-

следние, по мере возрастания их собственного технологического и кадрового потенциала, а также в процессе повышения уровня оплаты труда начинают переносить некоторые производства в страны, которые находятся еще ниже их по уровню технико-экономического развития и т.д. Сначала вниз по цепочке передаются производства легкой промышленности (текстильной, швейной и т.д.), затем некоторые отрасли химической промышленности, затем металлургия, автомобилестроение (сборка), и даже отдельные подотрасли электронной промышленности (сборка). Обострение экологических проблем в высоко развитых странах также способствует перемещению производств в отсталые регионы и страны. В основе такой модели «каскадного» развития пространственной структуры мирового хозяйства лежит механизм технологических инноваций в самом широком смысле слова. Таким образом, менее развитые страны также (хоть и не в очень значительной степени) принимают участие в перераспределении мирового продукта [2, 5].

Способствуют ускорению данного процесса нарастающие темпы экспорта прямых иностранных инвестиций. Несомненно, наибольшая их часть перераспределяется непосредственно между развитыми странами Запада, но рост инвестиций в развивающиеся страны очень заметен. Важно и то, что все более увеличивается доля прямых иностранных инвестиций, вкладываемых в отрасли обрабатывающей промышленности.

ТНК – глобальные «игроки» мирового рынка, ядро современной мирохозяйственной производственной системы и объект исследования в экономической географии

В настоящее время на международном рынке все более конкурируют фирмы (транснациональные корпорации), а не страны. На наш взгляд, фирмы (ТНК), отрасли и национальные экономические системы должны выступать в качестве отдельных объектов исследования при анализе мирохозяйственных процессов.

Усиление роли транснациональных корпораций в системе мирохозяйственных связей связано как с ростом их числа, так и с расширением мест базирования их производственных цехов. Если в 1970 г. в 14 странах мира насчитывалось около 7 тысяч ТНК,

имевших более 27 тысяч дочерних предприятий (зарубежных филиалов), в середине 1990-х гг. их уже было свыше 39 тысяч (и еще 270 тысяч филиалов), то к 2008 г. общее число ТНК превысило 82 тысячи. Число же зарубежных филиалов транснациональных корпораций – около 810 тысяч. Масштабы деятельности самых крупных ТНК не только по объемам годового дохода или объемам продаж, но и по объему создаваемой добавленной стоимости (составляющей в среднем 20–25% сбыта продукции) сопоставимы с макроэкономическими показателями крупных государств мира. В настоящее время ежегодные объемы продаж крупнейших корпораций, таких как «Эксон Мобил», «Роял/Датч Шелл», «Бритиш Петролеум», «Дженерал Моторс», «Тойота Мотор», «Уол-Март Сториз» и др. составляют 200–300 млрд долл. в каждой.

При этом не следует забывать и тот факт, что в 1990 г. добавленная стоимость, созданная 100 крупнейшими ТНК мира составляла, согласно расчетам экспертов ЮНК-ТАД, около 3,5% мирового ВВП, а в 2000–2008 гг. – около 4,5% мирового ВВП. В 2006–2008 гг. доли этих 100 компаний в совокупных зарубежных активах, объемах продаж и общей численности занятых во всех ТНК мира, согласно оценкам, составляли 9%, 16% и 11% соответственно [6].

Практически во всех сферах мирового промышленного производства крупные ТНК занимают лидирующие позиции, причем первенство во многих отраслях промышленности принадлежит, как правило, 5–6 ведущим компаниям, но за лидерами вплотную следуют еще 15–20 крупных ТНК. Так, например, на долю лидирующих пяти и лидирующих десяти крупнейших корпораций приходится соответственно около 30 и 45% мировых продаж фармацевтической продукции. Объем производства автомобилей на предприятиях пяти крупнейших корпораций превышает 50% общемирового производства, а на долю десяти крупнейших корпораций приходится уже около 75% мирового производства автомобилей. Доля 20-ти крупнейших транснациональных корпораций в черной металлургии – свыше 30% мировой выплавки стали. При этом объем производства металла на каждой из крупнейших ТНК данной отрасли превышает таковой в таких странах, как Испания, Франция, Италия и др. [7].

Растут объемы продаж и активы зарубежных филиалов транснациональных корпораций. ЮНКТАД приводит следующие данные: только в период с 1982 по 2001 г. объемы продаж зарубежных филиалов ТНК (в текущих ценах) выросли почти в 8 раз (с 2,5 до 18,5 трлн долл.), а активы зарубежных филиалов – увеличились с 2 до 25 трлн долл. В 2008 г. совокупные активы зарубежных филиалов ТНК составили уже около 70 трлн долл., объемы продаж зарубежных филиалов ТНК превысили 30 трлн долл. а валовое производство – 6 трлн долл. При этом доля зарубежных активов, продаж и занятости на зарубежных филиалах 100 крупнейших ТНК мира составляет по данным позициям примерно 60% от совокупного объема деятельности международных корпораций. Производство товаров и услуг на производственных мощностях на зарубежных филиалах всех ТНК мира составляло по продажам – 18%, по объемам производства добавленной стоимости – 16%, по экспорту – 12% общих показателей деятельности всех 82 тысяч ТНК [6].

Для ТНК рост масштабов транснационализации означает расширение сферы деятельности и ускорение оборота капитала, а с этим и его накопление, наибольшую свободу конкурентного маневра в границах мирового рынка по сравнению с национальными компаниями и т.д. Занятость на зарубежных филиалах ТНК растет. Процесс глобальной диффузии капитала и технологий набирает силу. Масштабы и значение данного явления еще не до конца выяснены, и оценены. Количество глобальных экономических изменений переросло в качество. Транснациональный капитал для многих стран стал источником инвестиций, экономического роста, хотя последствия этого процесса являются далеко неоднозначными (имеется в виду как положительное, так и отрицательное влияние).

Разнообразные аспекты процессов регионализации и глобализации проявляются неодинаково в различных регионах и странах мира. Но глобализация, базируясь на достижениях НТР, открывает новые горизонты развития и многопланового взаимодействия между странами и местностями. При этом формируется новая многоярусная глобальная регулирующая система, в которой, несмотря на усиливающуюся роль ТНК и

надгосударственных регулирующих механизмов в рамках региональных экономических группировок и союзов, национальные государства призваны играть еще очень важную роль в мировой экономике.

Масштабы и географию деятельности крупнейших ТНК мира и их филиалов необходимо внимательно изучать, хотя бы затем, чтобы упорядочить информацию и них и о их роли в мировой экономике (очень различающейся в разных и даже научных источниках).

ТНК с их зарубежными филиалами и система международных связей составляют некое единое экономическое пространство, в котором осуществляются производственные и иные отношения в рамках глобализирующегося мира. И государства, и ТНК заинтересованы в поддержании динамической стабильности этой системы. В настоящее время национальные государства вписываются в принципиально новую систему регулирующих и властных отношений глобального масштаба. Возможно, что в перспективе ТНК, как структурообразующий фактор мировой экономики, будут все более оттеснять с данного поля деятельности национальные государства, оставляя им главным образом сферу международных политических отношений. Но это в перспективе.

Именно поэтому специалистам по-прежнему необходимы глубокие страноведческие знания. «Страноведение – традиционная географическая дисциплина, занимающаяся комплексным изучением стран и их районов, систематизирующая разнородные данные об их природе, населении, хозяйстве, культуре и социально-политической организации. Оно составляет не только главный потенциал учебной географии, но и, как отмечал выдающийся отечественный географ Н.Н. Баранский, через страноведение географическая наука вводится «общепризнанным элементом в сокровищницу национальной культуры» [8].

Географическая составляющая в экономическом образовании

Хотелось бы затронуть в данной статье еще один аспект рассматриваемой проблемы. Очень важным является вопрос о месте дисциплин экономико-географического профиля (в том числе страноведения) в экономическом образовании. Ныне далеко не все в руководящих структурах по-

нимают, сколь важным является формирование пространственного мышления для будущих бакалавров, специалистов и магистров экономики, магистров менеджмента, специалистов-международников, юристов, экологов.

Следует напомнить, что в советской высшей школе предметы географического цикла (экономическая география, страноведение) традиционно изучались экономистами всех специальностей (также как и во многих зарубежных странах ныне). В настоящее время учебные дисциплины экономико-географического блока представлены в ведущих университетах мира. Но в нашей стране некоторое время назад практически все курсы географического профиля исчезли из перечня обязательных дисциплин. Хотя соответствующие (географические) кафедры либо остались на факультетах и были переименованы (зачастую без упоминания географии в их названии, например, в кафедры «Региональной экономики»), либо они были объединены с кафедрами мировой экономики. В перечне обязательных дисциплин в стандартах экономического образования предметов экономико-географического цикла нет. Хотя преподавание дисциплин географического цикла по-прежнему продолжается во многих вузах, но только в рамках вузовского компонента.

Прискорбно, что отсутствие предметов, связанных, например, с изучением размещения природных ресурсов и природопользования, имеет место быть не где-нибудь, а в России, и это в условиях ориентированной на интенсивное использование ресурсов и экспортной ориентацией экономики страны. А ведь еще в 1934 г. в СССР обсуждался подобного рода вопрос. Мы имеем в виду Постановление Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР «О преподавании экономгеографии в вузах и вузах», в котором отмечалось, что специфика экономгеографии, размещение производительных сил, экономическое районирование должны быть в центре внимания профессорско-преподавательского состава вузов. Указывалось, что нельзя лишать молодежь знаний, столь необходимых для развития производительных сил нашей страны и укрепления ее обороноспособности. Не правда ли, эти слова звучат современно и своевременно. И очень жаль, что в настоя-

щее время анализ экономических явлений зачастую осуществляется вне изучения их пространственной организации, так как вопросы размещения хозяйственных объектов и расселения населения являются предметом исследования экономической географии, а экономисты не изучают этот предмет.

Безусловно, изучаемые в средней школе курсы экономическая и социальная география мира, экономическая география России и других стран СНГ должны формировать твердый фундамент для дальнейшего, более углубленного и детального изучения предмета. Но ныне времена сложные. И очень сильным тормозом в университетской работе со студентами является как раз отсутствие того надежного фундамента, который должен быть заложен еще в школе. Вот и получается, что студенты вузов несут тяжелое наследие имеющихся грехов географического (да что скрывать, и математического, и исторического, и филологического) образования в современной школе. Из-за этого занятия в вузах сплошь и рядом скатываются к процессу ликвидации элементарной (и не только географической) неграмотности студентов.

Но, уж если не сформировано географическое (пространственное) мышление в средней школе, мыслить пространственными категориями следует научить на начальных курсах высшей школы. Иначе мы просто не сможем дать того базового образования для дальнейшей подготовки высококвалифицированных кадров экономистов. Именно представление о географических ландшафтах с обязательным знанием экономической карты и основных элементов политической карты является совершенно необходимой предпосылкой для изучения блока собственно экономических дисциплин. К тому же в курсе дисциплин географического блока даются знания о технике и технологии основных видов промышленного и сельскохозяйственного производства, причем эти сведения органически увязываются с объяснением особенностей размещения всех видов производственной деятельности. Выявляются внутренние географические различия в пространственной организации хозяйства и отдельных отраслей экономики стран. Изменения в хозяйственной деятельности стран и регионов мира освещаются в том случае, когда они обуславливают сдвиги

структурного порядка (сдвиги в отраслевой, социальной и пространственной структуре хозяйства).

Экономическая география есть наука по самому существу своему комплексная, обладающая весьма широким охватом. Она должна выступать как база, фундамент для всех дисциплин экономического профиля. Именно поэтому преподавание ее на начальных курсах вузов, в том числе экономических, по нашему глубокому убеждению, является необходимым. Именно эта дисциплина формирует пространственное мышление, развивает навыки научного синтеза. Н.Н. Баранский писал так. «Географически мыслит тот, кто привык обращать внимание на различия от места к месту: чем одно место отличается от другого по рельефу, по климату, по растительному покрову, по положению, по населению, по истории развития, по хозяйству и т.д.; кто привык свои суждения «класть на карту», кто привык ставить вопрос о причинах, обуславливающих различия от места к месту, кто привык связывать эти различия между собой, сопоставлять целостные представления о местности» [9].

Таким образом, вопрос о возобновлении преподавания дисциплин экономико-географического профиля в высшей школе при получении экономического образования должен быть поставлен со всей серьезностью. Для подавляющего большинства специалистов этот курс останется на всю жизнь основным багажом по части знаний географии мирового хозяйства, собственного государства и других стран мира.

Потребность в этом знании будет с каждым годом расти, а не сокращаться. Речь идет о вопросах регионального неравенства, методике определения проблемных районов и методах формирования региональной политики, о выборе местоположения для промышленных и иного рода объектов, о проблемах оптимального использования ресурсной базы и др. Только географы, анализирующие не только усредненные по странам абсолютные и относительные социально-экономические показатели, изучающие в комплексе региональные аспекты развития или пространственную составляющую развития, обладают методическим аппаратом для выявления и объяснения генезиса многочисленных проблем, для выработки на локальном, региональном и даже глобальном уровне адекватных мер по

их решению. Экономическая география, по нашему глубочайшему убеждению, должна являться обязательным предметом изучения не только для экономических, но и для других гуманитарных специальностей, владение географическими знаниями необходимо признать обязательным не только для будущих экономистов-управленцев федерального и регионального уровня, но и менеджеров и предпринимателей.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что задача дисциплин экономико-географического профиля, которые находятся как бы на стыке наук географических и экономических, и используют в своем арсенале методы исследования обеих, состоит как в описании хозяйственных объектов, так и в выявлении «различий от места к месту», выявлении пространственных закономерностей развития государства и его экономических районов, а также возможности прогнозирования тех или иных ситуаций. «Географическое мышление – это мышление, во-первых, привязанное к территории, кладущее свои суждения на карту, и, во-вторых, связанное, комплексное, не замыкающееся в рамках одного «элемента» или одной «отрасли», иначе говоря, «играющее аккордами, а не одним пальчиком», – как писал Н.Н. Баранский [10, с. 110].

Экономика любой страны мира развивается в определенных природных и исторических условиях, под воздействием разного рода предпосылок и факторов. Все они оказывают огромное влияние на размещение населения и хозяйства. Поэтому, чтобы правильно выбрать место для строительства новых городов, разного рода предприятий, определить направление и перспективы развития экономики любой страны, ее экономических районов и всех административно-территориальных единиц, надо уметь всесторонне оценить природные условия, ресурсный потенциал территории, сложившиеся навыки, обычаи и традиции населения, его размещение, особенности хозяйства и экономических связей отдельных районов, и страны в целом. Только правильный учет совокупности всех условий и факторов позволит разумно использовать ресурсы, правильно разместить производительные силы по территории страны и создавать изделия с наименьшими затратами труда.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что назрела необходимость в многофакторном и многовариантном анализе, который выявит эластичную взаимосвязь отдельных элементов мирохозяйственной системы и покажет направления происходящих изменений. А значит, в условиях современного развития стран, в условиях глобализации мировой экономики у экономической географии и у страноведения будут появляться все новые задачи.

Библиографический список

1. Пивоварова М.А. Система мирохозяйственного взаимодействия: вопросы методологии, теории и современной российской практики. – М.: Высшая школа, 2000.
2. Кочетов Э.Г. Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). – М.: Изд-во «БЕК», 2004.
3. Шишков Ю.В. Глобализация — враг или союзник развивающихся стран //Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 4.
4. Социально-экономическая география зарубежного мира: Учебник для студентов вузов /Под ред. В.В. Вольского. – М.: Дрофа, 2004.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура /Пер. с англ. под науч. ред. проф. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
6. World Investment Report, 2009. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. UN. N.-Y. and Geneva, 2009.
7. Родионова И.А. Мировая промышленность: структурные сдвиги и тенденции развития (вторая половина XX в. – начало XXI в.). Монография. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009.
8. Мироненко Н.С. Страноведение: теория и методы: Уч. пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.
9. Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1956.
10. Баранский Н.Н. Методика преподавания экономической географии / Изд. подгот. Л.М. Панчешниковой. – 2-ое изд., перераб. – М.: Просвещение, 1990.

Т.А. Ачкасова
(г. Москва)

ГЕОГРАФИЗАЦИЯ СТАДИЙ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

Achkasova T.A. (Moscow)

SPATIALIZATION OF THE INNOVATION PROCESS STAGES (ON THE EXAMPLE OF MODERN MANUFACTURING)

Аннотация. В статье представлена логическая модель географизации стадий инновационного процесса на примере обрабатывающей промышленности мира.

Abstract. The article presents a logical model for spatialization of the innovation process stages, using as an example the world manufacturing.

Ключевые слова: географизация, инновационный процесс, обрабатывающая промышленность.

Key words: spatialization, innovation process, manufacturing.

Инновации – это востребованный в настоящее время объект исследования многих наук и одновременно расхожее журналистское и даже политическое понятие. Несмотря на то, что «инновации» существовали всегда, и во времена Античности, и в Средние века, именно сейчас, когда процесс познания мира и закономерностей его развития сильно ускорился, они стали играть ключевую роль в цивилизационном процессе, обеспечивая

развитие как физических лиц, предприятий и фирм, так и целых стран и регионов.

Единой, непротиворечивой научной концепции, описывающей и объясняющей инновации, до сих пор не существует. Мы не собираемся давать здесь новое, очередное определение инновации или инновационного процесса. Для нас важнее определить тот аспект инновации, который является объектом именно пространственного, географического анализа, а не технологического или социологического и др. Вербальный подход в данном случае не может дать практических результатов. При описании конкретных территорий или отрезков времени вербальный, интуитивный, идиографический подходы становятся слишком абстрактными, без введения однозначной аксиоматики и, соответственно, метрического инструментария, позволяющего использовать компаративистику, эконометрику, картографические методы. Поэтому в работе используется наиболее распространенный подход к следующему определению: инновация – конечный результат интеллектуальной человеческой деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности. Инновационный процесс – все научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие действия, приводящие к реальному осуществлению инноваций или задуманные с этой целью [2, с. 56].

Пространственный анализ, т.е. географическая интерпретация инновационного процесса, с нашей точки зрения лучше всего проводить, используя полиструктурную модель инновационного процесса, разбивающую его на четыре последовательные стадии (информация – знание – инновации – потребление инноваций) и раскрывающую три содержательных уровня (функции, целеполагание функций, географизация функций).

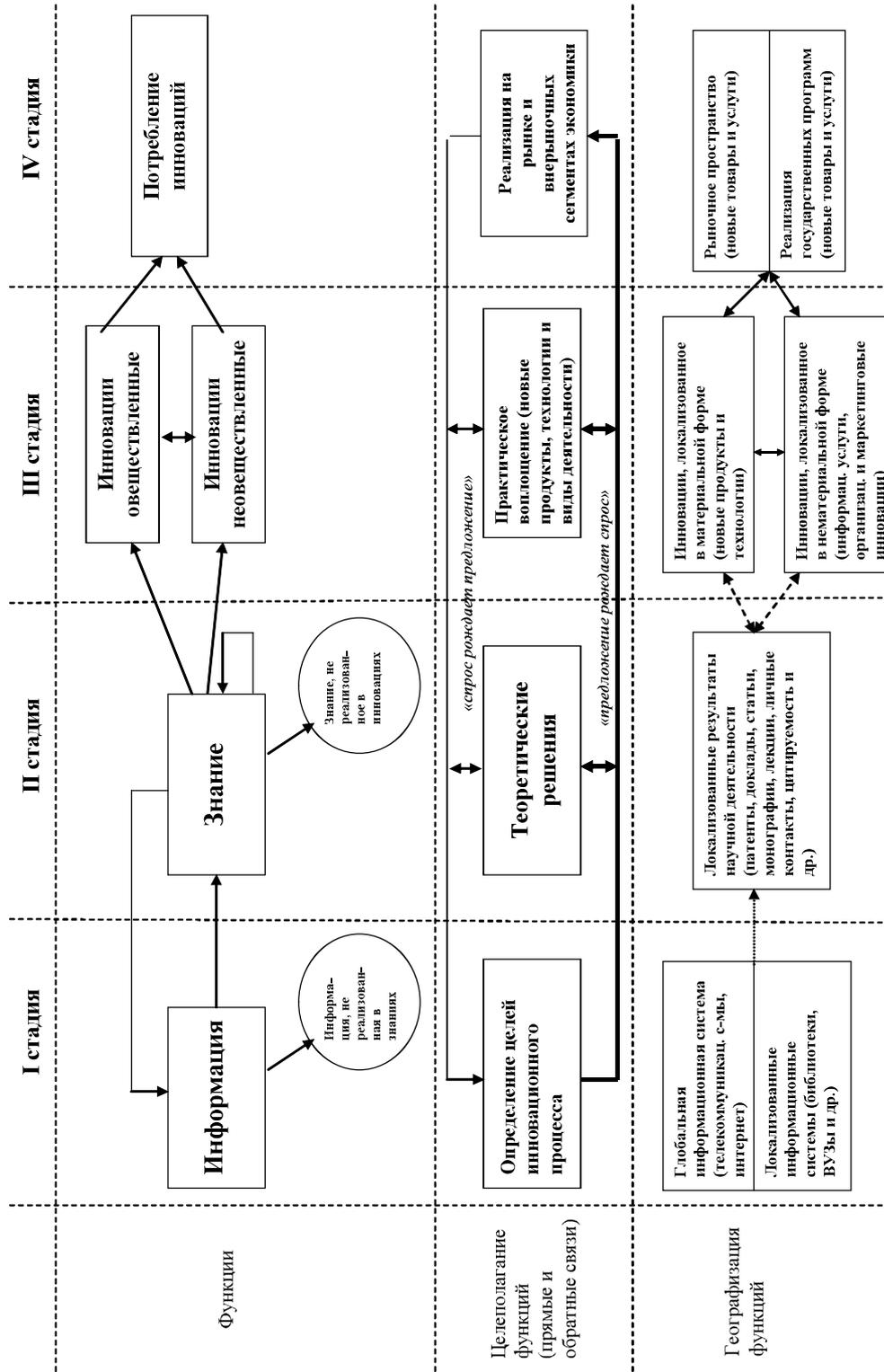
Подобная интерпретация инновационного процесса позволяет использовать аутентичные статистические показатели, характеризующие каждую из стадий, и в итоге представить полную картину развития явления в пространстве. Предлагаемая модель инновационного процесса дает возможность проследить пространственную динамику инновационного процесса и оценить степень

вовлеченности территорий на разных его этапах (см. схему «Стадии инновационного процесса»).

I стадия – информация. Инновации зарождаются в информационной среде. С точки зрения целеполагания функций на этом этапе происходит определение целей инновационного процесса. Для географизации этой стадии информационную среду можно представить как совокупность двух информационных систем – глобальной и локализованной. Первая включает в себя систему Интернет и телекоммуникационные системы, которые создают информационное поле, покрывающее весь земной шар. Локализованные информационные системы, являющиеся хранилищами информации, в свою очередь, условно подразделяются на стационарные (библиотеки, образовательные учреждения и др.) и мобильные (люди). Подобная интерпретация информационной среды позволяет подобрать статистические показатели, характеризующие каждый из компонентов, и в итоге представить полную картину развития явления.

Понятие «информация» является одним из фундаментальных в современной науке, но до сих пор остается дискуссионным: является ли она свойством всех материальных объектов, или только живых и самоуправляющихся, или же только сознательных существ [3, с. 218]. Наиболее распространено понимание информации как сведений, передаваемых людьми устным, письменным или другим способом (с помощью устных или письменных сигналов, технических средств и другого). С появлением и развитием кибернетики информацией называют обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом, а также передача признаков от клетки к клетке, от организма к организму (это генетическая информация) [1, с. 455]. Однако перечисленные подходы относятся к т.н. «активизированной информации» (т.е. уже реализованной). Значительная часть информации находится в пассивном виде, на разного рода носителях (бумажных, электронных, а также других, иногда весьма экзотических: на камне – клинопись, на пергаменте, на шнурках в письменности майя). Географизировать, или пространственно интерпретировать, информацию можно как находящуюся в пассивном, так и в активном состоянии: пассивное

Стадии инновационного процесса

(напр., библиотеки, информационные центры и др.) и активированное (напр., интенсивность телефонных переговоров). Прирост информации в мире идет практически по экспоненте. При этом накапливается т. н. ложная информация (астрология, реклама и пр.), которая затрудняет использование аутентичной (правдивой) информации и требует отделения одной от другой. Экспоненциальный рост объемов информации вызывает острую необходимость в расширении использования метаинформации – информации об информации (напр., библиографические обзоры, указатели, индексы, различные виды рейтингов, дайджесты и др.).

С точки зрения целеполагания функций, на этом этапе происходит определение целей инновационного процесса.

II стадия – знание. Знанием становится информация, полученная, расшифрованная и усвоенная человеком. Знание – это единственный ресурс развития человечества, который увеличивается по мере его использования. И хотя это может показаться парадоксальным, основной энергетический ресурс развития мировой цивилизации – это не углеводороды и не атом, а энергия человеческого знания. Постепенно люди соглашались с выводами выдающихся экономистов и социологов нашего времени, что мир вступил в эпоху «экономики знаний».

На втором этапе, согласно нашей модели, происходит принятие теоретических решений. Их результатом являются патенты, доклады, статьи, монографии, лекции и проч. Соотнесенные с территориальными структурами они позволяют судить об интенсивности и эффективности научной деятельности в разных регионах.

III стадия – инновации. Инновации можно рассматривать как реализованное человечеством знание. При этом не всегда и не во всех случаях знание способствует созданию инноваций. Это происходит по двум причинам: субъективным и по причине асинхронности получения новых знаний и их реализации в инновационном процессе. Многие фундаментальные открытия могут реализоваться в инновациях через десятилетия и даже столетия.

Инновации бывают как овеществленными (новые продукты), так и неовеществленными (новые процессы, маркетинговые и организационные методы). В простран-

ственном анализе наиболее сложно охарактеризовать уровень инновационности общества, той или иной территории, местности. Наиболее адекватными показателями для характеристики этой стадии явились бы данные о доле новых товаров и услуг в общем объеме произведенных товаров и услуг или на душу населения. Однако, сейчас предпринимаются только первые попытки по сбору такой статистических данных, и она существует в небольшом числе стран. На этом этапе для характеристики пространственных различий в уровнях инновационности можно использовать показатель производства условно-чистой продукции высокотехнологических отраслей промышленности (по классификации ЮНИДО). К ним относятся авиационная и ракетно-космическая промышленность (АРКП), фармацевтическая промышленность, производство компьютеров и периферийного оборудования, средств связи, точное приборостроение (медицинское, оптическое, научное).

IV стадия – потребление инноваций. Это – конечная цель инновационного процесса. При этом потребление инновационной продукции (как в материальной, так и в нематериальной формах) можно рассматривать не только как характеристику уровня экономического развития страны или региона, но и как индикатор уровня социального развития общества, более того – качества жизни населения.

К сожалению, отсутствие адекватных статистических или других информационных материалов при пространственном анализе потребления инноваций позволяет использовать лишь такой показатель, как видимое потребление продукции названных выше высокотехнологических отраслей по странам. По более мелким территориальным единицам (вплоть до городов и агломераций) такого рода информация существует лишь в отдельных случаях, которые можно использовать как примеры, далеко не всегда типичные.

Потребление инноваций зависит от условий рынка и наличия вне рыночных сегментов (например, государственных программ).

Интегрированное рассмотрение наиболее важных показателей, характеризующих каждую из стадий (за исключением стадии потребления), привело нас к необходимости сконструировать новый базисный индекс инновационности (БИИ).

Таблица 1

Значения БИИ для стран с доминированием инновационных технологий, 2005 г.

США	0,97	Польша	0,23
Япония	0,59	Нидерланды	0,22
Респ. Корея	0,39	Ирландия	0,21
Финляндия	0,36	Португалия	0,19
Греция	0,33	Австрия	0,17
Швеция	0,32	Чехия	0,16
Дания	0,30	Таиланд	0,15
Великобритания	0,27	Китай	0,15
Франция	0,26	Румыния	0,14
Италия	0,26	Болгария	0,14
Испания	0,24	Малайзия	0,08
Венгрия	0,23	Филиппины	0,07
Бельгия	0,23	Индия	0,01

Примечание. Впервую десятку стран входят также Германия и Тайвань, однако, точные данные по ним отсутствуют. Рассчитано по: [4, 5, 6].

Этот индекс включает следующие показатели: доля лиц с высшим образованием в населении (характеристика I стадии), количество зарегистрированных триадических семейств патентов (II стадия), добавленная стоимость высокотехнологичных отраслей (III стадия).

Для каждой страны рассчитывается «вес» каждого из трех рассмотренных выше показателей, затем они суммируются, и сумма делится на 3. «Вес» компонентов (K_1 , K_2 , K_3) для каждой страны рассчитывается по следующей формуле:

$$K_{1,2,3} = (X_n - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min}),$$

где X_n – значение данного показателя для конкретной страны, $X_{\min}$ – минимальное значение показателя во всей совокупности стран, $X_{\max}$ – максимальное значение показателя во всей совокупности стран.

$$\text{БИИ} = (K_1 + K_2 + K_3) / 3.$$

По имеющимся в нашем распоряжении данным были рассчитаны значения БИИ для ряда стран (см. табл. 1).

Постадийное рассмотрение инновационного процесса в пространственном разрезе позволяет выделить территории с разным генезисом, степенью и характером инновационной активности. Эту процедуру можно проводить на разных иерархических уровнях. На уровне стран можно наблюдать следующую картину.

Территории с преобладанием I и II стадий инновационного процесса (информа-

ция и знание), рис. 1. В данном случае мы использовали один основной показатель – интенсивность патентной деятельности. В рассмотрение включены тройственные, или триадические, семейства патентов. Статистический анализ тройственных семейств патентов повышает точность международных сопоставлений, позволяя избежать закономерных преимуществ, которые получают патентополучатели из США, Японии и стран ЕС. Как правило, тройственные семейства защищают наиболее значимые изобретения (учитывая дополнительные денежные и временные затраты на оформление патента в других странах).

По данным Организации экономического сотрудничества и развития, количество тройственных семейств патентов в 2005 г. составило около 52 000. США, Япония и Европейский Союз имеют примерно равное количество зарегистрированных патентов (соответственно – 31%, 29% и 28%). Таким образом, на эти три региона приходится 88% патентов мира. Если рассматривать страновой рейтинг, то на третьем месте, после США и Японии, окажется Германия – первая в Европе. Четвертое место, обгоняя Францию и Великобританию, занимает Респ. Корея, поднявшаяся за 10 лет на 8 позиций. Столь интенсивный рост был характерен также для Китая и Индии, в период с 1995 год по 2005 год средний ежегодный прирост зарегистрированных патентов в них составлял около 30%. В результате Китай в 2005 г. оказался на 15-м месте в мире. Таким образом, несмотря на то, что США остаются лидером, их доля

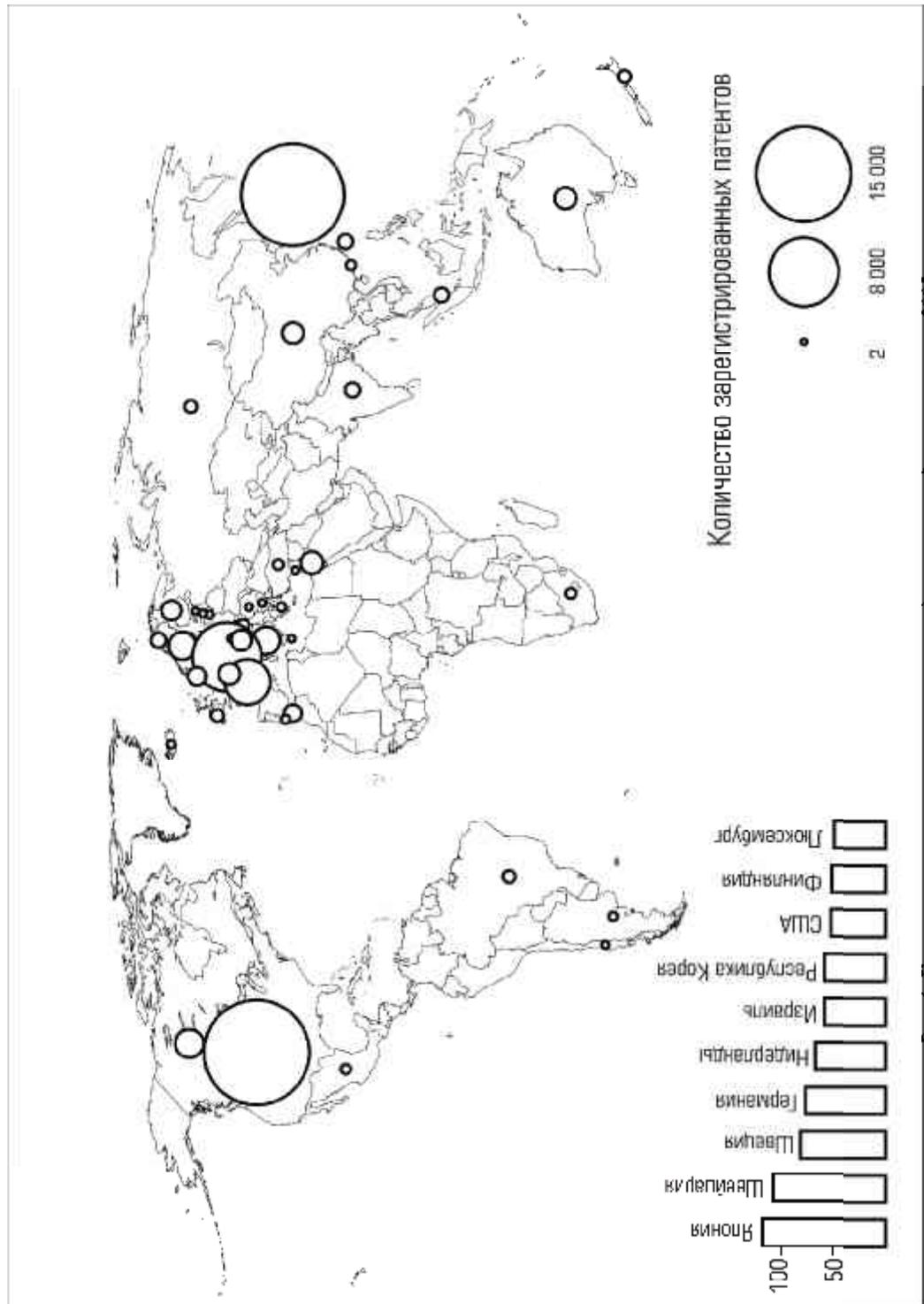
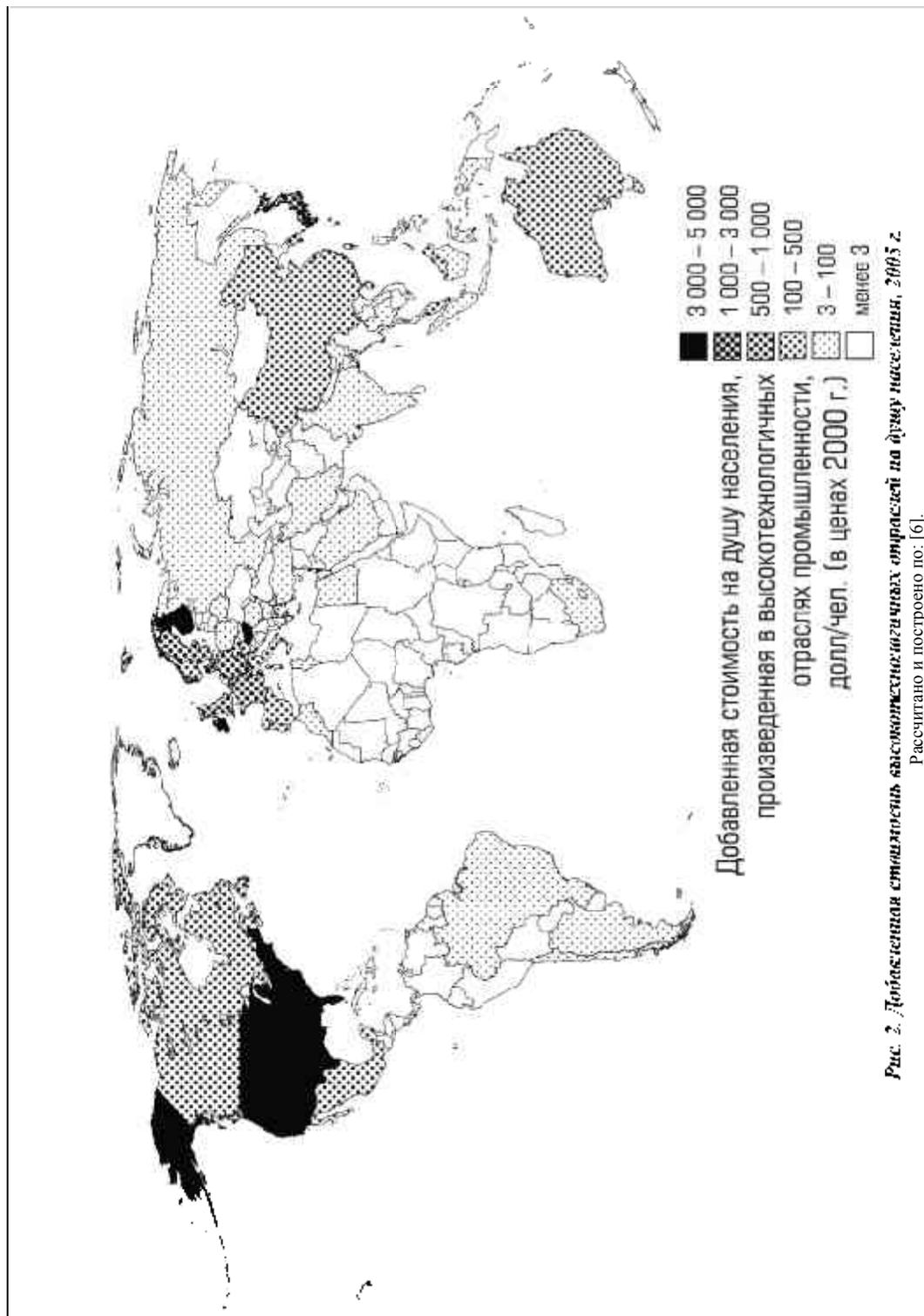
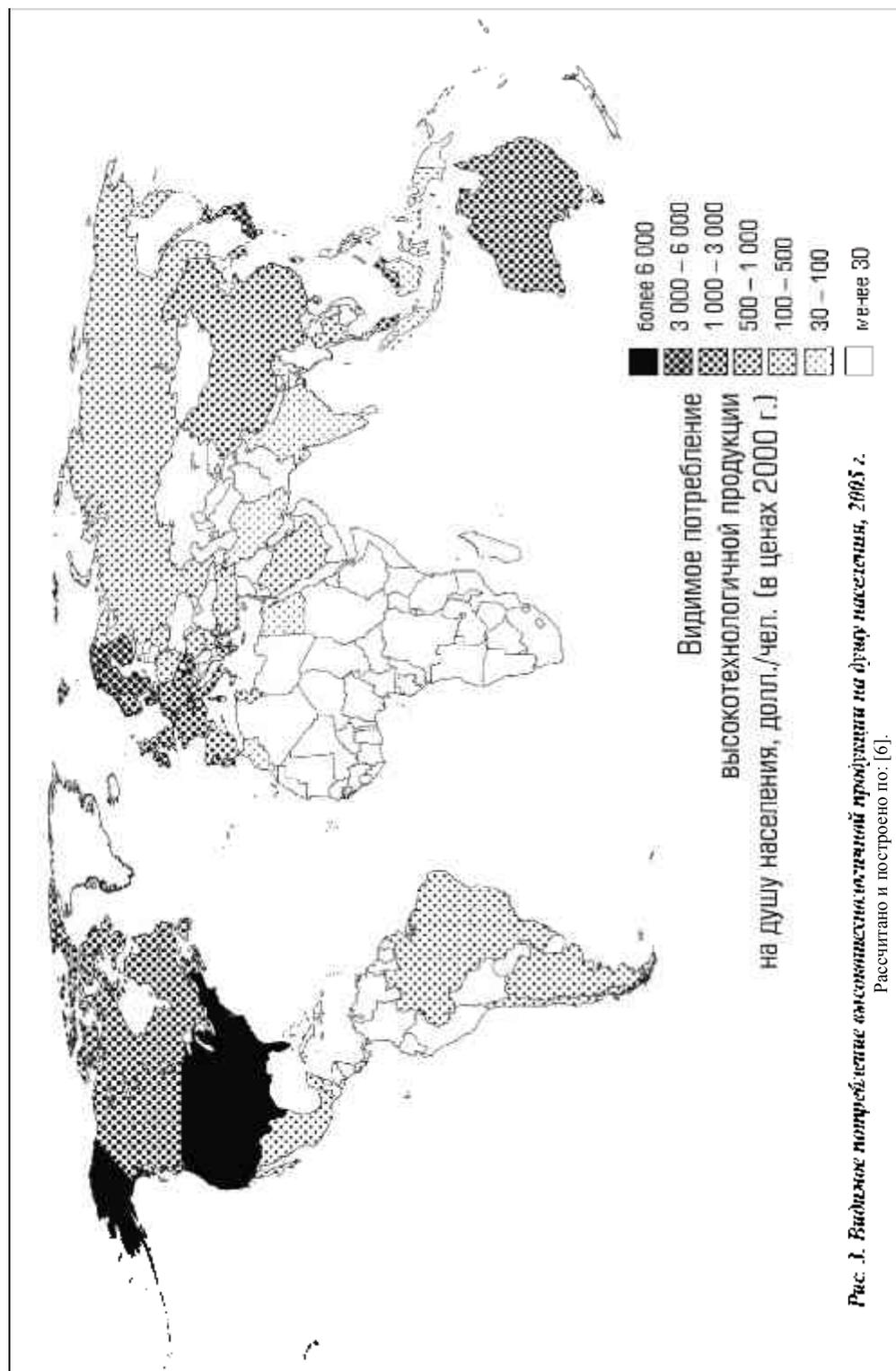

Рис. 1. Количество зарегистрированных патентов трансгенных семян по странам, 2005 г.
Построено по: [4].

тройственных семейств патентов сокращается, как и доля Европейского Союза. В то же время, для азиатских стран характерен активный рост (хотя и с низкого уровня).

Если рассмотреть отношение количества тройственных семейств патентов к численности населения, то первые пять мест займут Япония, Швейцария, Швеция, Германия и Нидерланды. Самый высокий показатель в мире, характерный для Японии, составляет 117 семейств патентов на миллион жителей. США занимают 8 место, в них на миллион жителей приходится 53 семейства патентов. Данный показатель для Китая и Индии составляет 0,3.

Территории с преобладанием III стадии инновационного процесса (производство), рис. 2. На этой стадии также выделяются три региона-лидера: США, Европейский Союз и Восточная и Юго-Восточная Азия. В общей сложности на них приходится 90% производства высокотехнологичной продукции. Доля США составляет 22%, Европейского Союза – 18%. Азия занимает доминирующее положение. Однако, для стран, относящихся к этому региону, характерны разнонаправленные тенденции. Доля Японии, достигнув максимума в 1989 г. (29%), в 2005 г. сократилась до 16%. Доля же Китая с конца 1980-х гг. возросла с 2 до тех же 16%.

По душевому показателю места между странами распределились следующим образом: 1 место занимает Сингапур

(3 410 долл./чел.), далее следуют Венгрия, Финляндия, Япония и только на 5-м месте находятся США (1 397 долл./чел.).

Территории с преобладанием IV стадии (потребление), рис. 3. В 2005 г. потребление высокотехнологичной продукции в стоимостном выражении составило 3,5 трлн долл. За последние 10 лет этот показатель увеличился более, чем в 2 раза (с 1,6 трлн долл. в 1995 г., это с учетом инфляции).

Доля США в потреблении составляет 30% (доля США в производстве – 22%). На Европейский Союз приходится 21%, страны Азии – 40%.

По душевому показателю видимого потребления (представленному на картосхеме) страны распределяются следующим образом: Сингапур (6 627 долл./чел.), Финляндия, Венгрия, Ирландия, США – опять только 5-е место (3 601 долл./чел.).

Таким образом, даже на уровне стран видно, что инновационные структуры мозаичны и сложны как пространственно, так и функционально. Их распределение в мире неоднородно. Однако, существуют не только передовые инновативные страны, но и ареалы и кластеры инновативности внутри самих стран (не только развивающихся, но и развитых), которые контрастируют с собственной периферией. Инструментом для изучения инновационных структур разного иерархического уровня и должна послужить предлагаемая нами схема.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
2. «Руководство Осло»: Руководство по сбору и анализу данных по инновациям / Совместная публикация ОЭСР и Евростата, 3-е изд., 2005. – Перевод на рус. язык. М.: ЦИСН, 2006.
3. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983.
4. Compendium of Patent Statistics 2008 / OECD – <http://www.oecd.org/dataoecd/5/19/37569377.pdf>.
5. Key statistical tables on education / UNESCO Institute for Statistics – <http://stats.uis.unesco.org>.
6. Science and Engineering Indicators 2008 / National Science Foundation (США) – <http://www.nsf.gov/statistics/seind08>.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

О.В. Кузнецова
(г. Москва)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ БЮДЖЕТЫ И МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Kouznetsova O.V. (Moscow)

REGIONAL BUDGETS AND INTERBUDGETARY RELATIONS IN CRISIS

***Аннотация.** В статье анализируется трансформация межбюджетных отношений в России в условиях кризиса. Рассматриваются вопросы расширения налоговых полномочий региональных органов власти, корректировки пропорций разделения налогов между бюджетами разных уровней, новации в системе федеральных трансфертов в региональные бюджеты, изменения в структуре бюджетных расходов регионов. Показывается тенденция заметного увеличения федеральной поддержки региональных бюджетов в 2009 году и, наоборот, сокращения поддержки в 2010 году.*

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the transformation of interbudgetary relations in Russia in crisis. The author studies the expansion of tax competences of regional authorities, changing of proportions of tax distribution among different budget levels, innovations of the system of federal transfers into regional budgets, changes in the structure of regional budgetary expenses. The author underlines the increase in federal support of the regional budgets in 2009 in contrast to its decrease in 2010.*

***Ключевые слова:** федеральный и региональные бюджеты, межбюджетные отношения, налоги, трансферты, дотации, субсидии.*

***Key words:** federal and regional budgets, interbudgetary relations, taxes, transfers, non-purpose grants, subsidies.*

Начавшийся в последние месяцы 2008 года кризис стал поводом для многочисленных научных публикаций, в том числе и по региональной проблематике. Уже есть ряд исследований, в рамках которых рассматриваются закономерности социально-экономического развития регионов и специфика региональной политики федеральных властей в кризисных условиях [1, 4-8]. Эта статья посвящена более глубокому анализу изменений в межбюджетных отношениях – одной из важнейших составляющих региональной политики в широком ее понимании, а также ключевым особенностям исполнения региональных бюджетов¹ в кризисном 2009 году. Сразу стоит отметить, что условия экономического кризиса интересны, на наш взгляд, не столько появлением новых требований к системе межбюджетных отношений, сколько более ярким проявлением ее старых

особенностей и проблем. При этом наиболее интересные события и явления происходили в части формирования доходной части региональных бюджетов, касавшиеся распределения налогов между бюджетами разных уровней, предоставления федеральной финансовой помощи регионам.

Изменение полномочий региональных властей в налоговой сфере

Одним из дискуссионных вопросов в сфере межбюджетных отношений является вопрос налоговых полномочий региональных и муниципальных властей, в частности, предоставления им права увеличивать налоговую нагрузку на «подведомственных» им территориях для решения проблемы пополнения доходов региональных и местных бюджетов или, наоборот, предоставлять налоговые льготы для максимально полного

использования стимулирующей функции налогов. Как известно, в России налоговые полномочия региональных и местных властей довольно низки. Неограниченно увеличивать налоговую нагрузку власти на местах не могут: в Налоговом кодексе РФ установлен исчерпывающий перечень региональных и местных налогов, а также максимальные их ставки. Предоставлять налоговые льготы региональные / муниципальные власти могут только по региональным / местным налогам (соответственно)² и по федеральному налогу на прибыль (власти субъектов РФ могут снижать ставку налога для отдельных категорий налогоплательщиков, но не более чем на 4%). Мотивация такого подхода известна: лимитация максимальной налоговой нагрузки в регионах позволяет избежать ненужных социальных потрясений, а ограничение масштабов налоговых льгот – превращения регионов в офшоры и/или иждивенцев федерального бюджета (подробнее см. [3]).

Однако кризис заставил федеральные власти несколько скорректировать свою позицию. Вообще вся федеральная налоговая политика в кризис – это поиск баланса между решением проблемы наполняемости доходной части бюджета в условиях сокращающихся налоговых поступлений и уменьшением налоговой нагрузки для предпринимателей для стимулирования их экономической активности. В части налоговых полномочий регионов федеральные власти сначала – в преддверии 2009 года – пошли на меры по сокращению налоговой нагрузки в регионах, однако в дальнейшем – накануне 2010 года – по увеличению налоговой нагрузки.

Так, федеральным законом от 26 ноября 2008 года № 224-ФЗ органам власти субъектов РФ в рамках упрощенной системы налогообложения было предоставлено право устанавливать дифференцированные налоговые ставки в пределах от 5 до 15% для налогоплательщиков, выбравших объектом налогообложения доходы, уменьшенные на величину расходов. До этого действовала единая ставка налога в 15%. Данная мера была направлена на поддержку малого бизнеса, для которого и была разработана упрощенная система налогообложения. В начале 2009 года Минрегион России проводил мониторинг антикризисной политики региональных властей³, и по данным этого ведом-

ства на 30 марта 2009 года в подавляющем большинстве субъектов Федерации либо приняли, либо готовили принятие решения о снижении налоговой нагрузки для малого бизнеса, и лишь 20 регионов не воспользовались предоставленным им правом.

В части увеличения налоговой нагрузки речь идет о транспортном налоге, по поводу которого осенью 2009 года разгорелись довольно бурные политические дебаты. Специфика этого регионального налога в том, что в Налоговом кодексе РФ устанавливаются базовые ставки налога в рублях на лошадиную силу по разным видам транспортных средств и в зависимости от их мощности. До 2010 года органы власти субъектов РФ имели право увеличивать или уменьшать эти базовые ставки, но не более чем в 5 раз, при этом увеличивающие (уменьшающие) коэффициенты могли быть дифференцированными по разным категориям транспортных средств. Стремясь переложить бремя пополнения доходов региональных бюджетов на налогоплательщиков, федеральные власти подготовили закон, суть которого сводилась к увеличению базовых ставок транспортного налога в 2 раза. Но такое решение в конечном итоге принято не было, базовые ставки остались на прежнем уровне, но с 2010 года региональные власти могут увеличивать (уменьшать) их уже не в 5, а в 10 раз⁴. Фактически разница между первоначальной и принятой версиями закона в том, что в первом случае повышение транспортного налога произошло бы «автоматически», а во втором случае для этого требуется специальное решение региональных властей.

Сводными данными о действующих ставках транспортного налога в субъектах Федерации мы не располагаем⁵. Однако известно, что к концу 2009 года отнюдь не во всех регионах базовые ставки налога были увеличены даже в прежние предельные 5 раз, и повсеместного повышения налога не было. Вместе с тем есть пример Калининградской области, где областной закон об увеличении ставок транспортного налога стал поводом для нескольких многотысячных митингов протеста.

Таким образом, события последних месяцев подтвердили правильность позиции федеральных властей в отношении ограничения предельной налоговой нагрузки в регионах и муниципалитетах, но вопрос расширения налоговых льгот так и остался открытым.

Таблица 1

*Распределение федеральных налогов между федеральным
и консолидированными региональными бюджетами в 2008 году*

Налоги	Федеральный бюджет	Региональные и местные бюджеты
Налог на добавленную стоимость Акцизы на табачную продукцию, автомобили легковые и мотоциклы, по ввозимым на территорию РФ подакцизным товарам и продукции Налог на добычу полезных ископаемых в виде природного газа Водный налог	100%	0%
Налог на прибыль*	По ставке 6,5%	По ставке 17,5%
Налог на доходы физических лиц	0%	100%
Акцизы на спирт и спиртосодержащую продукцию	50%	50%
Акцизы на горюче-смазочные материалы*	40%	60%
Акцизы на алкогольную продукцию и пиво	0%	100%
Налог на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья (за исключением природного газа)*	95%	5%
Налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых Налог на добычу природных алмазов	0%	100%
Налог на добычу полезных ископаемых (за исключением полезных ископаемых в виде углеводородного сырья, природных алмазов и общераспростра- ненных полезных ископаемых)	40%	60%

* – налоги, пропорции разделения которых между федеральным и региональными бюджетами были изменены в 2009-2010 гг.

Источник: составлено автором на основе Налогового и Бюджетного кодексов РФ.

Разделение налогов между федеральным и региональными бюджетами

Еще один блок изменений в налоговой сфере в кризисных условиях был связан с корректировкой пропорций разделения налогов между федеральным и региональными бюджетами. В целом систему распределения налогов по бюджетам разных уровней в России можно охарактеризовать как довольно сложную. Есть налоги, которые полностью зачисляются в бюджет только одного уровня (т.е. полностью в федеральный или региональный или местный бюджет). Есть налоги, которые делятся в определен-

ных – установленных Бюджетным кодексом РФ – пропорциях между бюджетами разных уровней. Есть налог на прибыль, по которому существует две ставки – федеральная (по которой налог зачисляется в федеральный бюджет) и региональная. В таблице 1 представлена упрощенная (без разбивки на региональные и местные бюджеты) схема распределения федеральных налогов по бюджетам разных уровней⁶.

Разделение налогов между уровнями бюджетной системы, как следует из теории фискального федерализма, не является случайным [3]. В региональные и/или местные

бюджеты передаются налоги, поступления которых:

- в наименьшей степени зависят от колебаний экономической конъюнктуры;
- в наибольшей степени зависят от экономической политики властей на местах;
- имеют наиболее точную привязку к территории (т.е. обеспечивается уплата налога в бюджеты тех территориальных единиц, где сформировалась налогооблагаемая база по налогу);
- отличаются максимальной равномерностью поступлений по регионам (что необходимо во избежание чрезмерных межрегиональных различий по уровню бюджетной обеспеченности).

Если сопоставить названные критерии закрепления налогов за региональными / местными бюджетами с фактически сложившейся практикой разделения налогов между бюджетами разных уровней в России, то можно увидеть, что однозначного соответствия нет по налогу на прибыль. Поступления этого налога, конечно, зависят от экономической политики региональных властей, которые вносят немалый вклад в формирование инвестиционного климата территорий. Вместе с тем, как показал кризис, именно этот налог оказался среди наиболее зависимых от экономической конъюнктуры (таблица 2). На данный момент нельзя назвать решенной и проблему уплаты налога на прибыль по месту фактической деятельности предприятий. Причем эта проблема проявлялась и в период экономического роста, и было немало примерно резкого увеличения или сокращения поступлений налога на прибыль в отдельных регионах (например, когда происходила перерегистрация «Сибнефти»).

Поэтому, на наш взгляд, стоит еще раз задуматься о зачислении большей части налога на прибыль в региональные бюджеты. Конечно, возникает вопрос о том, чем можно заменить налог на прибыль, ведь имущественные налоги (не зависящие от экономической конъюнктуры и имеющие наиболее точную территориальную привязку), налог на доходы физических лиц (один из наиболее стабильных и равномерно размещенных налогов), платежи малого бизнеса (регулирование которого находится в ведении в основном региональных и местных властей), налоги на добычу относительно равномерно раз-

мещенных по территории страны полезных ископаемых уже зачисляются в региональные и местные бюджеты. Как представляется, вполне можно вернуться к зачислению в региональные бюджеты части налога на добавленную стоимость (такая практика существовала в 1990-е годы), но зачислять его в региональные бюджеты не по месту уплаты налога, а, например, пропорционально численности населения в регионах (как это делается в Германии).

Пока же федеральные власти пошли по другому пути: напротив, увеличили долю региональных бюджетов в налоге на прибыль. В результате принятых в конце 2008 года решений⁷ общая ставка налога на прибыль была сокращена с 24% до 20%, при этом региональная ставка была увеличена с 17,5% до 18%, тогда как федеральная сократилась с 6,5% до 2%. Этого для компенсации регионам сокращающихся в кризис доходов было явно недостаточно, и еще одно решение⁸ было принято в отношении акцизов на горюче-смазочные материалы: с 1 января 2009 года они полностью зачисляются в региональные бюджеты.

В результате названных решений консолидированные региональные бюджеты действительно потеряли меньше налоговых доходов, нежели бюджет федеральный, хотя сокращение доходов было все-таки значимым (таблица 2).

В 2009 году федеральные власти пошли на очередное перераспределение налогов между бюджетами разных уровней, но на этот раз в свою пользу. Федеральным законом от 22 сентября 2009 года № 218-ФЗ было оформлено решение о полном зачислении с 1 января 2010 года налога на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья в федеральный бюджет (вплоть до конца 2009 года полностью в федеральный бюджет этот налог зачислялся только в части природного газа). Компенсируют потери региональных бюджетов федеральные власти лишь частично. За исключением Тюменской области, регионы, где есть поступления по рассматриваемому налогу, получают дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов в 2010 году в объеме 60% от прогнозных поступлений налога 2010 года, в 2011 году – 40%, в 2012 году – 20%. В связи со значительной долей налога в бюджете Тюменской области (более 40%) предполагает-

Таблица 2

*Динамика поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей
в консолидированный бюджет РФ (2009 г. в % к 2008 г.)*

Платежи	Консолидированный бюджет	Федеральный бюджет	Консолидированные бюджеты субъектов РФ
Всего, в т.ч.:	79,1	70,1	86,5
Налог на прибыль	50,3	25,7	61,0
Налог на доходы физических лиц	100,0	–	100,0
НДС на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ	117,9	117,9	–
Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимой на территории РФ	104,0	65,2	129,7
Налоги на имущество	115,5	–	115,5
Налог на добычу полезных ископаемых	61,7	61,2	70,0

Источник: Росстат

ся осуществлять предоставление дотаций в течении 4 лет в следующем порядке: в 2010 году – 100% от прогнозных поступлений 2010 года, в 2011 году – 75%, в 2012 – 50%, в 2013 году – 25%.

Федеральные трансферты регионам

Наряду с перераспределением налогов в пользу региональных бюджетов, в 2009 году федеральные власти пошли и на увеличение объемов межбюджетных трансфертов субъектам Федерации. В течение 2009 года федеральные власти неоднократно пересматривали размеры трансфертов, в таблице 3 отражены цифры первоначальной редакции федерального закона № 204-ФЗ «О федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов» – от 24 ноября 2008 года, и последней редакции – от 2 декабря 2009 года. Доля безвозмездных перечислений из федерального бюджета в доходах региональных бюджетов по итогам 2009 г. составила 25,1%, что существенно больше показателя 2008 года в 18,3%⁹.

Особо стоит обратить внимание на то, что увеличение объемов межбюджетных

трансфертов произошло за счет дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов. Главная особенность таких дотаций заключается в том, что решение о распределении по крайней мере части этих дотаций по регионам принимается уже после начала бюджетного года распоряжениями Правительства РФ, т.е. это инструмент оперативного реагирования федеральных властей на возникающие в регионах проблемы¹⁰. При этом утвержденных методик распределения дотаций на обеспечение сбалансированности бюджетов не существует, и процесс принятия решений является крайне непрозрачным (процедура принятия решений о распределении дотаций является закрытой, а сами решения слабо мотивированными). Поэтому существование подобного рода дотаций всегда являлось вопросом спорным. В условиях кризиса вопрос стал еще более актуальным. С одной стороны, кризисные условия требуют от федеральных властей принятия оперативных решений. С другой стороны, кризис не должен перечеркивать всю ту работу по повышению прозрачно-

Таблица 3

*Изменение объемов межбюджетных трансфертов из федерального бюджета
в условиях кризиса в соответствии с законами о федеральном бюджете*

Виды трансфертов	Объемы трансфертов, млрд.руб.			Динамика трансфертов	
	2009, редакция от 24.11.08	2009, редакция от 02.12.09	2010	2009, ред. от 02.12.09 в % к ред. от 24.11.08	2010 в % к 2009, ред. от 02.12.09
Межбюджетные трансферты, всего	1 228,8	1 296,3	1 129,0	105,5	87,1
Дотации, из них:	432,0	590,3	496,7	136,6	84,1
– выравнивание бюджетной обеспеченности	374,0	374,0	397,0	100,0	106,1
– поддержка мер по обеспечению сбалансированности бюджетов	43,4	203,9	90,0	469,8	44,1
Субсидии	492,4	396,8	346,4	80,6	87,3
Субвенции	227,8	218,2	232,8	95,8	106,7
Иные межбюджетные трансферты	76,7	91,0	53,1	118,6	58,4

Источник: составлено автором по законам о федеральном бюджете

сти межбюджетных отношений, которая велась на протяжении многих лет.

На наш взгляд, выходом из сложившейся ситуации могла бы стать разработка методики распределения дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов. Понятно, что полностью от этого вида трансфертов отказаться нельзя, но повышать их прозрачность крайне необходимо.

Наряду с перераспределением налогов в свою пользу, в 2010 году федеральные власти пошли и на сокращение объемов межбюджетных трансфертов регионам – в таблице 3 приведены соответствующие показатели федерального закона от 2 декабря 2009 года № 308-ФЗ «О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов».

В ходе дискуссий о структуре межбюджетных отношений в центре внимания в условиях кризиса оказались не только дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности региональных бюджетов, но и субсидии (структура трансфертов представлена в таблице 4).

У субсидий – целевых трансфертов на софинансирование расходных полномочий регионов и муниципалитетов¹¹ – есть свои достоинства и недостатки. С одной стороны,

федеральные субсидии создают стимулы для региональных властей проводить «правильную» с точки зрения федерального центра социально-экономическую политику. Достигается это за счет того, что, во-первых, при получении субсидий власти регионов должны выделить из региональных бюджетов средства на софинансирование тех или иных расходов (т.е. федеральные власти влияют на формирование структуры расходов региональных бюджетов). Во-вторых, дополнительным условием получения ряда субсидий (но не всех) является реализация определенных мер социально-экономической политики (мероприятий социально-экономических реформ). С другой стороны, субсидии снижают выравнивающий эффект федеральной финансовой помощи. Дело в том, что регионам выделяются десятки различных субсидий, распределением субсидий по регионам занимаются разные федеральные министерства и ведомства, все эти субсидии друг с другом никак не скоординированы, и в конечном итоге результаты их распределения по регионам непредсказуемы. Кроме того, даже несмотря на то, что при предоставлении субсидий соотношение расходов федерального и региональных бюджетов устанавливается, как

Таблица 4

Изменение структуры межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в условиях кризиса

Виды трансфертов	Структура трансфертов по законам о федеральном бюджете, %			Фактическая структура трансфертов, %	
	2009, редакция от 24.11.08	2009, редакция от 02.12.09	2010	2008	2009
Межбюджетные трансферты, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Дотации, из них:	35,2	45,5	44,0	34,6	39,0
– выравнивание бюджетной обеспеченности	30,4	28,9	35,2	29,2	25,3
– поддержка мер по обеспечению сбалансированности бюджетов	3,5	15,7	8,0	4,1	12,9
Субсидии	40,1	30,6	30,7	38,5	35,7
Субвенции	18,5	16,8	20,6	15,9	19,2
Иные межбюджетные трансферты	6,2	7,0	4,7	11,0	6,1

Источник: составлено автором по законам о федеральном бюджете и данным Федерального казначейства

правило, дифференцировано для субъектов РФ с разным уровнем бюджетной обеспеченности, экономически слаборазвитые регионы (основные получатели дотаций) оказываются подчас неспособными изыскать бюджетные средства на софинансирование расходов, на которые выделяются субсидии. В результате значительная часть субсидий попадает в регионы со средним и даже высоким уровнем экономического развития (подробнее об особенностях и проблемах субсидий см. [2]).

В итоге фактическая политика федеральных властей в отношении субсидий в условиях кризиса оказалась неоднозначной. С одной стороны, в Минфине России продолжают говорить о необходимости сокращения и упорядочения субсидий (и соответствующие решения на 2010 год были приняты, впрочем, это было обусловлено и стремлением сократить финансовую поддержку регионов). С другой стороны, в условиях кризиса появились и неплохо зарекомендовали себя новые виды субсидий. Одним из важнейших являются субсидии на реализацию дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Федерации, появившиеся в соот-

ветствии с постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2008 года № 1089. Цели этих субсидий следуют из их названия, а базовым условием получения субсидий стала разработка властями субъектов РФ региональных программ занятости с последующим их утверждением в Минсоцразвития России. При этом софинансирование программ со стороны регионов требовалось минимальное – в размере 5% расходов. Без соответствующей федеральной поддержки региональные власти вряд ли бы стали разрабатывать и реализовывать программы по борьбе с безработицей, а самостоятельно бороться с безработицей федеральные власти не смогли бы, поскольку чиновники на местах гораздо лучше знают и понимают складывающуюся ситуацию.

Еще одним примером нового вида субсидий региональным бюджетам являются субсидии на закупку автотранспортных средств и коммунальной техники, которые были введены в рамках поддержки автомобильной промышленности. Кроме того, в рамках антикризисной политики были задействованы и «старые» субсидии благодаря изменению порядка их предоставления (в частности,

Таблица 5

Динамика расходов консолидированных региональных бюджетов

Статьи расходов	Структура расходов, %		Расходы в 2009 г. в % к 2008 г.
	2008	2009	
Расходы всего	100,0	100,0	100,0
Общегосударственные вопросы	7,1	7,3	102,5
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	4,1	3,9	94,1
Национальная экономика, в т.ч.	19,6	18,1	92,1
– сельское хозяйство и рыболовство	2,9	3,1	108,7
– транспорт	2,7	2,4	88,9
– дорожное хозяйство	7,3	6,1	82,7
Жилищно-коммунальное хозяйство	16,3	13,6	83,8
Образование, в т.ч.	20,8	21,5	103,6
– дошкольное образование	4,0	4,5	112,5
– общее образование	11,7	12,6	107,8
Культура, кинематография и СМИ	3,5	3,4	95,9
Здравоохранение и спорт	12,7	12,1	95,8
Социальная политика, в т.ч.	12,2	15,3	125,6
– социальное обслуживание населения	3,0	3,3	120,9
– социальное обеспечение	7,9	10,3	129,9

Примечание. Сумма расходов менее 100%, поскольку в таблице не приведены малозначимые их статьи
Источник: составлено автором по данным Федерального казначейства

среди критериев отбора регионов для получения субсидий появились рост безработицы и наличие моногородов).

Расходы региональных бюджетов

Наиболее интересные изменения в кризис, как было сказано в самом начале статьи, происходили в части формирования доходов региональных бюджетов, однако несколько слов надо сказать и о трансформации бюджетных расходов регионов. В кризисный период неизбежна была оптимизация расходов, которая должна была найти отражение в изменении их структуры. Как видно из таблицы 5, объем расходов региональных бюджетов в 2009 году в целом по субъектам Федерации остался на том же уровне, что в 2008 году (но это без учета инфляции). Наиболее значимо выросли расходы на социальную политику, прежде всего на социальное обеспечение населения (т.е. на разного рода социальные выплаты), что является вполне очевидной и

оправданной реакцией региональных властей на кризис. Позитивным и оправданным можно считать и увеличение расходов на образование, хотя в этом случае рост не перекрыл уровень инфляции.

Сокращение затрат на дорожное хозяйство – наглядная иллюстрация урезания в кризис в первую очередь капитальных расходов регионов, ведь среди крупных расходных статей именно дорожное хозяйство отличается наибольшей долей капитальных вложений по отношению к текущим расходам. Почти столь же масштабным было и сокращение расходов на жилищно-коммунальное хозяйство. По всей видимости, в условиях кризиса региональные власти были вынуждены пойти на дальнейшее перекладывание бремени затрат на содержание ЖКХ на население.

Неизбежно вызывают вопросы сокращение расходов регионов на здравоохранение и, напротив, рост расходов на государственное управление, однако в данном случае все

объясняет более глубокий анализ статистики. В здравоохранении в 2009 году фактически произошло перераспределение расходов между федеральным и региональными бюджетами, федеральным и территориальными фондами обязательного медицинского страхования, в итоге совокупный объем расходов на отрасль в кризисном году вырос. Что же касается расходов на общегосударственные вопросы, то в них включается не только содержание региональных и муниципальных чиновников и депутатов. На эти цели затраты в 2009 году как раз сократились (в среднем по регионам). Рост же произошел прежде всего за счет увеличения расходов на обслуживание регионального и муниципального долга (на 74,2%), что в условиях кризиса вполне закономерно.

По отдельным субъектам Федерации картина изменения структуры расходов региональных бюджетов была довольно пестрой, однако ограниченные рамки статьи не позволяют нам подробно остановиться на этом вопросе.

Таким образом, как было показано в этой статье, принимавшиеся федеральными властями в условиях кризиса решения в сфере межбюджетных отношений были направлены на резкое увеличение федеральной поддержки региональных бюджетов в 2009 году при ее сокращении в 2010 году. Мотивация федеральных чиновников довольно проста. В отличие от федеральных властей, региональные власти не имели права создавать собственные резервные фонды (в соответствии с Бюджетным кодексом РФ). Соответственно, когда начался кризис, причем кризис совер-

шенно не планировавшийся, федеральным органам власти ничего не оставалось делать, как поделиться с региональными бюджетами собственными резервами. В отношении 2010 года речь шла о том, что кризис уже не являлся неожиданным, ситуация в регионах относительно стабилизировалась, поэтому региональные власти вполне могли составить реалистичные бюджеты на очередной год и обойтись тем самым без дополнительной поддержки федерального бюджета. Для этого региональные власти могли оптимизировать свои расходы и, при необходимости, увеличить налоговые поступления. На самом деле сложившаяся ситуация является отражением давно известной проблемы – отсутствия количественных оценок расходных обязательств бюджетов разных уровней. Знание объемов минимально необходимых расходов позволило бы определять минимально приемлемый уровень бюджетных доходов территорий, т.е. адекватно распределять налоговые доходы по уровням бюджетной системы, обоснованно оказывать финансовую помощь нижестоящим бюджетам. Именно об этом мы говорили в своей предыдущей статье¹².

Важной особенностью кризисного периода стало также снижение прозрачности межбюджетных отношений, повышение роли индивидуальных решений по регионам. Конечно, отчасти это оправдано необходимостью оперативного реагирования на возникающие проблемы. Но даже в условиях кризиса можно было бы гораздо четче мотивировать принимаемые федеральным центром решения.

Библиографический список

1. Зубаревич Н.В. Влияние кризиса на регионы России: мониторинг / Независимый институт социальной политики, март 2010 г. – http://atlas.socpol.ru/overviews/social_sphere/kris.shtml
2. Иванова Е.И., Кузнецова О.В., Чепляева О.К. Оценка зависимости размеров финансовой помощи субъектам Российской Федерации от выполнения ими условий качества управления (издание второе, дополненное) / Под ред. С.М. Шахрая. – М.: НИИ СП, 2009.
3. Иванова Е.И., Кузнецова О.В., Чепляева О.К. Развитие бюджетного федерализма и региональные аспекты в области налогообложения / Под ред. С.М. Шахрая. – М.: НИИ СП, 2007.
4. Иванова Е.И., Кузнецова О.В., Чепляева О.К. Социально-экономическое развитие регионов и федеральная региональная политика в условиях кризиса / Под ред. С.М. Шахрая. – М.: НИИ СП, 2009.
5. Кузнецова О. Федеральная региональная политика: проверка кризисом // Российский экономический журнал. – 2009. – № 9.
6. Лексин В.Н. Первый глобальный кризис на территории России: региональное измерение // Федерализм. – 2009. – № 3.
7. Швецов А. Государственная региональная политика в новейших кризисных обстоятельствах: оценка и принципиальная рекомендация // Российский экономический журнал. – 2009. – № 7–8.
8. Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики: Концепции и практика. – М.: КРАСАНД, 2010.

Примечания

1. Под региональными бюджетами в этой статье имеются в виду консолидированные региональные бюджеты, т. е. сумма собственно региональных и всех видов местных бюджетов.
2. В соответствии с Налоговым кодексом РФ, региональными налогами являются налог на имущество организаций, транспортный налог и налог на игорный бизнес, местными налогами – налог на имущество физических лиц и земельный налог. В общем объеме налоговых поступлений в стране региональные и местные налоги составляют очень небольшую долю (в 2009 г., по нашим расчетам на основе данных Федерального казначейства, – 6,1%).
3. http://www.minregion.ru/activities/monitor/region_dev_monitor.
4. Федеральный закон от 20 ноября 2009 года № 282-ФЗ.
5. К сожалению, федеральные власти не ведут подобного рода мониторинг, по крайней мере публично, и, на наш взгляд, это один из важных недостатков федеральной региональной политики.
6. Предусмотренное Налоговым кодексом РФ деление налогов на федеральные, региональные и местные отражает не столько разделение налогов по уровням бюджетной системы, сколько распределение полномочий в налоговой сфере между органами власти разных уровней. Тем не менее региональные налоги зачисляются в региональные бюджеты, местные налоги – в местные бюджеты. Кроме того, наряду с федеральными, региональными и местными налогами, Налоговым кодексом РФ предусматриваются так называемые специальные налоговые режимы, в т.ч. системы налогообложения для малого бизнеса (налог, взимаемый по упрощенной системе налогообложения, и единый налог на вмененный доход) и единый сельскохозяйственный налог, 90% поступлений по которым идут в региональные и местные бюджеты, а 10% – в государственные внебюджетные фонды.
7. Федеральные законы от 26 ноября 2008 года № 224-ФЗ и от 30 декабря № 305-ФЗ.
8. Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 310-ФЗ.
9. Наши расчеты по данным Федерального казначейства РФ.
10. В этом ключевое отличие дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности региональных бюджетов от дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности. Распределение последних по субъектам РФ утверждается законами о федеральном бюджете, а расчет причитающихся регионам средств идет на основе специально разработанной для этих целей методики.
11. Напомним, что, в соответствии с Бюджетным кодексом РФ, дотации – это нецелевые трансферты, субвенции – целевые трансферты на финансирование переданных полномочий (субвенции региональным бюджетам из бюджета федерального – трансферты на финансирование переданных регионам федеральных полномочий). Определение иных межбюджетных трансфертов в Бюджетном кодексе РФ не дается, к ним относят те перечисления, которые не подпадают под определение дотаций, субсидий или субвенций.
12. Региональные исследования. – 2009. – № 1 (22).

Т.Г. Нефедова, А.И. Тревиш
(г. Москва)

ГОРОДА И СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И СООТНОШЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Nefyodova T.G., Treivish A.I. (Moscow)

CITIES AND COUNTRYSIDE IN RUSSIA: THEIR STATE AND CORRELATION

Аннотация. Статья содержит опыт оценки предкризисного состояния городов и сельской местности России по низовым административным единицам. Рассматривается возможная реакция на современный финансовый кризис. Предлагаются методика и предварительные результаты сводной локальной диагностики российских пространств.

Abstract. The article contains the evaluation of Russia's urban and rural pre-crisis conditions based on lower level administrative units. The author examines the probable reaction of towns and countryside to the current financial crisis. The article offers methods and preliminary results of the final local diagnostics of Russian territories.

Ключевые слова: пространство, поляризация, город, сельская местность, урбанизация, депопуляция, центр, периферия, кризис.

Keywords: space, polarization, countryside, urbanization, depopulation, centre, periphery, crisis.

Введение. Утверждение, что пространство России поляризуется, давно стало общим местом. В данной статье мы пытаемся показать, какой была эта поляризация накануне новейшего кризиса и как он может на нее повлиять. Расчеты опираются на статистику по сельским районам и городам. Анализ состояния субъектов РФ и крупных городов – не редкость, хотя он огрубляет реальный «экономический рельеф» страны, поскольку различия внутри регионов не слабее, а то и сильнее межрегиональных. Однако работать с рядами данных по тысячам единиц АТД желающих мало. К тому же их нелегко получить.

С 2000 г. в Институте географии РАН собиралось буквально по крохам [6] и постепенно обновлялось на базе справочников по субъектам РФ досье на сельские административные районы (1867 единиц). Централизованного банка данных по ним не существует. А попытка получить соответствующие материалы сельскохозяйственной переписи 2006 г. по низовым районам не удалась. С городами ситуация немного лучше. В кооперации с коллегами из Германии и из МГУ им. М.В. Ломоносова в Вычислительном центре Росстата покупались и с середины 1990-х гг. обрабатывались так называемые паспорта всех городов России. Надо признать, что статистика по этим 1099 городам оставляет желать лучшего. Несмотря на дороговизну, надежных индикаторов в ней мало, зато нередки пропуски и ошибки. Поступает она с задержкой; так,

весной 2010 г., ВЦ подготовил данные по городам за 2008 г. Данная статья поневоле опирается на данные 2007 г. В ней дается оценка состояния городов России до кризиса, их возможной реакции на него, оценка состояния сельской местности на 2003–2005 гг. И главное – методика социально-экономической диагностики малых территорий, их геоситуационного анализа.

На излете урбанизации?

Ситуация в любой точке российского пространства – это всегда, с одной стороны, локальная версия региональных, национальных и общемировых процессов. А с другой – нечто уникальное. Чтобы оценивать состояние города и деревни, надо все же уточнить, на какой стадии урбанизации находятся страна и ее регионы.

До 1989-х гг. миграционный отток из села в города составлял сотни тысяч человек в год, хотя отчасти он компенсировался положительным естественным приростом в сельской местности. В кризисные 1990-х гг. миграционная ситуация резко изменилась, люди поехали в сельскую местность. Вместе с административными преобразованиями поселков городского типа в села это дало реальный прирост сельского населения, несмотря на то, что смертность стала превышать рождаемость. Однако это было связано не столько с закономерными сменами стадий урбанизации, сколько с политическими и

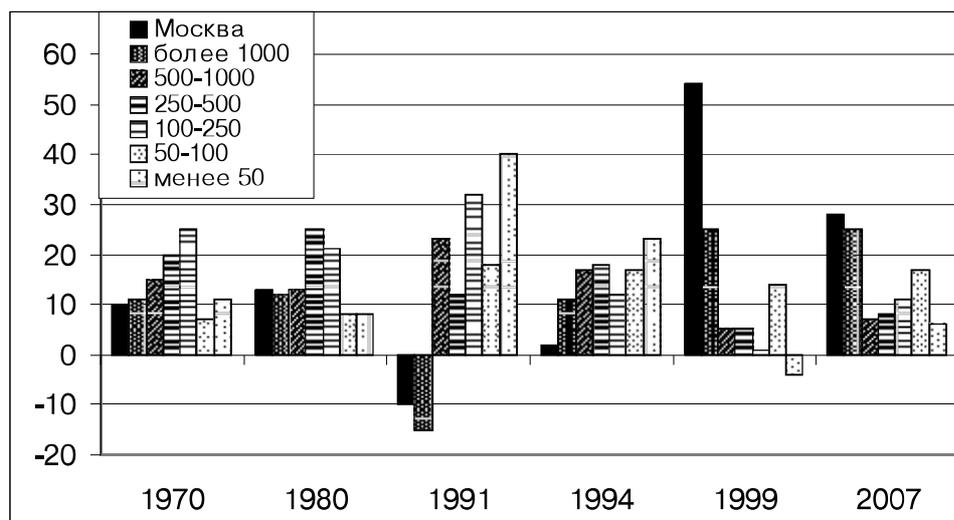

Рис. 1. Участие городов разного размера (в тыс. жителей) в миграционном балансе городского населения РФ в разные годы в %

Источник: Паспорта городов РФ за соответствующие годы

экономическими стрессами. Тем более что с 2000 г. докризисный отток из села восстановился. До настоящего времени отъезд из деревни превышает приток туда.

Согласно теории дифференциальной урбанизации, получившей широкое распространение в последние десятилетия XX века [10; 14; 15; 16] стадии урбанизации и готовность общества к дезурбанизации определяется не только соотношением роста населения городов и деревень, но темпами миграционного роста городов разного размера. Начальную стадию урбанизации отличает быстрый рост главных городов не только за счет сельского населения, но и за счет малых и средних городов. На зрелой стадии урбанизации рост главных городов достигает апогея, хотя средние города начинают догонять лидеров. Конец урбанизации характеризуется, так называемым поляризационным разворотом, при котором характерна наибольшая аттрактивность средних городов и постепенное увеличение привлекательности малых, в то время как крупнейшие центры теряют свою привлекательность. И, наконец, контр- или дезурбанизацию открывает рост малых поселений (городских и сельских), куда и устремляются мигранты из больших городов. Рис. 1 показывает, за счет каких городов формировался миграционный баланс страны в разные годы.

В 1970-1980 гг. за счет миграций росли все города, но особенно большой приток

был в большие города от 100 до 500 тысяч. К концу 1980-х гг. российское общество еще не пережило классическую урбанизацию, хотя и находилось уже на ее поздних этапах. И вдруг в 1991 г. начался сильный отток из крупнейших центров. Кризис, неразбериха, дефицит продуктов – первая и привычная для России реакция – из города в деревню. К этому добавилась приток населения в село из бывших республик СССР, с северных и восточных районов. Но к середине 1990-х положительный баланс городов восстанавливается, хотя привлекательными становятся скорее небольшие города, опять же за счет приезжих извне – в небольших центрах просто дешевле жилье. А на рубеже веков кризисная дезурбанизация заканчивается, поток приезжающих извне ослабевает, для людей важнее становится работа, и маятник «качается» в другую сторону. Началась обратная тяга в большие города, характерная для классической урбанизации, особенно в Москву и в крупнейшие центры. Правда к середине 2000-х гг. растет привлекательность средних и малых городов, хотя отходничество из них (работа и жизнь в больших городах при сохранении прописки в сельской местности или ином месте) статистика отражает слабо. Но также слабо фиксируются «ручейки» субурбанизации западного типа и дезурбанизации (отток горожан в село с социальным «дауншифтингом»). Тем более невозможно статистически уловить сезонную «дачеза-

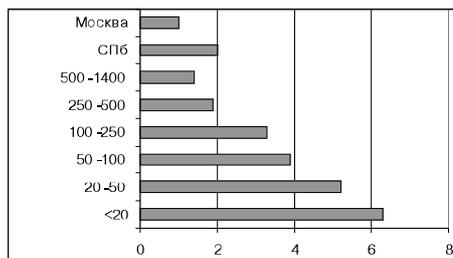

Рис. 2. Доля ищущих работу в общем числе занятых и ищущих работу в 2007 г. в городах разного размера в %

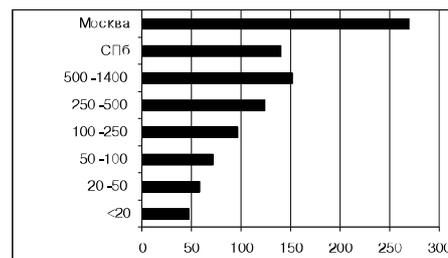

Рис. 3. Розничный торговый оборот и платные услуги на душу населения в городах разного размера в 2007 г. в тыс. руб.

цию», поскольку сохраняется прописка дачников в городах.

И все же, график на рис. 1 показывает, что и в 2007 г., страна еще не была готова к классической дезурбанизации и даже к массовой субурбанизации. Скорее всего, она возвращается на стадию перехода к поляризационному развороту, на которой находилась в конце 1980-х гг. Хотя разные районы могут опережать (Московская область) или отставать (национальные республики, некоторые южные регионы) от усредненных процессов. Все это говорит о том, что отток из деревни продолжается и в ближайшие годы будет продолжаться, хотя и не столь быстрыми темпами, как это было в 1970-1990 гг., что важно для оценки состояния сельской местности.

Города России до последнего кризиса

Оценки состояния городов неоднократно проводились нами и ранее на базе данных из паспортов городов [9]. Последний вариант оценок был опубликован по состоянию городов на 2003 г. [7]. С тех пор ситуация несколько улучшилась. Представляемый здесь вариант 2007 года опирается почти на те же показатели: 1) инвестиции на душу населения; 2) доля убыточных предприятий и организаций; 3) доля не занятых в экономике в общей численности экономически активного населения; 4) средняя зарплата работников, отнесенная к прожиточному минимуму; 5) розничный товарооборот, общественное питание и платные услуги на душу населения, тоже с поправкой на цены; 6) ввод жилья на душу населения; 7) обеспеченность жилого фонда канализацией и телефонами. Не удалось только продолжить ряд динамики промышленного производства в связи с переходом на новую форму статистического учета промышленности (с

ОКОНХ на ОКВЭД) и выпадением этого показателя из базы данных. Ряды по каждому из перечисленных показателей ранжировались сначала по 10-ти бальной системе, затем рассчитывались средние значения по всем показателям для каждого города и результаты переводились в привычную пятибальную систему оценки.

Как и прежде, мы можем утверждать, что состояние городов в наибольшей степени зависит от их размера, статуса, функций и географического положения [7]. Особенно наглядны различия указанных параметров в городах с разным числом жителей (рис. 2 и 3). Чем меньше размер города, тем выше в нем доля незанятого населения, меньше зарплата, меньше, соответственно, торговый оборот и т.п. Хотя Санкт-Петербург по некоторым показателям хуже иных миллионеров, да и Москва не всегда впереди, например, по показателю доли убыточных предприятий из-за множества не очень стабильных малых предприятий. С инвестициями на душу населения много исключений (Магас, Анадырь, Курильск) которые тянут вверх малые города.

В то же время в ближайшем окружении столицы или недалеко от других крупнейших городов признаков сильной депрессии даже в малых городах, как правило, не видно [5]. Это говорит о важности фактора местоположения города, независимо от размера. Однако всегда есть исключения, и даже на периферии можно встретить успешные небольшие центры, хотя в периоды кризисов остается не так много функций, способных переломить остальные неблагоприятные факторы развития города, особенно в монофункциональных городах. Из малых и средних городов выделяются в лучшую сторону «нефтегазовые», энергетические центры, города, сумевшие привлечь иностранные

Таблица 1

Число городов с той или иной оценкой состояния в 2007 г.

Города с населением	Число городов с разной оценкой состояния					Всего городов
	Лучшие (5 баллов)	Хорошие (4 балла)	Средние (3 балла)	депрессивные (2 балла)	с глубокой депрессией (1 балл)	
Более 500 тысяч	16	20	1	0	0	37
250-500 тысяч	8	26	3	0	0	37
100-250 тысяч	12	42	31	10	0	95
50-100 тысяч	11	42	69	29	1	152
Менее 50 тысяч	17	78	197	261	170	723
Всего городов	64	208	301	300	171	1044 ¹

Источник: расчеты автора по «Паспорта городов РФ» в 2007 г.

¹ Ввиду значительных пропусков информации за 2007 г. по некоторым городам, рассматривалось 1044 из 1096 городов России. Не попали в таблицы 2 и 3 в основном малые города, большую часть которых можно отнести к депрессивным.

инвестиции и/или имеющие экспортные производства.

В целом по сумме параметров в разные годы оставались более благополучны крупные города (свыше 250 тысяч жителей), а особенно города с населением свыше 500 тыс. жителей (таблица 1). Для них характерны пониженный уровень безработицы, лучшие возможности трудоустройства, активный малый бизнес, в среднем более высокие доходы, более креативная среда.

Среди 64 городов с лучшими в 2007 году оценками 13 городов в Московской и Ленинградской областях, 10 городов на равнинном юге Европейской России и 21 город в сырьевых, в основном, в нефтедобывающих районах. Остальные, как правило, столицы других регионов.

Гораздо хуже ситуация в малых городах. Низкие оценки (1-2 балла) имели в 2007 г. 60% всех городов России с населением менее 50 тыс. жителей, хотя по сравнению с началом 2000-х гг. их состояние несколько улучшилось: тогда подобные оценки получили 72% малых городов [7]. В целом 45% всех оцениваемых городов получили в 2007 г. неудовлетворительные оценки, и их можно отнести к депрессивным.

Более трети горожан живет в лучших городах, преимущественно в центрах регионов (таблица 2). Доля населения в депрессивных городах все же уменьшилась за 2003-2007 гг. с 19 до 11%.

Тысячу сто городов трудно уместить на одной карте. Поэтому на рис. 4 показаны

средние баллы по регионам. Регионов с повышенными средними оценками не так уж много: Московская, Белгородская, Липецкая области, Краснодарский край и нефтяные регионы Западной Сибири. Интереснее степень разброса оценок состояния городов на рис. 5. Сравнивая их, легко найти регионы, где все они низки (Тверская, Псковская, Кировская и др. области), ареалы с низкими средними, но контрастными внутри контрастными (Новгородская, Вологодская, Архангельская области), или однородно неплохие (Татарстан и Башкортостан или та же Тюменская область с округами). Но благополучных с резким расслоением нет – разве что Ленинградская область.

Россия в этом плане представляет собой архипелаг немногих важных центров в океане городской и сельской периферии [12]. Основные тенденции 2000-х гг. были связаны с нарастанием до последнего кризиса пространственных различий в миграционной привлекательности и самочувствии городов. Все это говорит об усилении неравномерности развития, а, следовательно, об усилении отрыва центров от периферии даже среди городов.

Уязвимость городов к современному кризису

Что же внес современный мировой кризис? Информация по регионам и крупнейшим городам отслеживается в режиме мониторинга Н.В.Зубаревич и др. [1; 3]. Однако по всему массиву городов в режиме online ee

Таблица 2
Доля населения, живущего в городах с той или иной оценкой состояния в 2007 г., в %

Города с населением	Города с разной оценкой состояния					Всего городов
	Лучшие (5 баллов)	Хорошие (4 балла)	Средние (3 балла)	депрессивные (2 балла)	с глубокой депрессией (1 балл)	
Более 500 тысяч	29.3	14.6	0.6	0.0	0.0	44.5
250-500 тысяч	2.9	9.3	0.9	0.0	0.0	13.1
100-250 тысяч	2.0	7.0	4.9	1.6	0.0	15.5
50-100 тысяч	0.8	3.1	5.2	1.2	0.1	10.4
Менее 50 тысяч	0.6	2.2	5.1	5.6	3.0	16.4
Всего городов	35.6	36.2	16.7	8.4	3.1	100.0

Источник: расчеты автора по «Паспорта городов РФ» в 2007 г.

получить невозможно. Поэтому мы использовали методику выявления уязвимости городов к кризису на основе ряда показателей 2007 г., приняв, что основными факторами уязвимости могут служить:

1. Степень монофункциональности промышленности города, определявшаяся по показателям доли ведущей отрасли в валовой продукции промышленности и доли занятых в промышленности.

2. Финансовое состояние как среднее из трех показателей: бюджета на душу населения, доли федерального бюджета в бюджете города и сальдированного финансового результата деятельности всех предприятий и организаций.

3. Розничный торговый оборот и платные услуги на душу населения (с учетом прожиточного минимума) как подушка безопасности при коллапсе промышленного производства.

Корреляция уязвимости городов к новым катаклизмам с их прежним состоянием отрицательная, но не очень высокая – 0.45.

Восстановление общей «массы» экономики (ВВП) в 2000-х гг. не означало возврата к ее прежней структуре. Доля промышленности еще в 1990-х гг. всюду быстро падала, но в 1998 г. в стране оставалось еще немало промышленных регионов. Одни из них затем увеличили производство и по составу ВВП даже стали гипериндустриальными, другие превращались в индустриально-сервисные. В 2007 г. в России было 30 городов, в которых более 60% всех занятых в экономике было занято в промышленности (из больших городов –

только Новомосковск), 190 городов с долей занятых в промышленности от 40 до 60%. Здесь много и больших городов, приведем лишь верхнюю часть их списка по мере убывания доли занятых в промышленности: Северодвинск, Череповец, Березники, Нефтекамск, Нижнекамск, Миасс, Новотроицк, Арзамас, Ковров, Муром, Волжский, Ст.Оскол, Невинномысск и другие. Еще 195 городов имели с 30-40% работников промышленности. В общей сложности промышленные и полупромышленные города все еще составляли почти половину всех городов России.

Моноотраслевых промышленных городов по нашей методике, основанной на доступных показателях, получилось в 2007 г. 30% всех принятых в учет городов, т.е. 317 (таблица 3). Из них 211 – малые города. Моноотраслевые промышленные большие города (более 80% продукции дает одна отрасль и более 40% занято в промышленности) – это Норильск, Каменск-Уральский и Салават. К ним можно добавить моноотраслевые большие города, где в промышленности занято 30-40% – это преимущественно добывающие центры: Нижневартовск, Альметьевск, Ленинск-Кузнецкий, Междуреченск. В России 27% городов свыше 100 тысяч жителей – моноотраслевые промышленные – это очень много. Из них больше всего металлургических центров (эти сильнее всего подвержены новому кризису), 12 машиностроительных центров и 10 центров добычи полезных ископаемых, 6 – центров химии и нефтехимии.

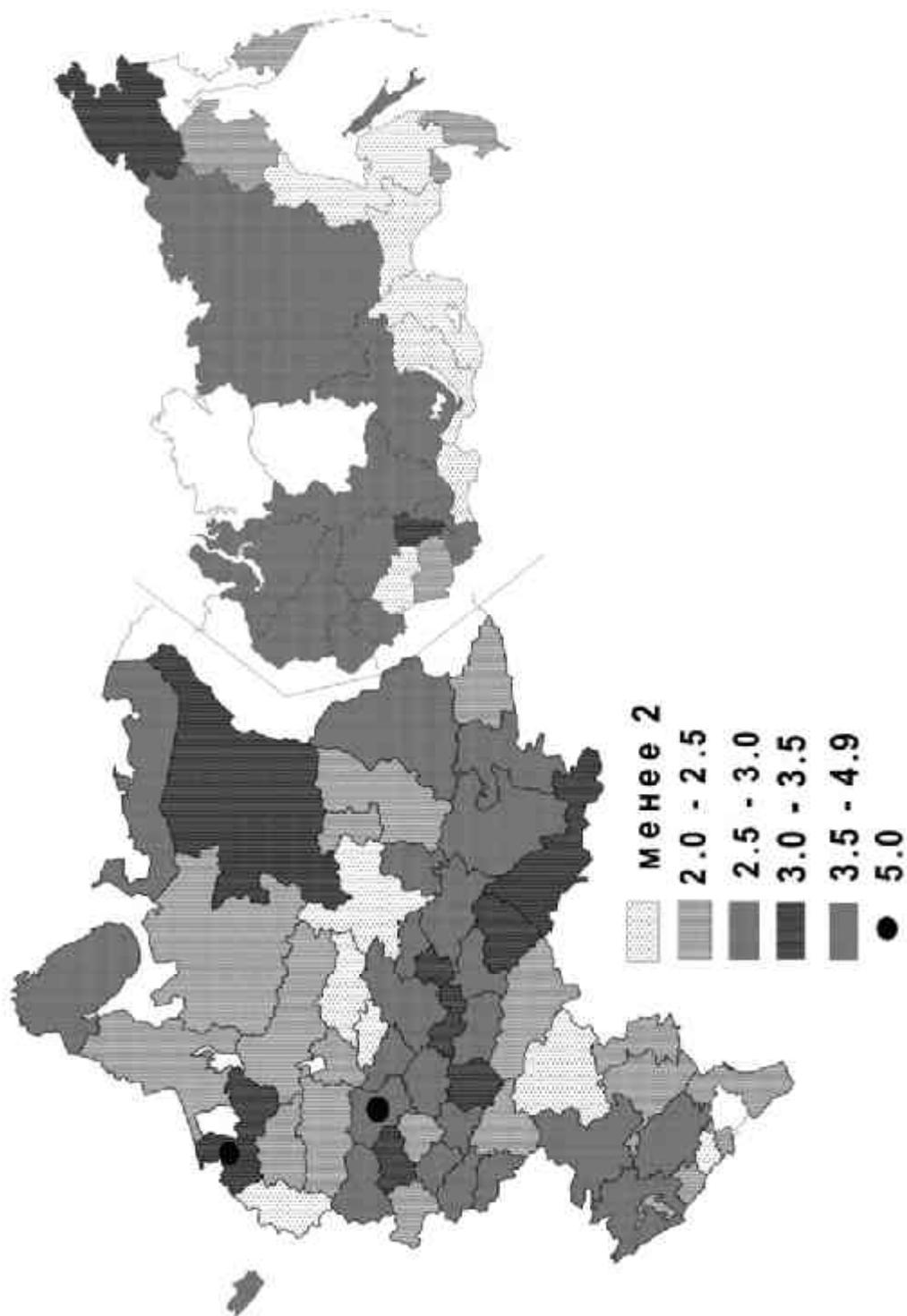

Рис. 4. Средние оценки конкурентности городов (не вводимые) по регионам России, 2007 г.

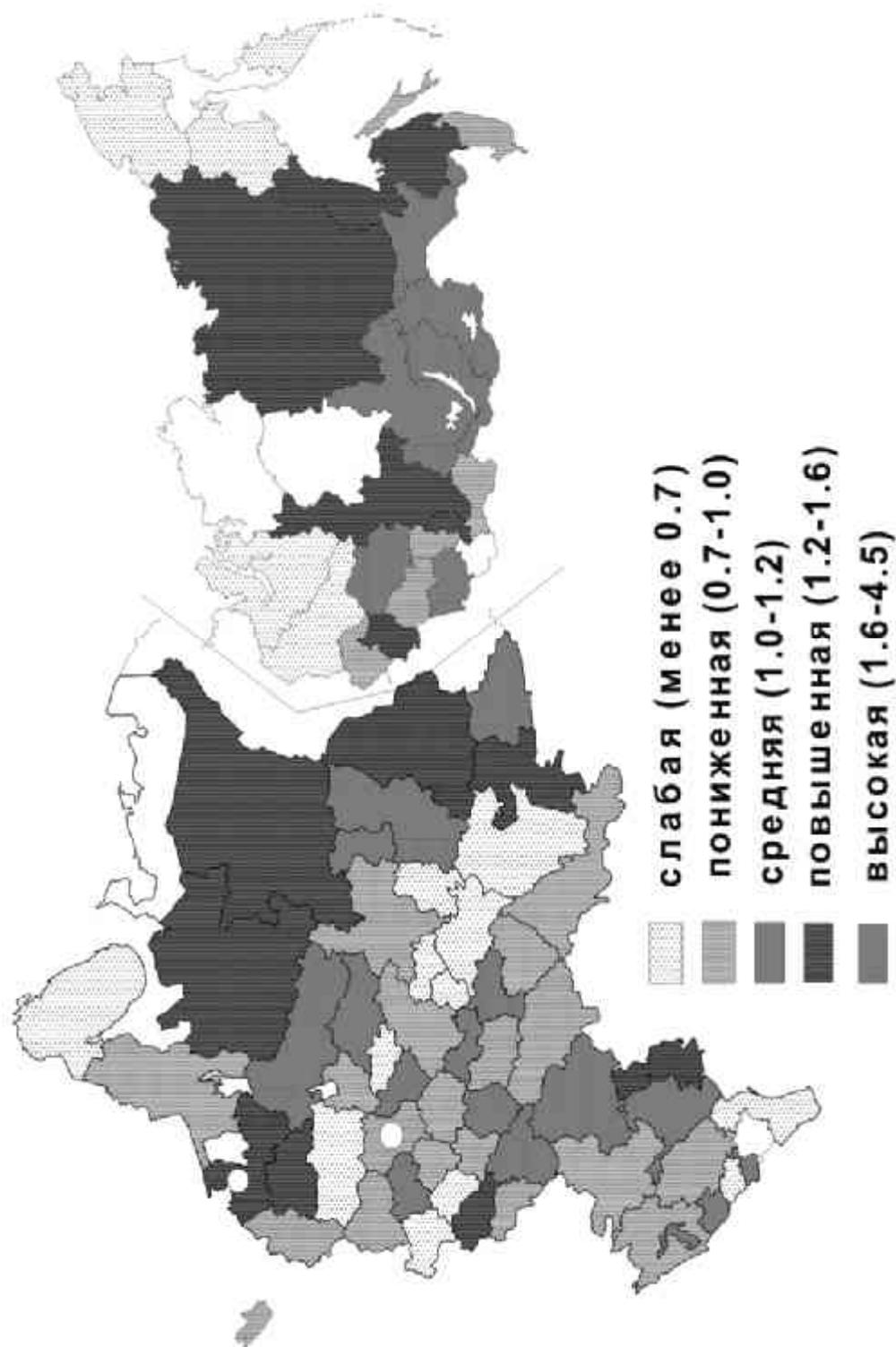

Рис. 3. Степень контрастности оценки развития городов по регионам России, 2007 г.

Таблица 3

Моноотраслевые промышленные города, число на 2007 г.

Города с населением	Число городов с долей ведущей отрасли в промышленном производстве				Всего моноот- раслевых городов единиц	Доля в числе городов, %
	более 80%		50–80%			
	с долей занятых в промышленности					
	более 40%	30–40%	более 40%	30–40%		
менее 50 тысяч	66	38	54	53	211	29
50-100 тысяч	13	7	20	20	60	39
более 100 тысяч	3	5	20	18	46	27
Всего городов	82	50	94	91	317	30

Источники: Паспорта городов РФ, 2007

Таблица 4

Бюджетная обеспеченность городов, число городов

	Бюджет на душу населения, тыс. руб.		Доля федерального бюджета, в %		Нулевое или отри- цательное сальдо для бюджета	Число городов
	более 50	менее 5	более 70%	50–70%		
менее 50 тысяч	10	545	82	76	362	721
50-100 тысяч	1	123	15	13	32	155
100-500 тысяч	1	92	20	23	17	133
более 500 тысяч	0	13	1	11	0	37
Всего городов	12	773	118	112	421	1046

Источники: Паспорта городов РФ, 2007

Бюджетные показатели также важны для устойчивости города (таблица 4). Тем более что высокой бюджетной обеспеченностью (более 50 тысяч рублей на душу населения) в 2007 г. отличались всего 12 городов. И это отнюдь не Москва. Из больших городов – это Грозный, из средних – Ханты-Мансийск и 10 малых, в основном атомграды и Нарьян-Мар. Зато с малыми бюджетами (менее 5 тысяч рублей на душу в год) – 773 города, из них 545 – малые города. При этом 40% городов имеют отрицательное или близкое к нулевому финансовое сальдо предприятий и организаций. Среди них также очень много малых городов. Так что и без нового кризиса ситуация была нелегкой. А тут еще трансферты уменьшились в 2009 и особенно в 2010 г. Поэтому особенно важно выявить города с повышенной долей федерального бюджета. Таких городов тоже оказалось много: в 118 городах доля федерального бюджета превышает 70%, в 112 – составляет 50-70%.

Как и при оценке благополучия, суммарные показатели сведены к пятибалльной

шкале. В таблице 3 для простоты показаны три класса: наиболее уязвимые, средние и менее уязвимые города. Высокая уязвимость характерна для 457 городов, в основном малых. Поэтому живут там всего 13 млн. человек. Из них ровно половина – это города, уже (или еще) депрессивные к 2008 г., чье состояние может снова ухудшиться. Но в категорию уязвимых попали и 60 относительно благополучных городов. Правда, больших – единицы (Норильск, Междуреченск, Миасс, Каменск-Уральский, Салават, Новомосковск). Депрессивных городов с низкой уязвимостью мало – разве что некоторые текстильные (Вичуга, Шуя, Фурманов, Южа). А вот среди крупных городов с населением свыше 500 тысяч жителей весьма уязвимых просто нет.

Уязвимость тесно связана с отраслевой структурой. Если смотреть промышленный профиль, то наиболее уязвимы моноотраслевые металлургические центры, хотя их состояние в 2007 г. было средним. Добывающие центры – тоже уязвимы, но там ситуация, зависит от вида сырья. А пищевым моноотраслевым центрам (обычно малым)

Таблица 5

Доля городов с разной степенью уязвимости к кризису 2008–2010 гг., %

Города с населением, тыс. чел.	Высокая уязвимость (1–2 балла)	Средняя уязвимость (3 балла)	Низкая уязвимость (4–5 баллов)	Всего
До 50	6	40	54	100
50-100	22	48	30	100
100-500	44	41	14	100
Свыше 500	81	19	0	100
Всего городов	16	41	43	100

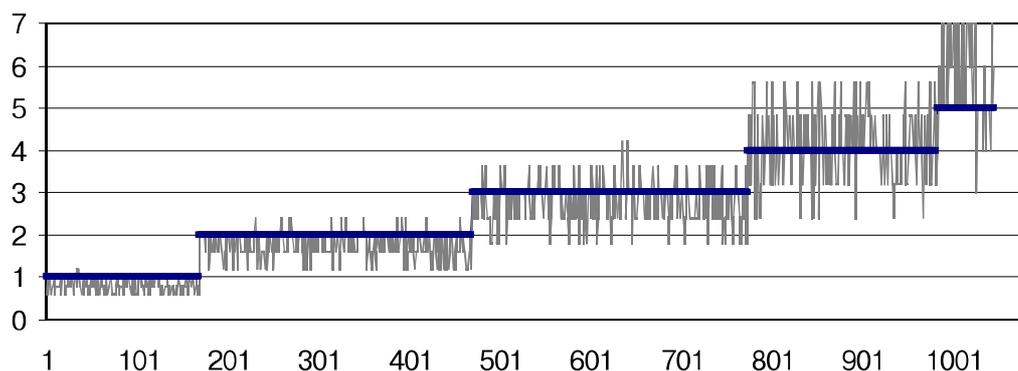

Рис. 6. Соотношение оценок (по оси Y) базового состояния городов на 2007 г. (горизонтальными линиями от 1 до 5 баллов) и оценок городов с учетом поправок на степень уязвимости к новому кризису (от 0.6 до 7). Ось X – число городов.

хуже всех. У них и базовая оценка в 2007 г. была ниже, и уязвимость выше.

Введение в оценки состояния городов поправок на степень уязвимости проводилось с использованием повышающих или понижающих коэффициентов (для более тонкой настройки у нас не было возможностей). Сравнение двух рядов показателей по всем городам (докризисных оценок и оценок с учетом уязвимости) показало, что города с низкими базовыми оценками (1 и 2 балла), как правило, рискуют еще немного потерять, хотя «дно» и так близко (рис. 6). С ростом базовых оценок диапазон вероятных реакций ширится, и, главное, в пользу шансов на улучшение состояния.

В общем, распространенная и отчасти разделяемая нами гипотеза об устойчивости «слабых», которым и падать вроде бы некуда, как минимум, сомнительна. Есть куда падать, хотя бы до уровня самой нищей и натуральной деревни!

Таким образом, последний финансовый кризис внес коррективы в общие тенденции развития городов. Его ожидаемый эффект –

поляризация городов, растягивание их ряда вниз и вверх. И это несмотря на возможное элементы временного «нивелирования вниз» крупнейших центров, как уже было в начале 1990-х и в 1998 г. Тем не менее, прежние диспропорции быстро восстанавливаются и общая тенденция поляризации городов сохранится при ухудшении состояния большинства малых городов, и до кризиса переживавших тяжелую депрессию.

Оценка состояния сельской местности

На состояние сельской местности наибольшее влияние оказывает степень депопуляции населения в XX веке и оставшийся в деревне человеческий потенциал. Количество трудоспособного населения, а, главное, его качество и состояние социальной среды в деревне, сильно различаются на юге России и в Нечерноземье, а в последнем – в пригородах больших городов и на периферии регионов. Особенно важно сочетание депопуляции и плотности сельского населения. Могут быть районы не очень давнего освоения с низкой плотностью, но сравнительно

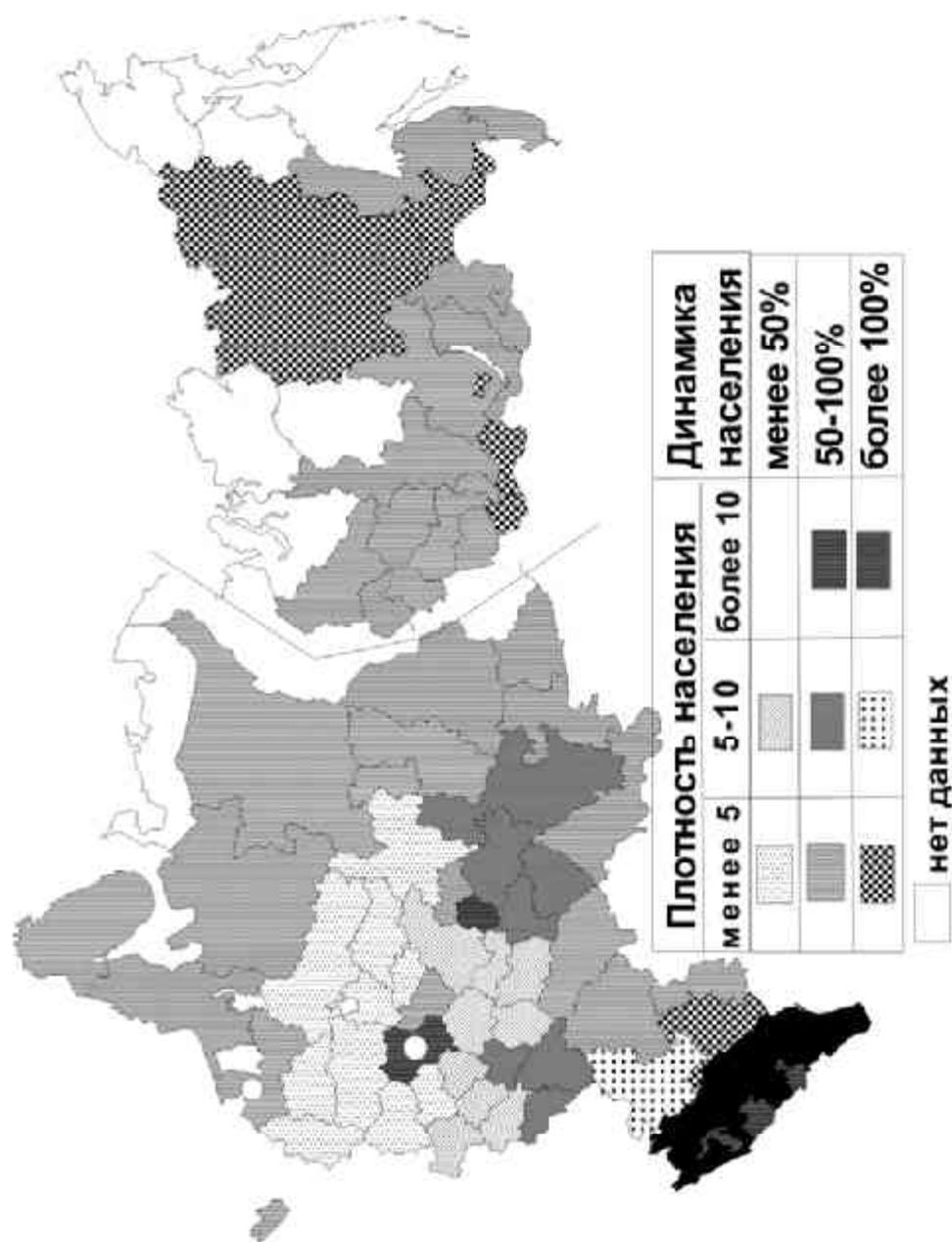

Рис. 7. Динамика сельского населения (связь между переписями (2002 г. с % к 2019) и его плотность, по субъектам РФ, чел/км. кв)

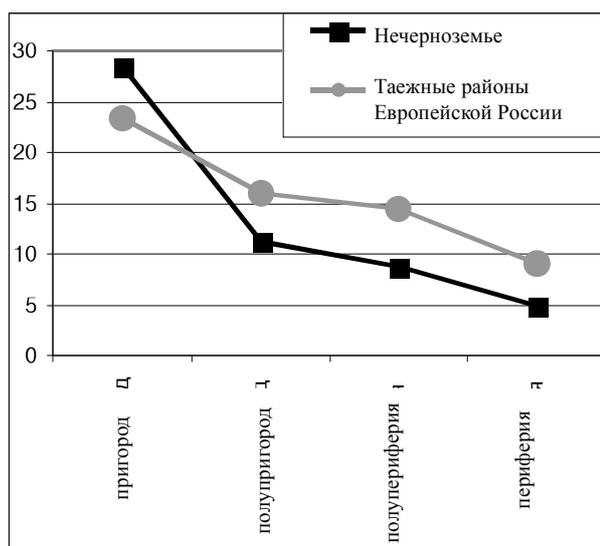

Рис. 8. Падение плотности населения от пригородов к периферии внутри субъектов Европейской части России, чел./кв. км

молодым и активным населением, например на востоке страны. И наоборот, районы изначально столь сильно перенаселенные (например, Черноземный центр), что вымывание населения не сказалось еще катастрофически на сельской местности. Но вместе эти показатели в значительной мере отражают состояние трудового потенциала, а значит и возможности хозяйствования. Зона, где сильная депопуляция во второй половине XX века привела к низкой плотности сельского населения охватывает полукольцом Московскую область с запада на север и северо-восток и занимает все пространство между Московской и Ленинградской областями (рис. 7). Исследования нечерноземных регионов показывают, что при потерях населения более 50%, а тем более 70% и плотности менее 5 человек активизация деятельности на базе местного населения, как правило, сильно затруднена [8]. В результате длительного отрицательного социального отбора (поскольку уезжали наиболее активные и молодые) происходит деградация социальной среды, преобладают старики и люди, подверженные социальным патологиям. На периферии многих нечерноземных регионов даже при безработице трудно найти реальных работников. В то же время пригородные административные районы, а также Московская и Ленинградская области представляют собой иной полусельский – полугородской мир.

Результаты депопуляции очень выразительны. Даже в пределах одного субъекта РФ по мере удаления от его центра плотность населения падает, а в Нечерноземье ее градиент между пригородами областного центра и периферией области достигает 10–12 раз [7].

Особенно тесная связь существует между судьбой сельской провинции и сельским хозяйством, как основным работодателем при слабой развитости сферы услуг и других отраслей хозяйства. Хотя на севере многие районы выживают за счет леса. Тем не менее, состояние сельского хозяйства мы использовали как основной индикатор наряду с данными о депопуляции, просто за неимением сплошного массива иных показателей на уровне административных районов.

Состояние сельскохозяйственных предприятий по административным районам, как и в случае с городами, рассчитывалось с начала 2000-х гг. [6] и периодически обновлялось по ряду показателей: уменьшение валового объема производства, поголовья крупного рогатого скота и свиней к середине 2000-х гг. в % к 1990 г., дифференциация урожайности культур и продуктивности скота, особенно важная внутри субъектов РФ при сходных природных условиях.

Рынок усилил концентрацию сельского хозяйства. После кризиса 90-х гг. при росте сельскохозяйственного производства посевная площадь (до 2008 г.) и поголовье круп-

ного рогатого скота (до 2009 г.) продолжали убывать [11]. Это – признак поляризации и фрагментации землеемкого агросектора, где огромные площади просто выпали из использования. Более успешными оказались южные зерновые зоны, а в любой нечерноземной области – пригородные. В переходной зоне от Нечерноземья к Черноземью внутри областей на результатах сельского хозяйства сказываются оба фактора: близость крупного города и более благоприятные природные условия. Именно туда чаще шли инвестиции, там росла продуктивность скота и урожайности культур. На удаленных от городов территориях со сложными природными условиями и большими потерями населения из-за сильного экономического сжатия происходит и сжатие освоенного сельского пространства. Формируется очаговая структура сельской местности России [6; 7].

Внутренняя дифференциация субъектов РФ по состоянию сельского хозяйства сильно различается в разных регионах. Если Краснодарский край или Татарстан относительно однородны на фоне высокой дееспособности агросектора, а Волгоградская или Псковская – на фоне низкой, то большинство регионов Нечерноземья и переходной зоны от Нечерноземья к Черноземью характеризуются сильной экономической дифференциацией, хотя сами регионы сравнительно небольшие и различия природных условий невелики. Доля недееспособных предприятий в Нечерноземье резко возрастает от пригорода к периферии. При этом фактор доступности при современных технологиях не играет большой роли. Современное состояние и продуктивность заметно коррелируют с плотностью сельского населения и, шире, с качеством человеческого капитала, что видно при сравнении двух карт на рисунках 9 и 10. Этот фактор еще в 1980-х гг. был замечен Г.Иоффе [4]. Но в годы кризиса и реформ его роль сильно возросла.

Новый финансовый кризис оказал существенное влияние и на сельскую местность. Его основными последствиями стали:

- рост доли убыточных сельско- и лесохозяйственных предприятий при замораживании кредитов и инвестиций;
- учащение банкротств из-за ужесточения налоговой политики в регионах;
- сокращение бюджетной поддержки сельского хозяйства, финансирования

агропромышленных программ и программ развития села;

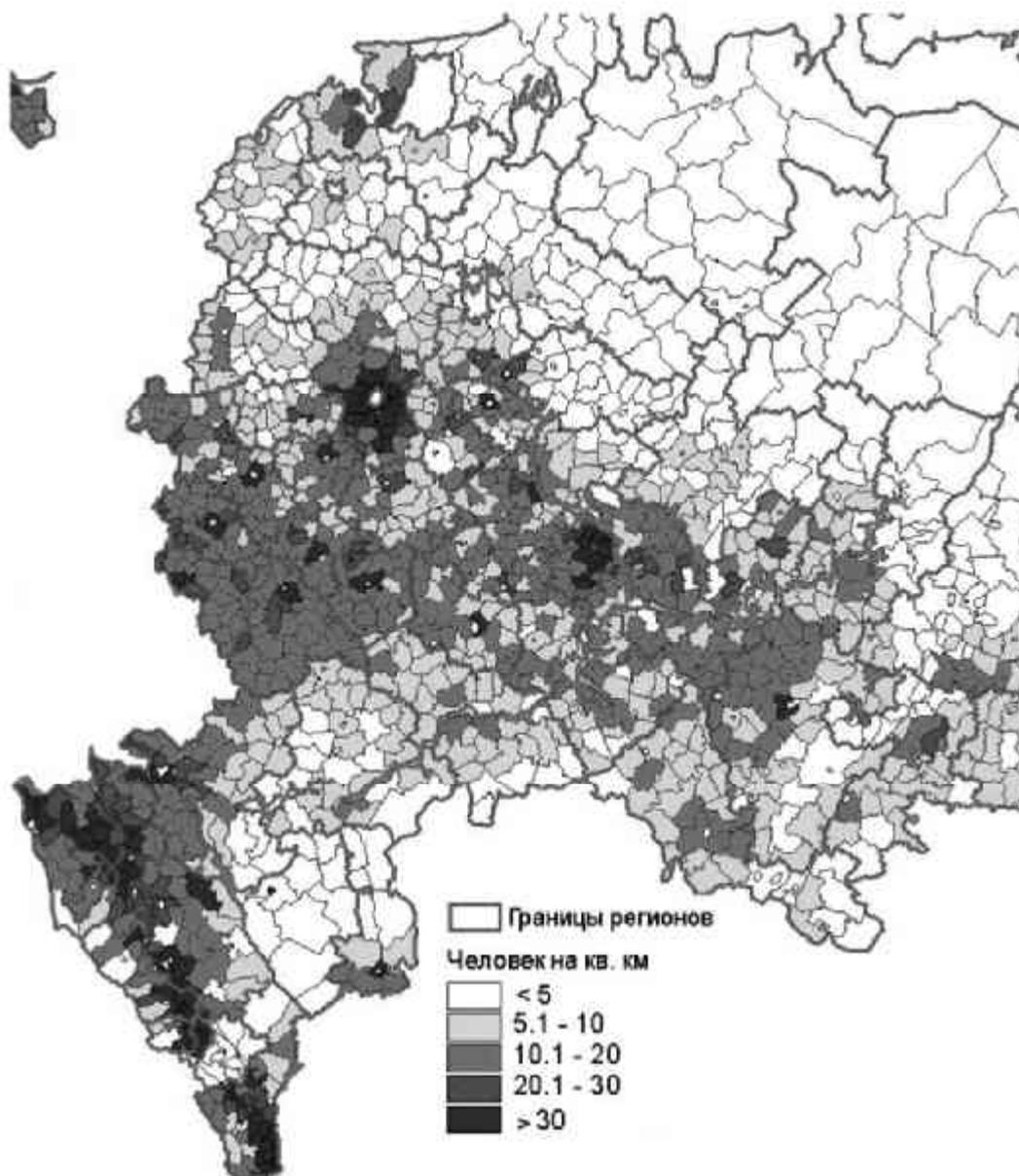
- ускоренная деградация сельской инфраструктуры и сельских сообществ из-за сокращения региональных трансфертов, особенно в 2010 г.;
- уменьшение масштабов спасительного отходничества в города из-за падения спроса на труд, рост сельской безработицы;
- усиление роли натурального хозяйства.

Суммарный эффект тот же, что и для городов: при непродолжительном кризисе сильнейших и экспортных (в т.ч. лесовывозящих) сельских районов их общая поляризация нарастает за счет углубления кризиса в местах хронической депрессии.

Методика и некоторые итоги сводного диагноза территорий

Общая диагностика территории представляла самую сложную задачу, поскольку в оценки городов и сельской местности заложены разные показатели. По рядам оценок или диагностическим картам городов и сельской местности, взятым порознь, видно, где лучше и где хуже. Но «успеваемость» города, особенно крупного, – это далеко не то же самое, что «пятерка» у сельского района. В нашем банке порайонных данных не хватает реактивных, «быстрых» индикаторов, однако сельский социально-экономический рельеф в субъектах РФ весьма устойчив [7]. Поэтому оценки состояния села не содержат, в отличие от городских, поправок на уязвимость к кризису. Поселки же городского типа (до сих пор многочисленные, хотя их вдвое меньше, чем в советское время: 1350 с 8 млн. чел., или 5,5% россиян [13]) не учитывались совсем; по ним сплошной статистики просто нет.

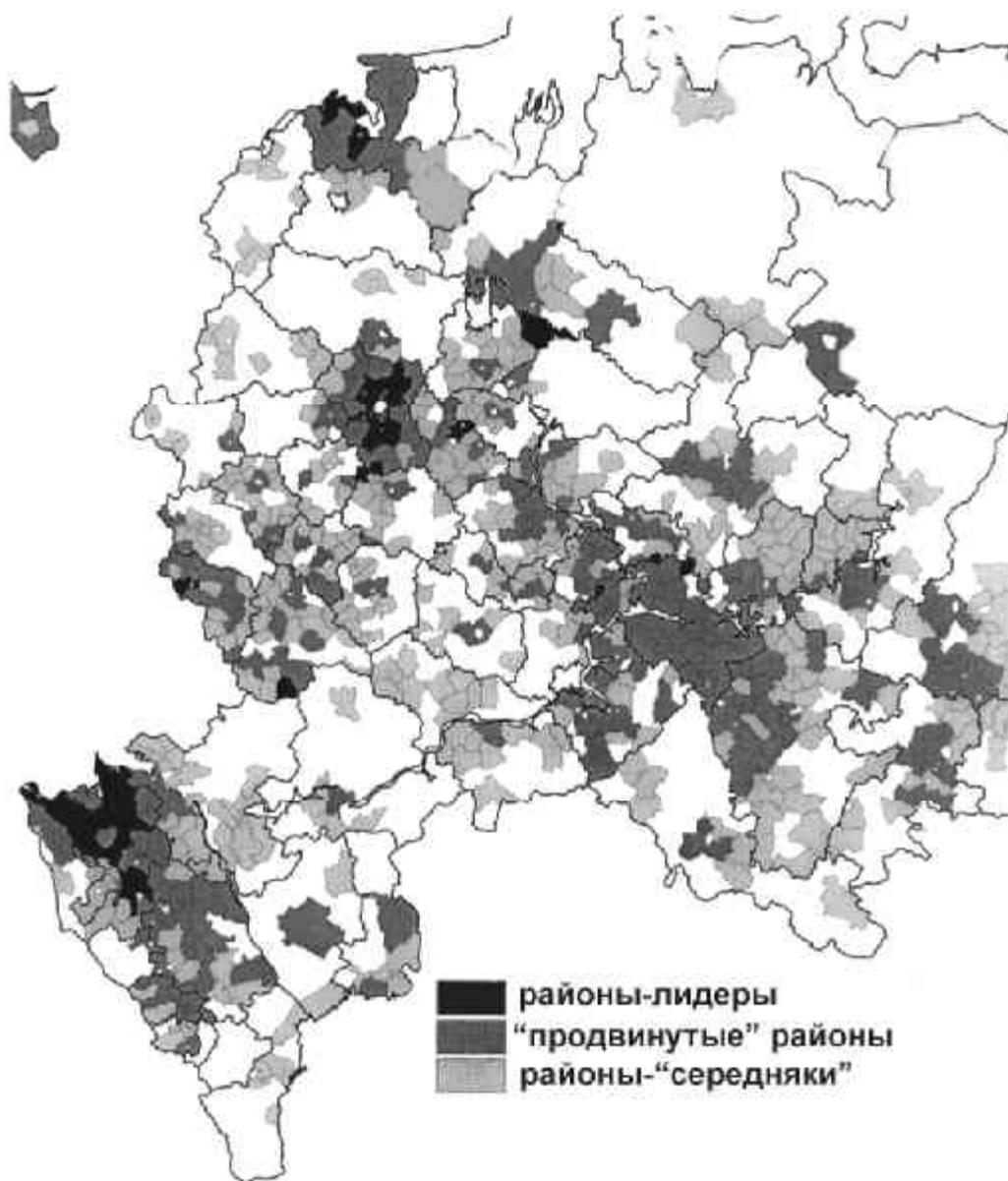
Наконец, технически нелегко уместить на карте мелкообзорного масштаба тысячи единиц. Поэтому большие города мы решили показать внемасштабно. А малые и средние – с их полудеревенским обликом, образом жизни, слитностью с окружением – рискнули «погрузить» в районы. Их сводная оценка – это средняя величина из баллов сельской компоненты, средних и малых городов данной территории (подчиненных району или нет), взвешенных на их население, ведь урбанизированность районов бывает разной, от почти стопроцентной до нулевой.

*Рис. 9. Плотность сельского населения в 2002 г.
Рассчитано на базе информации по административным районам*

Оценки задуманы по всей России, но из-за упомянутых сложностей на рис. 11 пока приводится фрагмент – Центральный федеральный округ. Сам ряд конечных оценок растянулся от 1 до 7. Коэффициент их вариации у больших городов невелик (0,35), у малых и средних – разброс сильнее (0,62), а у сельских районов – средний (0,55). Но если оценки небольших городов и сельской местности разнонаправлены, то они гасят друг друга. В самом деле, вариация сводных оценок районов оказалась ниже – 0,47.

На карте, конечно, выделяется в лучшую сторону Подмосковье, где нет безнадежно «неуспевающих» городов и районов. Правда, на северо-востоке старопромышленный ареал с пониженными оценками контрастирует с успешным ближайшим окружением столицы. Явно депрессивных мест нет в Белгородской, Липецкой областях, практически нет их и в Орловской. Ядро ЦЧР – вообще ареал относительного благополучия, как сельского, так и городского, а вот на его окраинах (северо-запад Курской, восток Тамбовской

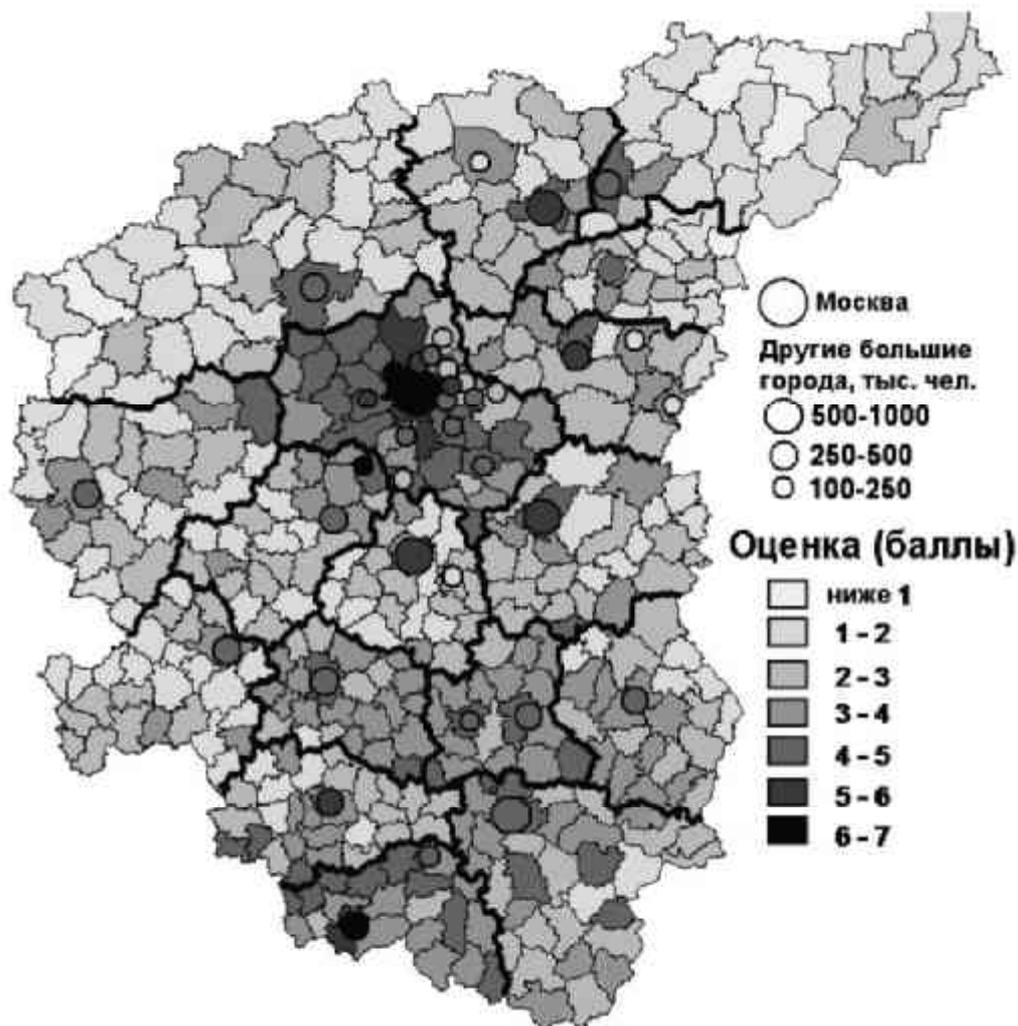
*Рис. 10. Опорный каркас сельского хозяйства в начале 2000-х гг.
Рассчитано на базе информации по административным районам*

области) все же встречаются проблемные территории.

На фоне общего градиента север-юг в большинстве регионов ясно видны различия центр-периферия, хотя порой близость к Московской области важнее, чем к «столице» своей (Гагаринский район в Смоленской области, Жуковский в Калужской). А Тульская, Рязанская и Тверская области местами примыкают к Московской депрессивными и просто глухими углами. Конечно, карта не

учла сезонно-дачной дезурбанизации и связанного с ней бума недвижимости, быстро меняющего пространство вокруг Москвы и ряда крупных городов. По официальной статистике учесть его вообще невозможно [подробнее см. 5 и др.].

Об адекватности наших оценок реальным процессам и их качестве в целом судить, быть может, рановато, и судить лучше бы не нам. Понимая, что каждый шаг описанной выше процедуры можно подвергнуть жесткой кри-

Рис. 11. Фрагмент карты общей диагностики состояния территории РФ (на примере ЦФО) 1 балл и ниже – наихудшее состояние, 6-7 баллов – наилучшее

тике, мы потому и спешим поведать коллегам о ней самой и ее первых результатах. Тем более что мы намерены в обозримый срок довести работу до «географического конца»,

охватив всю Россию, а если получится, то и усовершенствовать метод оценки в рамках возможного. Конструктивная критика и предложения, естественно, принимаются.

Библиографический список

1. Влияние кризиса на регионы России: мониторинг // http://www.socpol.ru/research_projects/projects.shtml
2. Демографический ежегодник. – М.: Федеральная служба гос. статистики, 2007.
3. Зубаревич Н.В. Территориальный ракурс модернизации // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – № 10. – М., 2009. – С. 33–55.
4. Иоффе Г.В. Изучение географии сельского хозяйства в зоне влияния крупнейшего города // Известия АН СССР. – Серия география. – 1984. – № 1. – С. 63–72.
5. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008.
6. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003, 403 с.

7. Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – № 5(20). – С. 14–31.
8. Нефедова Т.Г. Социальные ограничения развития аграрного сектора России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – № 9. – М., 2008. – С. 37–53.
9. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Динамика и состояние городов в конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. – С. 196–225.
10. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория дифференциальной урбанизации и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. – С. 71–87.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2009.
12. Трейвиш А.И. Центр, район и страна. Инерция, инновации в развитии российского крупногородского архипелага // Крупные города и вызовы глобализации. – М.: Институт географии РАН, 2003.
13. Численность населения РФ по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2009 года. – М.: Федеральная служба государственной статистики РФ, 2009.
14. Geyer, H.S. and T. Kontuly. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review. – 1993. – 15, 3. – P. 157–177.
15. Fielding, A.J. Migration and urbanization in Western Europe since 1950 // The Geographical Journal, 1989. – 155, 1. – P. 60–69.
16. Richardson, H.W. Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association, 1980, 45: 67–85.

П.И. Касаткин
(г. Москва)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Kasatkin Petr I. (Moscow)

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE POST-SOVIET AREA

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы жизни Русской православной церкви – крупнейшей религиозной организации на постсоветском пространстве. В статье сделана попытка рассмотреть ряд вопросов, касающихся как положения и служения Русской церкви на постсоветском пространстве в целом, так и в отдельных странах бывшего Советского Союза.

Abstract. Article is devoted a life of Russian Orthodox Church – the largest religious organisation on the post-Soviet territory. In article attempt to consider some question, concerning as positions and services of Russian Church on post-soviet area as a whole, and in the different countries of the former Soviet Union is made.

Ключевые слова: межправославные отношения, Русская православная церковь, православная диаспора, внешние церковные связи, постсоветское пространство.

Keywords: Russian Orthodox Church, inter-orthodox relations, orthodox diaspora, external church relations, post-soviet area.

Последние два десятилетия стали периодом религиозного возрождения как в России, так и на всем постсоветском пространстве: были открыты тысячи храмов, сотни монастырей, десятки духовных учебных заведений. Произошедшие исторические изменения в жизни общества открыли новые возможности для Русской церкви. В то же время новые условия ее бытия в различных регионах бывшего Советского Союза обозначили необходимость внести коррек-

вы в ее административно-управленческую структуру, формирование которой продолжается до настоящего времени. Как отмечает С.Г.Сафонов, «Церковь, канонической территорией которой является шестая часть суши, а большая часть религиозной деятельности сосредоточена на епархиально-приходском уровне, вынуждена постоянно корректировать свое административно-территориальное деление. Хотя оно и строится на основе веками сложившейся практики, однако в про-

странственном отношении весьма исторично и подвижно – это современный «взгляд» церкви на ареал своего распространения. В нем отражается и плотность сети первичных общин, и особенности взаимоотношения с властью, и те стратегические и тактические задачи, которые конфессия ставит перед собой сегодня¹. Именно поэтому, наряду с вопросами собственно церковной жизни, особое внимание привлекает также сфера сотрудничества Церкви, государства и общества в гуманитарных областях.

Русская православная церковь – крупнейшая религиозная организация в истории Руси, России и СССР. Будучи первоначально одной из митрополий Константинопольского патриархата, Русская церковь с 1448 года стала независимой, а в 1589 году было учреждено Патриаршество и глава Русской церкви стал носить сан Патриарха Московского и всея Руси.

В 1988 году Русская православная церковь насчитывала 6893 прихода, на которых свое служение несли 7397 священнослужителей², на территории СССР было 67 епархий, за его пределами насчитывалось еще 12 епархий и ряд заграничных учреждений. Согласно Уставу Русской православной церкви, «епархии – местные церкви, возглавляемые архиереем и объединяющие епархиальные учреждения, благочиния, приходы, монастыри, подворья, Духовные образовательные учреждения, братства, сестричества, миссии³. Церковные структуры управлялись 74 епископами во главе с Патриархом Московским и всея Руси и Священным синодом⁴. Отдельные епархии Русской православной церкви объединяли приходы и монастыри на территории РСФСР (39 епархий), Украинской ССР (18 епархий), Эстонской ССР (Таллиннская епархия), Латвийской ССР (Рижская епархия), Литовской ССР (Виленская епархия), Молдавской ССР (Кишиневская епархия), Белорусской ССР (Минская епархия), Казахской ССР (Алма-Атинская епархия). Приходы на территории Туркменской, Таджикской, Киргизской и Узбекской ССР составляли Ташкентскую епархию. Православный приход в Баку входил в состав Ставропольской епархии⁵. На территории Грузинской ССР православные верующие объединялись Грузинской православной церковью, на территории Армянской ССР – Армянской апостольской церковью.

Спустя 20 лет Русская православная церковь остается не только крупнейшей религиозной организацией в России, но и является крупнейшей в мире многонациональной⁶ Православной церковью. В настоящий момент в организационно-административную структуру Русской церкви входят различные «канонические подразделения»: «Самоуправляемые Церкви, экзархаты, епархии, Синодальные учреждения, благочиния, приходы, монастыри, братства, сестричества, духовные учебные заведения, миссии, представительства и подворья⁷. Внутри Российской Федерации Русская православная церковь как централизованная религиозная организация, пользуется правом юридического лица; как юридические лица регистрируются и канонические подразделения церкви. На апрель 2010 года в Русской православной церкви 159 епархий, ... 30 142 прихода, 28 434 священника, 3 625 диаконов. Действуют 788 монастырей, в том числе 386 мужских и 402 женских⁸. Большая часть епархий Русской православной церкви (89) расположена за пределами Российской Федерации. При этом более 650 приходов и 40 монастырей расположено в дальнем зарубежье (за пределами стран СНГ и Балтии)⁹.

Сравнение данных 1988 и 2009 года показывает, что количество приходов выросло более чем в 4 раза, количество монастырей – более чем в 30 раз. Однако, как отметил Патриарх Алексий II, «темпы количественных изменений опережают динамику изменений качественных», в связи с чем «несомненно, важнейшим ... делом становится духовное устройство церковной жизни, созидание человеческих душ и сердец¹⁰. Осуществляя свою миссию не только на территории России, но и за ее пределами, Русская церковь в своем Уставе так говорит о масштабах своей деятельности: «Юрисдикция Русской православной церкви простирается на лиц православного исповедания, проживающих на канонической территории Русской православной церкви: в России, Украине, Белоруссии, Молдавии, Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Латвии, Литве, Таджикистане, Туркмении, Узбекистане, Эстонии, а также на добровольно входящих в нее православных, проживающих в других странах». Таким образом, РПЦ считает своей канонической территорией всё пространство бывшего СССР, за исключением Армении, Грузии, Южной

Осетии и Абхазии. Структуру управления Русской церкви составляют «Поместный собор, Архиерейский собор, Священный синод во главе с Патриархом Московским и всея Руси»¹¹. В межсоборный период управление церковью осуществляет Священный синод во главе с Патриархом Московским и всея Руси¹².

Для исследователей современного состояния и деятельности Русской православной церкви наравне с вопросами внутренней церковной жизни интерес представляет и сфера внешней церковной деятельности, сфера общественного служения и вообще весь спектр проявлений церкви как мирополитического актора. Русская православная церковь трактует понятие «внешней» деятельности достаточно широко. Так, комментируя наименование Отдела внешних церковных связей, архиепископ Кирилл (впоследствии – митрополит, ныне – Патриарх Московский и всея Руси) отметил: «Когда мы называем ОВЦС иностранным отделом, то искажаем смысл. Что такое «внешнее» по отношению к Церкви? Это не то, что отделено от Церкви государственными границами, а то, что отделено, собственно церковными границами»¹³. Русская церковь воспринимает окружающее ее внецерковное пространство как внешнюю для себя сферу и объект своей внешней деятельности, предмет которой составляет взаимодействие с государственными, общественными и другими религиозными структурами. Таким образом, сферу, в которой Русская церковь проявляет себя как актор, можно соотнести со сферой ее внешней деятельности.

Усилия, предпринимаемые Русской православной церковью по налаживанию внешних связей и работе на постсоветском пространстве, находят поддержку у государственного руководства России: так, в 2003 году была создана специальная рабочая группа ОВЦС-МИД. Основные направления работы и регламент определяются специальным положением – «Порядок взаимодействия Русской православной церкви и Министерства иностранных дел Российской Федерации»¹⁴. Министр иностранных дел С.В. Лавров, отмечая значимость взаимодействия Русской церкви и российского внешнеполитического ведомства, подчеркнул, что «Церковь решает те же задачи, что и дипломатия, осуществляя миротворческую миссию на пространстве Содру-

жества независимых государств и в других регионах мира. Мы – союзники с Русской православной церковью в противодействии любым проявлениям расизма, ксенофобии, в противодействии попыткам расколоть мир по религиозному, этническому или цивилизационному признакам»¹⁵.

Такие политические события 1990-х годов, как крах Советского Союза, падение «железного занавеса», интенсификация миграционных потоков, информационная глобализация, не могли не отразиться на организационной структуре Русской церкви. В 1990 году руководство Московского патриархата сделало выбор в пользу стратегии по сохранению единой организационной структуры на постсоветском пространстве: «Границы Патриархата необязательно должны совпадать с государственными границами... Патриархат – это не политическое, не национальное и даже не географическое понятие. Патриархат есть церковно-каноническая реальность, образованная для поддержки единства и соборности входящих в него структур»¹⁶. В решениях Поместного собора Русской православной церкви, проходившего 6-12 июня 1990 года, отмечалось: «Наша многонациональная церковь благословляет национально-культурное возрождение входящих в нее народов, но отвергает шовинизм, сепаратизм и национальную рознь»¹⁷. За полгода до этого, в январе 1990 года Архиерейский собор Русской православной церкви определил статус экзархатов – наиболее крупных на тот момент надъпархиальных канонических структур.

Украинский экзархат получил второе наименование – Украинская православная церковь. В ответ на просьбу Синода Украинской церкви Архиерейский собор 25-27 октября 1990 года предоставил Украинской церкви «независимость и самостоятельность в ее управлении», оставив за Патриархом Московским право утверждать избрание председателя Украинской церкви и ее Устав¹⁸. Синод Украинской церкви получил право «избирать и поставлять правящих и викарных архиереев, учреждать и упразднять кафедры в пределах Украины»¹⁹. В настоящий момент Украинская православная церковь состоит из 44 епархий, 10 900 приходских общин²⁰. В Украинской православной церкви несет свое служение 8962 священнослу-

жителя, действуют 20 учебных заведений, 3850 воскресных школ, 175 монастырей²¹. Церковь на Украине «стремится максимально дистанцироваться от любых политических и идеологических платформ, ибо в украинском контексте они не объединяют, но разделяют людей»²². Существенной сложностью для Украинской церкви остается законодательная неурегулированность статуса религиозных объединений как юридических лиц на Украине, «что радикально расходится с общепринятой в Европе и мире правовой системой»²³.

Серьезной проблемой в деятельности Московского патриархата на Украине являются параллельные церковные структуры, претендующие на роль «национальных церквей». Это Киевский патриархат и Украинская автокефальная православная церковь – раскольнические группировки, развернувшие свою деятельность на волне антирусских политических настроений конца 1980-х – начала 1990-х годов и получившие поддержку государственного руководства Украины. Руководители этих не признанных в православном мире структур пытаются «легализоваться» посредством привлечения к урегулированию расколов Константинопольского патриарха, причем Украинская автокефальная православная церковь считает себя находящейся в его «духовной юрисдикции» через митрополита Украинской автокефальной православной церкви в США и диаспоре Константина (Багана)²⁴. Патриарх Алексей II неоднократно обращался к Константинопольскому патриарху Варфоломею по поводу поддержки митрополитом Константином украинских раскольников²⁵.

Серьезную поддержку Украинской православной церкви оказали визиты Патриархов Алексия II (в 2008 году)²⁶ и Кирилла (в 2009 и 2010 годах)²⁷ на Украину. В беседе с президентом России Д.А. Медведевым Патриарх Кирилл так охарактеризовал политические перспективы церковно-государственного взаимодействия на украинском направлении: «...мы должны, отталкиваясь от этой нашей общности, делать всё для того, чтобы, уважая суверенитет народов, принимая эту политическую реальность, которая сложилась, содействовать тому, чтобы люди всегда чувствовали себя близкими – россияне, украинцы чтобы чувствовали себя комфортно в этом общем духовном пространстве, принад-

лежа к разным государствам, являясь гражданами разных государств, но при всём этом – сынами, дочерьми Русской православной церкви»²⁸.

Более благоприятная церковная ситуация сложилась в Белоруссии. Образованный на территории Белорусской ССР в октябре 1989 года экзархат имеет свой Синод, но избрание епископов, учреждение и упразднение епархий остаются в компетенции Синода Русской церкви. Белорусский экзархат насчитывает 11 епархий, объединяющих 1451 приход, служение осуществляет 1491 священнослужитель²⁹. Сотрудничество Церкви и государства «отмечено взаимной открытостью и искренностью, единой заботой о благе народа Беларуси и о сохранении его братских отношений с народами, скрепленными с ним общими узами исторической судьбы, в первую очередь с народами России и Украины. Государственная власть проявляет должное внимание к нуждам верующих, уважает историческую роль православия в Беларуси, содействует воссозданию порушенных храмов и монастырей, культурной, просветительской и социальной миссии Церкви»³⁰. Широкую социальную деятельность в Белоруссии ведут 602 воскресные школы, 47 молодежных и 13 социальных центров³¹. Подготовка кадров для Белорусской церкви осуществляется Минскими духовными академией и семинарией, а также Институтом теологии Белорусского государственного университета.

В достаточно непростом положении находится Эстонская православная церковь Московского патриархата. В настоящее время в ее состав входит 32 прихода, где свое служение несут 47 священнослужителей. Действует 12 воскресных школ³². Значительная часть сложностей, которые она испытывает, во многом связаны со стремлением государственного руководства Эстонии максимально дистанцироваться от Москвы, в том числе и в церковном отношении. Кроме того, действия направленные на дискриминацию Эстонской церкви, поддерживаются Константинопольским патриархатом и обусловлены различиям во взглядах на положение церковной диаспоры. Термин «диаспора» в церковной научной литературе обозначает «совокупность православных общин в странах, находящихся за каноническими границами территорий исторических Поместных

православных церквей»³³. Русская православная церковь считает, что «Церковь, обратившаяся в христианство нехристианский народ или возвратившаяся в православие еретическую или схизматическую (раскольническую – П.К.) общину на территории, не входящей в состав ни одной Поместной церкви, становится для новооснованной церкви Церковью-Матерью...»³⁴. Константинопольский патриархат, начиная с 1920-х годов, реализует на практике собственные представления о главенстве над всей церковной диаспорой³⁵, пытаясь наполнить почетное первенство в семье Поместных церквей правами арбитра в решении межправославных вопросов, что не признается Русской церковью.

Нарушение этих принципов организации церковной жизни и реализация на практике монополистских претензий Константинопольского патриархата на всю церковную диаспору совпало по времени с событиями гражданской истории, повлекшими изменение границ советской России по сравнению с границами Российской империи и гонениями на РПЦ. В результате просьб руководства православных епархий на территории Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии, сделанных не без политического давления со стороны светских властей, Константинопольский патриархат принял их в свою юрисдикцию, не согласовав свои действия с Русской церковью³⁶. После Второй Мировой войны иерархи и священнослужители Эстонской и Латвийской церквей, обосновавшись в Стокгольме, продолжали существовать «в изгнании». Обострение национального вопроса в странах Балтии и ухудшение положения их русскоязычного населения привело к возрождению сепаратистских тенденций на отделение от Московского патриархата. В частности, возобновили деятельность существовавшие «в изгнании» Синоды Эстонской и Латвийской православных церквей, действовавших на территории этих стран до 1939 года и в годы немецкой оккупации.

В начале 1990-х годов часть священнослужителей Эстонской церкви «заявили, что Таллинская епархия – это марионеточная структура Русской Православной Церкви, которая прервала на территории Эстонии законную деятельность Эстонской Апостольско-Православной Церкви. Но деятельность последней продолжилась за рубежом, аналогом же «правительства в из-

гнании» был Зарубежный Синод ЭАПЦ в Стокгольме. Восстановление автономного статуса при этом связывалось с обязательным выходом из состава Московского патриархата. ...Эту малую отколовшуюся часть государственные чиновники признали в качестве законной правопреемницы всей довоенной Православной церкви в Эстонии со всеми юридическими и имущественными последствиями такого решения...»³⁷. В августе 1992 года Православной церкви в Эстонии решением Синода Московского патриархата была предоставлена «самостоятельность в делах церковно-административных, церковно-хозяйственных, церковно-просветительных и церковно-гражданских». В апреле 1993 года самоуправляемый статус Эстонской церкви был подтвержден Томосом об автономии, выданном Патриархом Московским и всея Руси³⁸. Однако данный шаг не привел к умиротворению обстановки.

Пик противостояния в Эстонии пришелся на 1996 год и привел к временному прекращению общения между Московским и Константинопольским патриархатами. Государственное руководство Эстонии открыто поддерживало структуры Константинопольского патриархата, в результате чего на протяжении девяти лет Эстонская православная церковь юрисдикции Московского патриархата не имела государственной регистрации, а также юридических прав на принадлежавшую ей собственность. Невзирая на достигнутые между Константинопольским и Московским патриархатом договоренности, эстонские церковные руководители Константинопольской юрисдикции всячески затягивали процессы урегулирования. Положительные изменения в разрешении ситуации были достигнуты в ходе визита Патриарха Алексия II в Эстонию в 2003 году, когда состоялись встречи с высшим руководством страны, а также в результате переговоров с президентом Эстонии А.Рюйтелем в Москве в 2005 году³⁹. Также эта тема неоднократно обсуждалась во время встреч Патриарха Алексия II с Чрезвычайными и Полномочными посланцами Эстонии в России⁴⁰.

Новый виток в эстонском конфликте пришелся на июнь 2008 года, когда руководство Эстонской церкви Константинопольского патриархата приняло решение об избрании двух кандидатов в епископы для служения на территории Эстонии⁴¹. Кроме того, Кон-

стантинопольский патриархат пытается «легализовать» автономный статус своей церковной структуры в Эстонии путем приглашения ее представителей к участию в межправославных и межхристианских богословских беседах. Так, 8 октября 2007 года делегация РПЦ была вынуждена покинуть заседание смешанной комиссии по православно-католическому диалогу в связи с несогласованным приглашением к участию в ее работе представителей так называемой «Эстонской Апостольской церкви». Как подчеркнул глава делегации, епископ Венский и Австрийский Илларион, «совместное участие делегатов Московского патриархата и так называемой «Эстонской апостольской церкви» в официальном заседании означало бы имплицитное признание Московским патриархатом каноничности этой церковной структуры»⁴². Таким образом, служение Русской православной церкви в Эстонии серьезно осложняется не только нарушением законных прав верующих, принадлежащих к Московскому патриархату, но последовательной политикой Константинопольского патриархата, направленной на усиление своего присутствия в стране⁴³.

Самоуправляемой в рамках Московского патриархата является Латвийская православная церковь, которой Синод Русской церкви после провозглашения независимости Латвии предоставил право самоуправления. Устав церкви был принят на Вселатвийском соборе в декабре 1992 года. Латвийская православная церковь насчитывает 115 приходов, служение несет 101 священнослужитель; действуют 62 воскресные школы и один молодежный центр⁴⁴.

Как отметил в своем докладе на Архиерейском соборе 2008 года заместитель председателя ОВЦС протоиерей Всеволод Чаплин, «Взаимоотношения Церкви и государства в Латвии можно охарактеризовать как стабильные и доброжелательные. ...В собственность Церкви возвращены не только храмы, но также земли и строения в городе и сельской местности. Государство делегировало Церкви право регистрации браков с выдачей государственных свидетельств. В Парламенте Латвии прошел два чтения особый закон о Латвийской православной церкви»⁴⁵. Необходимо отметить, что в Латвии находится единственная в Прибалтике православная духовная семинария.

Православная епархия в Литве объединяет 50 приходов, на которых свое служение несут 52 священнослужителя. Действуют 14 воскресных школ и 2 молодежных центра⁴⁶. Основой для развития гуманитарного сотрудничества служит правовая основа, согласно которой «Православная церковь пользуется полным равноправием с другими традиционными религиозными общинами. На 95% возвращены храмовые здания и в целом объекты церковной недвижимости. Духовенство освобождено от налогов, имеет государственную медицинскую страховку»⁴⁷.

Богослужения в православных храмах Балтии совершаются как на славянском, так и на национальных языках – эстонском, латышском, литовском. Не проводя разделения между своей паствой по национальному признаку, Русская православная церковь поддерживает идею интеграции русскоязычных меньшинств Прибалтики в культурную жизнь стран проживания. После вступления прибалтийских стран в Евросоюз Русская церковь получила возможность на практике реализовывать стратегии по «консолидации «русского мира», инкультурации православия в жизнь европейских стран, поддержке общественно-политического движения русских, взаимодействию с европейскими светскими институтами и религиозными организациями»⁴⁸.

Православная церковь в Молдавии обрела статус самоуправляемой в октябре 1992 года и в настоящее время насчитывает 6 епархий, расположенных на территории Молдовы и Приднестровья. В состав Молдавской церкви входит 1277 приходов, на которых свое служение несут 1446 священнослужителей. Действуют 365 воскресных школ, 6 молодежных центров⁴⁹.

2007 год ознаменовался ухудшением взаимоотношений Русской и Румынской православных церквей, связанным с каноническими притязаниями последней на территории Молдавии и часть территорий Украины и учреждением на них трех епархий в составе Бессарабской митрополии, незаконно действовавшей на территории Московского патриархата с 1992 года⁵⁰. В 2007 году состоялись переговоры делегаций Русской и Румынской церквей, не принесшие положительного результата⁵¹. Политическая составляющая межцерковного конфликта в Молдавии состоит в различной интерпрета-

ции событий истории XX века: румынская сторона воспринимает нахождение некогда входивших в их состав территорий нормой церковной жизни, а юрисдикционную принадлежность к Московскому патриархату называет «вынужденной», предлагая рассматривать события новейшей истории как «советскую оккупацию», забывая при этом о более глубоких исторических корнях русского церковного присутствия в данных регионах. Существующие прорумынские настроения среди части политической и культурной элиты Молдавии⁵² добавляют напряженность в складывающуюся ситуацию.

В особом положении находятся церковные структуры, расположенные в Центральной Азии, где большинство населения исповедует ислам.

Митрополичий округ на территории Казахстана был образован в 2003 году. В настоящее время в его состав входит 3 епархии с центрами в Астане, Уральске и Шымкенте. В состав трех епархий входит 246 приходов, несут служение 293 священнослужителя. Действуют 146 воскресных школ, духовное училище, 5 молодежных и 9 социальных центров⁵³. Доброжелательные отношения государственного руководства Казахстана и религиозных лидеров страны позволили Астане трижды (в 2003, 2006, 2009 годах) стать местом проведения Съезда лидеров мировых и традиционных религий⁵⁴.

Действующая на территории Таджикистана, Узбекистана и Киргизии Ташкентская и Среднеазиатская епархия объединяет 88 приходов, где свое служение несут 106 священнослужителей. Центром духовного образования епархии является Ташкентская духовная семинария, действуют 53 воскресные школы и один молодежный центр⁵⁵.

Приходы на территории Туркменистана в октябре 2007 года были выделены из состава Ташкентской епархии в особый церковный округ (благочиние) в ведении Патриарха Московского и всея Руси⁵⁶. В настоящее время в составе благочиния насчитывается 14 приходов⁵⁷, для управления которыми назначен епископ⁵⁸.

Доброе взаимоотношение между государственной властью стран Центральной Азии и представителями Русской церкви отмечалось в докладе протоиерея Всеволода Чаплина на Архиерейском соборе 2008 года: «Пользуясь твердым статусом признанного и

традиционного религиозного меньшинства, православные общины этих стран вовлечены в общенациональные процессы, в межрелигиозный диалог, пользующийся поддержкой государства, в обсуждение важнейших решений, затрагивающих интересы религиозных объединений. Власти идут навстречу пожеланиям об открытии новых храмов, нередко помогают в их строительстве, содействуют ремонту и реставрации действующих храмовых зданий»⁵⁹.

Наряду с положительными тенденциями существуют и негативные моменты. Так, элементы дискриминации русского населения⁶⁰ создают сложности для расширения социальной деятельности Церкви. В то же время, как отмечает исследователь Е.А.Малиновская, «при сокращении этнической базы православия (состоящей на 90% из русских) вследствие активной миграции, оно воспринимается местными властями как своеобразный реликт, поддержка которого (без особых затрат) сулит государствам региона большой пропагандистский эффект. Вместе с тем, православие остается главным союзником ислама в борьбе с новыми религиозными организациями деструктивного характера, дестабилизирующими обстановку в Центральной Азии»⁶¹.

Православные приходы на территории Азербайджана и республики Дагестан входят в состав Бакинской епархии, образованной в 1999 году. Первоначально в ее состав также были включены приходы на территории Чеченской республики, однако в 2003 году они были переданы в юрисдикцию епископа Ставропольского и Владикавказского. Бакинская епархия насчитывает 21 приход (непосредственно на территории Азербайджана 7 приходов), где несут свое служение 52 священнослужителя, работают 6 воскресных школ и один православный молодежный центр⁶². Патриарх Алексей II посещал Бакинскую епархию в 2001⁶³ и в 2005⁶⁴ годах, Патриарх Кирилл – в 2009 и 2010 годах⁶⁵. В ходе визитов состоялись встречи с высшим государственным руководством страны, председателем Духовного управления мусульман Кавказа шейхом-уль-ислам Аллахшукюром Паша-заде, а также с представителями русской общины.

Республику Армения Русская православная церковь считает канонической территорией Армянской апостольской церкви.

Действующие на территории Армении 5 православных общин входят в состав Екатеринодарской епархии РПЦ. Добрые отношения, сложившиеся с Армянской апостольской церковью, в настоящий момент укрепляются, расширяются контакты в гуманитарной сфере. Делегация Русской церкви во главе с Патриархом Алексием II участвовала в 2001 году в торжествах по случаю 1700-летия принятия Христианства Арменией⁶⁶. Предстоятель Армянской церкви Патриарх Гарегин II неоднократно посещал Москву, принимал участие в заседании Межрелигиозного миротворческого форума⁶⁷, Президиума Межрелигиозного совета Содружества независимых государств⁶⁸ и Всемирного саммита религиозных лидеров⁶⁹. Армянские богословы проходят стажировку в духовных школах Русской церкви.

Сотрудничество между духовными лидерами России, Армении, Грузии и Азербайджана проходит по линии Межрелигиозного совета СНГ⁷⁰, созданного в 2004 году в ходе работы II Межрелигиозного миротворческого форума⁷¹.

Среди негативных аспектов взаимоотношений РПЦ и мусульман в России следует отметить появляющиеся время от времени трактовки событий в Чечне и на Северном Кавказе как конфликт ислама и православия. Однако Русская церковь и представители мусульман Кавказа воспринимают происходящее иначе. Так, «в первые месяцы этого конфликта Верховный муфтий Чечни и Святейший Патриарх подписали совместную декларацию, в которой было сказано, что этот конфликт не имеет никакого отношения к православно-исламским отношениям. К сожалению, вскоре после этого муфтий был убит, поскольку эта его позиция не устраивала экстремистов»⁷². Значение миссии Русской церкви в локализации чеченского конфликта оценивается исследователем Ю.А.Рябых так: «РПЦ вместе с духовными лидерами Чечни ... предотвратила эскалацию конфликта по религиозному признаку, чего очень хотели чеченские боевики и русские экстремисты. Между тем ситуация вполне могла перерасти в межцивилизационное противостояние, в котором Чечню поддержали бы другие мусульманские страны. ... Неоднократные совместные заявления, встречи и конференции православного и исламского духовенства предотвратили эту опасность, продемонстри-

ровав политический характер конфликта»⁷³.

В грузино-югоосетинском конфликте 2008 года Русская православная церковь, с первых дней призвав к миру и возобновлению переговорного процесса⁷⁴, одновременно организовала масштабный сбор пожертвований для помощи пострадавшим: за первый месяц было собрано более 25 млн. рублей⁷⁵. Вместе с тем нерешенным остается вопрос о духовной опеке жителей Абхазии и Южной Осетии. Ввиду того, что Грузинская православная церковь не имеет возможности управлять православными общинами на территории этих государств, духовное попечение о них могла бы взять на себя Русская православная церковь⁷⁶, тем более что со стороны абхазского духовенства такие просьбы поступали неоднократно⁷⁷. Однако Грузинская церковь, не отказываясь от диалога с Московским патриархатом по этому вопросу⁷⁸, настаивает на сохранении Абхазии и Южной Осетии в составе Грузинского патриархата⁷⁹. Церковную ситуацию в Южной Осетии осложняет наличие на ее территории раскольнических общин, относящих себя к Синоду старостильной греческой церкви⁸⁰, руководители которых поддерживают пророссийский курс правительства Южной Осетии. Для окормления русскоязычной паствы в Грузии Священный синод Русской православной церкви направил в Тбилиси священнослужителя⁸¹. Грузинская православная церковь в свою очередь направила своего представителя в Москву⁸².

Говоря о Русской православной церкви на постсоветском пространстве, можно подвести итоги развития и деятельности ее структур. Главным является тот факт, что Русская православная церковь смогла сохранить свое единство. Не поддавшись на политические спекуляции руководства отдельных стран и не идя на поводу у сторонников автокефального устройства отдельных ее частей, Русская православная церковь остается крупнейшей единой многонациональной Поместной православной церковью в мире и крупнейшей религиозной организацией, действующей на постсоветском пространстве. При этом руководство Русской церкви балансирует между соблюдением принципа самоуправления отдельных частей Русской церкви и сохранением целостности единого церковного организма. Поэтому в различных ежегодных

обращениях и посланиях, с которыми выступает Патриарх Московский и всея Руси, акцентируется внимание на том, что Московский патриархат отстаивает интересы всех православных, входящих в его юрисдикцию, вне зависимости от места их проживания⁸³. Церковное руководство подчеркивает, что «Русская православная церковь зачастую остается единственной нитью, связующей воедино цивилизацию Руси»⁸⁴.

В тоже время, законодательное положение отдельных самоуправляемых церквей, входящих в Московский патриархат, в частности, Эстонской церкви, остается неурегулированным. Православные верующие оказываются в дискриминационном положении.

Существуют сложности в ряде регионов Украины, Туркмении. В большинстве случаев основную роль играет политический фактор, препятствующий нормальному развитию церковной жизни. Среди новых вызовов, на которые Церковь стремится своевременно реагировать, – вхождение стран, составляющих каноническую территорию Русской церкви, в состав европейских интеграционных объединений. Церковь обретает новые возможности для инкультурации православия, открываются перспективы гуманитарного сотрудничества с соседями по единой Европе. Со временем можно будет оценивать эффективность выбранных церковных стратегий по этим направлениям.

Примечания

1. Сафронов С.Г. Русская православная церковь в конце XX века: территориальный аспект [Электронный ресурс]. – М.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. – 100 с. – Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/workpapers/54859.htm>
2. Владимир (Сабодан), митр. Жизнь и деятельность Русской православной церкви (1971-1988): доклад митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира, патриаршего Экзарха Западной Европы, управляющего делами Московской патриархии / митр. Владимир (Сабодан) // Поместный собор Русской православной церкви 6–9 июня 1988 года: материалы. – М., 1990. – С. 230.
3. Согласно Устава Русской православной церкви – «епархии – местные церкви, возглавляемые архиереем и объединяющие епархиальные учреждения, благочиния, приходы, монастыри, подворья, Духовные образовательные учреждения, братства, сестричества, миссии» / Устав Русской православной церкви. Гл. 10. П. 1.
4. Владимир (Сабодан), митр. Жизнь и деятельность ... С. 231.
5. Епархии Русской православной церкви в 1987 году // Православная энциклопедия. – М., 2000. Т. Русская православная церковь. Вкладка XII–XIII.
6. Устав Русской православной церкви. Гл. 1. П. 1.
7. Там же. П. 2.
8. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html>
9. См.: Алексей, Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви 24–29 июня 2008 года. Таблица № 1. М., 2009. С. 69–77. Русская православная церковь за границей. Список приходов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://directory.stinnoocentpress.com/rindex.cgi>
10. Алексей (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 24–28 июня 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=41501>
11. Устав Русской православной церкви. Гл. 1. П. 6 – 7.
12. Там же. Гл. 4. П. 4.
13. Интервью архиепископа Кирилла «Журналу Московской патриархии» // Журнал Московской патриархии. – 1990. – №6. – С. 14.
14. Состоялось второе заседание рабочей группы по взаимодействию Русской православной церкви и Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/archive/nr311076.htm>
15. Лавров С.В. Вступительное слово на пресс-конференции по итогам X заседания рабочей группы по взаимодействию МИД России и Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/54aaa77dc7f1a46ac325739a0035de17?OpenDocument
16. Московский церковный вестник. – 1991. – №19. Цит по: Рябых Ю. Внешнеполитические ориентиры Русской православной церкви (1991 – 2000) [Электронный ресурс] // Pro et Contra.

- 2001. – № 4. – Т. 6. Внешняя политика России: 1991 – 2000. Ч. 2. – Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/56811.htm>
17. Определения Поместного собора Русской православной церкви // Журнал Московской патриархии. – 1990. – № 9. – С. 6 – 9.
18. Документы Архиерейского собора Русской православной церкви 25–27 октября 1990 года. Определение об Украинской православной церкви // Журнал Московской патриархии. – 1991. – №2. – С. 2.
19. Там же.
20. Епархии Украинской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orthodox.org.ua/uk/2007/08/23/1626.html>
21. Владимир (Сабодан), митр. Украинское Православие на рубеже эпох. Вызовы современности, тенденции развития: доклад митрополита Киевского и всея Украины на Архиерейском соборе Русской православной церкви 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=41534>
22. Там же.
23. Чаплин В., прот. Состояние и актуальные вопросы церковно-государственных и церковно-общественных отношений: экспертный доклад заместителя председателя Отдела внешних церковных связей, представленный на заседании рабочей группы «Церковь, государство и общество» Архиерейского собора Русской православной церкви 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=41589>
24. Украинские автокефалы просят константинопольского иерарха возглавить их Собор и рукоположить епископов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=17025>
25. Переписка по поводу неканонических действий митрополита Иринупольского Константина (Багана) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?mid=209>
26. Завершился визит Святейшего патриарха Алексия на Украину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=42017>
27. По прилете в Москву Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл рассказал о своих впечатлениях от визита на Украину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=45532>
28. Начало встречи с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2009/08/220605.shtml>
29. Алексей, Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви 24–29 июня 2008 года. Таблица № 1. – М., 2009. – С. 69–77.
30. Чаплин В., прот. Состояние и актуальные вопросы ...
31. Алексий (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви...
32. Там же.
33. Цыпин В. прот. Диаспора / прот. В. Цыпин // Православная энциклопедия. – Т. 14. – М., 2006. – С. 626.
34. Там же.
35. Скурат К.Е. Константинопольский патриархат и проблема диаспоры // Журнал Московской патриархии. – 1989. – №9. – С. 60 – 63, №10. – С. 45 – 49. Подробно позиция Константинопольского патриархата изложена в работе –Maximos of Sardis, metropolitain. The Ecumenical Patriarchate in the Orthodox Church. Thessaloniki. 1972.
36. Цыпин В. прот. Диаспора... С. 627. Финляндская и Эстонская церкви получили автономный статус от Константинопольского патриархата в 1923 году. Польской церкви Константинопольский патриархат даровал автокефалию в 1924 году. В 1936 году Латвийская церковь перешла под юрисдикцию Константинопольского патриархата.
37. Прекуп И., прот. Эстонская Православная Церковь: гостя в собственном доме? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/293492.html>
38. Томос Алексия второго, Божией милостию Патриарха Московского и всея Руси, епископу Таллинскому и всея Эстонии Корнилию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orthodox.ee/index.php?d=odoc/tomos>
39. Святейший патриарх Болгарский Максим, Президент Эстонии Арнольд Рюйтель и православная община Королевства Иордании названы в качестве лауреатов премии «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов» за 2004 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=27119>
40. Святейший патриарх Алексий принял Посла Эстонии в России К. Яани [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=26217>; Предстоятель Русской Православной Церкви принял Посла Эстонии в России К. Яани [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=27910>; Святейший патриарх Алексий принял Посла Эстонии в России Марину Кальюранд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=28704>

41. Заявление Службы коммуникации Отдела внешних церковных связей Московского патриархата по поводу избрания новых епископов для церковной юрисдикции Константинопольского патриархата в Эстонии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=41374>
42. Делегация Московского патриархата покинула заседание Смешанной комиссии по православно-католическому диалогу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=38154>
43. Сообщение Службы коммуникации Отдела внешних церковных связей Московского патриархата о позиции Московского патриархата по эстонскому церковному вопросу в связи с переговорами между делегациями Московского и Константинопольского патриархатов, прошедшими в Цюрихе 26 марта 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=40929>
44. Алексей (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви...
45. Чаплин В., прот. Состояние и актуальные вопросы...
46. Алексей (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви...
47. Чаплин В., прот. Состояние и актуальные вопросы...
48. Русская православная церковь в Европейском Союзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.strasbourg-reor.org/modules.php?name=News&new_topic=25&le=article&sid=547
49. Алексей (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви...
50. Заявление Священного синода Русской православной церкви в связи с решением Румынской православной церкви об учреждении ее епархий на территории Молдавии и Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=38496>
51. Журнал №123 заседания Священного синода от 27 декабря 2007 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?mid=306>
52. Языкова А. Румыния – Молдова: вместе или порознь / А. Языкова // Международные процессы. – 2007. – Т. 5. – №1(13). – С. 121.
53. Алексей (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви...
54. В Астане завершил работу II Съезд лидеров мировых и традиционных религий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=32941>; Предстоятель Русской Православной Церкви направил приветствие участникам III Съезда лидеров мировых и традиционных религий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=45289>
55. Алексей (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском Соборе Русской православной церкви...
56. «Образовать из приходов Ташкентской и Среднеазиатской епархии Русской православной церкви, расположенных на территории Республики Туркменистан, благочиние в ведении Святейшего патриарха Московского и всея Руси, исключив их из состава Ташкентской и Среднеазиатской епархий» / Журналы заседания Священного синода от 12 октября 2007 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=38191>
57. Алексей (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви...
58. Журналы заседания Священного синода от 6 октября 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=42861>; Журналы заседания Священного синода Русской православной церкви от 31 марта 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?mid=581>
59. Чаплин В., прот. Состояние и актуальные вопросы...
60. Боронин О. Растерянные приоритеты. Что делать России в Центральной Азии? / О. Боронин // Международные процессы. – 2003. – Т. 1. – №2(2). – С. 128. Быков А. Зачем Казахстан России? / А. Быков // Международные процессы. – 2005. – Т. 5. – №5(9). – С. 138.
61. Малиновская Е.А. Православие в Центральной Азии: истоки и современность / Е.А. Малиновская // Полис. – 2008. – №2. – С. 45.
62. Алексей (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви. Москва, 24–28 июня 2008 года. Статистические сведения о епархиях Русской православной церкви. Таблица №1. – М., 2008.
63. Визит Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Азербайджанскую Республику (25–28 мая 2001 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/archive/nr105281.htm>
64. Начался визит Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Азербайджан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=27613>
65. Предстоятель Русской Церкви совершил в кафедральном соборе столицы Азербайджана молебен небесному покровителю города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/ru/2009/11/06/news7993>
66. Состоялся визит Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Армению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/archive/nr109242.htm>

67. В Москве начал свою работу II Межрелигиозный миротворческий форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=27220>
68. Состоялось заседание Президиума Межрелигиозного совета Содружества независимых государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=32100>
69. В Москве открывается Всемирный саммит религиозных лидеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=32101>
70. Структура Межрелигиозного совета СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=27216>
71. В Москве начал свою работу II Межрелигиозный миротворческий форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=27220>
72. Митрополит Кирилл ответил на вопросы газеты «Известия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=26752>
73. Рябых Ю. Внешнеполитические ориентиры Русской православной церкви (1991 – 2000) [Электронный ресурс] // Pro et Contra. – 2001. – № 4. – Т. 6. Внешняя политика России: 1991 – 2000. Ч. 2. – Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/56811.htm>
74. Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи с ситуацией в Южной Осетии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/gry/?act=documents&div=815>
75. Паства Московского патриархата из разных стран мира собрала за месяц более 25 млн рублей в помощь Южной Осетии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/gry/?act=news&div=26594>
76. В Русской церкви свидетельствуют о плачевном состоянии православия в Абхазии и Южной Осетии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/gry/?act=news&div=27044>
77. В Сухумо-Абхазской епархии выступают за вхождение в состав Русской церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/gry/?act=news&div=26360>
78. Церкви России и Грузии продолжают диалог о духовной опеке жителей Южной Осетии и Абхазии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/gry/?act=news&div=27224>
79. Там же.
80. Епископ Аланский выступает за суверенитет Южной Осетии и ее интеграцию с Россией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/gry/?act=news&div=7743>
81. В Тбилиси прибыл клирик Русской Православной Церкви, направленный для пастырского окормления русскоязычных верующих в Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/ru/2010/01/09/news11277/>
82. В Россию прибыл клирик Грузинской Православной Церкви, направленный для пастырского окормления грузинских православных верующих в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/ru/2010/01/12/news11441/>
83. Алексей (Ридигер), патр. Доклад на Архиерейском соборе Русской православной церкви 24–28 июня 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=41501>
84. Митрополит Кирилл: Только человек, не знающий России, может утверждать, что Православие в ней устарело, исчерпало себя. Председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата ответил на вопросы журнала «Внутри Ватикана» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=30963>.

Н.А. Мозгунов
(г. Москва)

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Mozgunov N.A. (Moscow)

RURAL TOURISM IN REGIONAL DEVELOPMENT (ORYOL OBLAST' STUDY)

Аннотация. В статье рассматриваются факторы развития сельского туризма и проведена оценка его перспективности в регионах Центрального экономического района.

Abstract. The article studies rural tourism development background and estimates its prospects in Central Economic Region

Ключевые слова: Орловская область, сельский туризм, ПАТТЕРН.

Key words: Oryol oblast', rural tourism, PATTERN.

Экономические процессы, проходящие в России в 1990-х – начале 2000-х годов, привели к маргинализации значительной части сельского населения, росту безработицы, снижению уровня жизни [4].

В мировой практике в сельской местности, наряду с развитием сельскохозяйственной деятельности, источником дополнительных доходов становятся сферы неаграрной (альтернативной) занятости населения, в частности сельский туризм. В странах Западной Европы сельский туризм характеризуется устойчивым развитием с начала 60-х годов XX века. В настоящее время это явление повсеместное, хотя региональные модели функционирования данного вида дестинаций существенно различаются. Неуклонно растет интерес к данной сфере деятельности и в России, что доказывается анализом спроса российских потребителей (рис. 1).

По сравнению с мартом 2008 года в том же месяце 2010 г. количество запросов увеличилось более чем на 50% (с 1144 до 2630). Причем большая часть этих запросов (около 42%) приходится на Московский регион, что позволяет выдвинуть гипотезу о том, что формирование основного туристического спроса для данного вида туризма происходит на территории с высоким уровнем урбанизации. Растет также спрос также на регионы, в которых происходит активное продвижение данного продукта. Это – Республика Алтай и Белгородская область (более 60% запросов с указанием региона).

Ярко выраженная сезонность в поисковых запросах связана с природно-климатическими условиями, и их рост совпа-

дает с периодом наибольшей аттрактивности сельских ландшафтов и временем кратковременных отпусков: май-июнь и декабрь-январь. Наименьшее число запросов приходится на период с июля по сентябрь, что связано с традиционно сложившейся спецификой туристских предпочтений, – проведением этого времени года в районах развития пляжного туризма.

В условиях обозначившегося роста интереса к сфере сельского туризма следует отработать методику оценки туристско-рекреационного потенциала территории. Существенным недостатком уже представленных в России региональных программ развития туризма в сельской местности является оценка крайне ограниченного набора факторов, в основном природного и культурно-исторического компонента, без учета уровня и проблем социально-экономического развития территории, ее экономико-географического положения по отношению к потенциальному «спросу», что может привести к заведомо неверным выводам.

При учете всей совокупности факторов развития территории в целом, или для целей развития сельского туризма, в частности, возникает традиционная проблема получения интегральной оценки на основе большого числа разномерных («несводимых») показателей. В современной науке эту проблему часто решают методом приведения разнородных показателей к условным сопоставимым единицам измерения.

Следующий шаг – это обращение к непараметрическим методам, которые обладают рядом преимуществ – более широкое поле

Рис. 1. Динамика поисковых запросов по ключевым словам в поисковой системе «Yandex» в период с 03.2008 по 03.2010

Выполнено автором, источник: «wordstat.yandex»

приложения, меньшая чувствительность к искажениям статистических данных, к влиянию грубых ошибок, попавших в статистический материал. Одна из основных сфер приложения непараметрических методов заключается в обеспечении синтеза значений частных показателей в интегральные, что необходимо для получения непротиворечивых обобщающих оценок свойств объектов.

Среди непараметрических методов наиболее прост метод суммы мест. Наряду с преимуществом метода суммы мест, заключающимся в простоте техники вычислений, этот метод многомерной непараметрической оценки содержит и существенный недостаток, так как порядок мест по частным индикаторам не учитывает дистанции между их значениями. С одной стороны, регионы, имеющие значительный отрыв от других регионов по отдельным показателям, по методу суммы мест не получают ощутимых преимуществ перед другими регионами в оценке приоритетности. При близких значениях индикаторов установление порядка мест регионов, напротив, приобретает условный характер. Все это способно привести к определенным смещениям при определении рейтинга районов.

Этот недостаток устраняется при использовании метода «ПАТТЕРН» (Planning Assistance Through Technical Relevance Number), разработанного в США в конце

1960-х годов. Сущность этого метода многомерной непараметрической оценки заключается в нахождении простой средней арифметической из оценок значений индикаторов регионов в процентах к наилучшим значениям. Результаты вычислений имеют реальный экономический смысл, заключающийся в том, что они выражают уровень обобщающей оценки явления в процентах к наилучшим значениям, интегрированным в средней величине из частных оценок [5]. Адекватность оценок рейтинга регионов по методу «ПАТТЕРН» может быть улучшена путем применения весовых коэффициентов.

Алгоритм рейтинговой оценки регионов может быть представлен в виде следующих файлов:

- региональная информация представляется в виде матрицы исходных данных;
- по каждому из показателей устанавливаются наилучшие значения, приписываемые условному эталонному региону;
- исходная матрица переводится в матрицу нормированных значений показателей;
- для каждого региона на основе частных показателей устанавливается численное значение обобщающего показателя, характеризующего изучаемое явление;

Рис. 2. Факторы формирования сельского туризма

Выполнено автором.

- значения обобщающей оценки упорядочиваются по тому или иному критерию.

Полученная оценка позволяет выявить предпочтительность того или другого региона по совокупности факторов для конкретной цели развития.

Развитие сельского туризма напрямую зависит от степени благоприятности климата, особенно в летнее время года, наличия озер, эстетичности ландшафта в целом. Но не менее важными, а иногда определяющими факторами являются социально-экономические параметры. К ним следует отнести экономико-географическое положение (ЭГП) региона, уровень экономического развития в целом и сельского хозяйства и сферы услуг, в частности, инвестиционный климат, готовность населения к занятию бизнесом и другие факторы, формирующие туристское предложение, с одной стороны, и определяющие степень рисков, – с другой (рис. 2).

Сельский туризм является незатратной сферой деятельности, что потенциально обуславливает широкие возможности его развития во многих регионах.

Привлечение к этому виду деятельности лиц трудоспособного возраста может смягчить ситуацию на рынке труда в условиях возросшей безработицы в сельской местности [3]. Кроме того, он позволяет повысить реальные доходы лиц пенсионного возраста, которые уже не могут работать в сфере материального производства, требующей большего напряжения и физического здоровья.

Спрос в сфере сельского туризма рождается, прежде всего, в зонах высокой урбанизации, районах, характеризующихся большой численностью городского населения. При этом объем спроса напрямую зависит от уровня доходов работников и повышается в связи с ростом числа лиц, имеющих средние и невысокие заработки. Существенно влияет на спрос численность пенсионеров и детей, которым во время отдыха не рекомендуется резкая смена климата.

По механизму реализации спроса и предложения в условиях компактной и развитой в транспортном отношении территории, наиболее привлекательным в России для созда-

Таблица 1

*Оценка природно-климатических условий регионов ЦЭР
(по методу ПАТТЕРН, первый вариант)*

№	Регионы ЦЭР	Параметры							Ранжированный показатель		
		температура							Регионы	Итого	
		Июль, С°	Класса	Январь, С°	Класса	Итого	Лесистость	Класса			Итого
1.	Московская	17,7	0,97	-11,4	0,82	0,89	41	0,55	0,72	Костромская	0,89
2.	Ярославская	16,9	0,92	-11,7	0,79	0,85	45,4	0,61	0,74	Тверская	0,82
3.	Костромская	16,2	0,89	-13,8	0,67	0,77	74	1	0,89	Владимирская	0,75
4.	Тверская	17,2	0,94	-10,3	0,90	0,92	53,8	0,73	0,82	Калужская	0,75
5.	Смоленская	17,5	0,96	-10,1	0,92	0,93	40,8	0,55	0,74	Смоленская	0,74
6.	Брянская	18,3	1	-9,3	1,00	1	32,9	0,44	0,72	Ярославская	0,74
7.	Орловская	18	0,98	-10,6	0,88	0,93	7,8	0,11	0,52	Московская	0,72
8.	Калужская	17,4	0,95	-11,3	0,82	0,88	44,8	0,61	0,75	Ивановская	0,72
10.	Тульская	17,4	0,95	-11,7	0,79	0,87	13,8	0,19	0,53	Брянская	0,72
11.	Рязанская	17,3	0,95	-12,8	0,73	0,83	25,3	0,34	0,59	Рязанская	0,59
12.	Владимирская	16,8	0,92	-13	0,72	0,81	51	0,69	0,75	Тульская	0,53
13.	Ивановская	16,9	0,92	-13,3	0,70	0,81	46,9	0,63	0,72	Орловская	0,52

Расчитано автором

Таблица 2

*Оценка природно-климатических условий регионов ЦЭР
(по методу ПАТТЕРН, второй вариант)*

№	Регионы ЦЭР	Параметры					Ранжированный показатель	
		температура					Регионы	Итого
		Июль, С°	Класса	Январь, С°	Класса	Итого		
1.	Московская	17,7	0,97	-11,4	0,82	0,89	Брянская	1
2.	Ярославская	16,9	0,92	-11,7	0,79	0,85	Орловская	0,93
3.	Костромская	16,2	0,89	-13,8	0,67	0,77	Смоленская	0,93
4.	Тверская	17,2	0,94	-10,3	0,90	0,92	Тверская	0,92
5.	Смоленская	17,5	0,96	-10,1	0,92	0,93	Московская	0,89
6.	Брянская	18,3	1	-9,3	1,00	1	Калужская	0,88
7.	Орловская	18	0,98	-10,6	0,88	0,93	Тульская	0,87
8.	Калужская	17,4	0,95	-11,3	0,82	0,88	Ярославская	0,85
10.	Тульская	17,4	0,95	-11,7	0,79	0,87	Рязанская	0,83
11.	Рязанская	17,3	0,95	-12,8	0,73	0,83	Владимирская	0,81
12.	Владимирская	16,8	0,92	-13	0,72	0,81	Ивановская	0,81
13.	Ивановская	16,9	0,92	-13,3	0,70	0,81	Костромская	0,77

Расчитано автором

ния сельского туризма является Централь-
ный экономический район. Здесь проживает
почти 30 млн. человек, из них более 25 мил-

лионов являются жителями городов, в т. ч.
более 15 млн. человек проживает в городах с
численностью населения более 200 тыс. чело-

Таблица 3

Ранг регионов ЦЭР по параметрам доступности и густоты автодорожной сети
(по методу ПАТТЕРН)

№	Регионы ЦЭР	Параметры					Ранжированный показатель	
		Расст. обл. центра от Мск., км	Коэфф. (К) благопр. полож.	Густота автодорог общ. польз., км/1000 км ²	К густоты авто-дорог	К итого	Регионы ЦЭР	Итого ζ
1.	Московская	50	1	525	1	1	Московская	1
2.	Ярославская	282	0,64	173	0,33	0,49	Калужская	0,68
3.	Костромская	372	0,50	92	0,18	0,34	Тверская	0,58
4.	Тверская	167	0,82	183	0,35	0,58	Тульская	0,58
5.	Смоленская	419	0,43	180	0,34	0,39	Владимирская	0,58
6.	Брянская	379	0,49	188	0,36	0,43	Рязанская	0,56
7.	Орловская	382	0,49	212	0,40	0,45	Ивановская	0,50
8.	Калужская	188	0,79	299	0,57	0,68	Ярославская	0,49
10.	Тульская	193	0,78	202	0,38	0,58	Орловская	0,45
11.	Рязанская	196	0,78	178	0,34	0,56	Брянская	0,43
12.	Владимирская	190	0,78	195	0,37	0,58	Смоленская	0,39
13.	Ивановская	318	0,58	217	0,41	0,50	Костромская	0,34

Рассчитано автором

век, что потенциально определяет высокий спрос на данный вид отдыха. Наиболее благоприятными в климатическом отношении являются Брянская и Орловская области, на территории которых сочетание тепла и влаги летом представляет собой некий оптимум. Кроме того, фактором, повышающим рекреационное значение территории, принято считать лесистость.

Оценка природно-климатических условий регионов ЦЭР, рассчитанная по методу ПАТТЕРН, позволяет ранжировать их в следующем порядке (табл. 1). Впереди других оказываются Костромская, Тверская и Владимирская области.

Рекреационное значение территории, обладающей невысокой лесистостью, может компенсироваться поразительной для туристов эстетичностью местных ландшафтов, которые тем больше восхищают приезжих, чем сильнее отличаются от мест их проживания. Учитывая запросы такого потребителя, следует пересмотреть данную выше оценку природной привлекательности регионов без фактора лесистости территории (табл. 2).

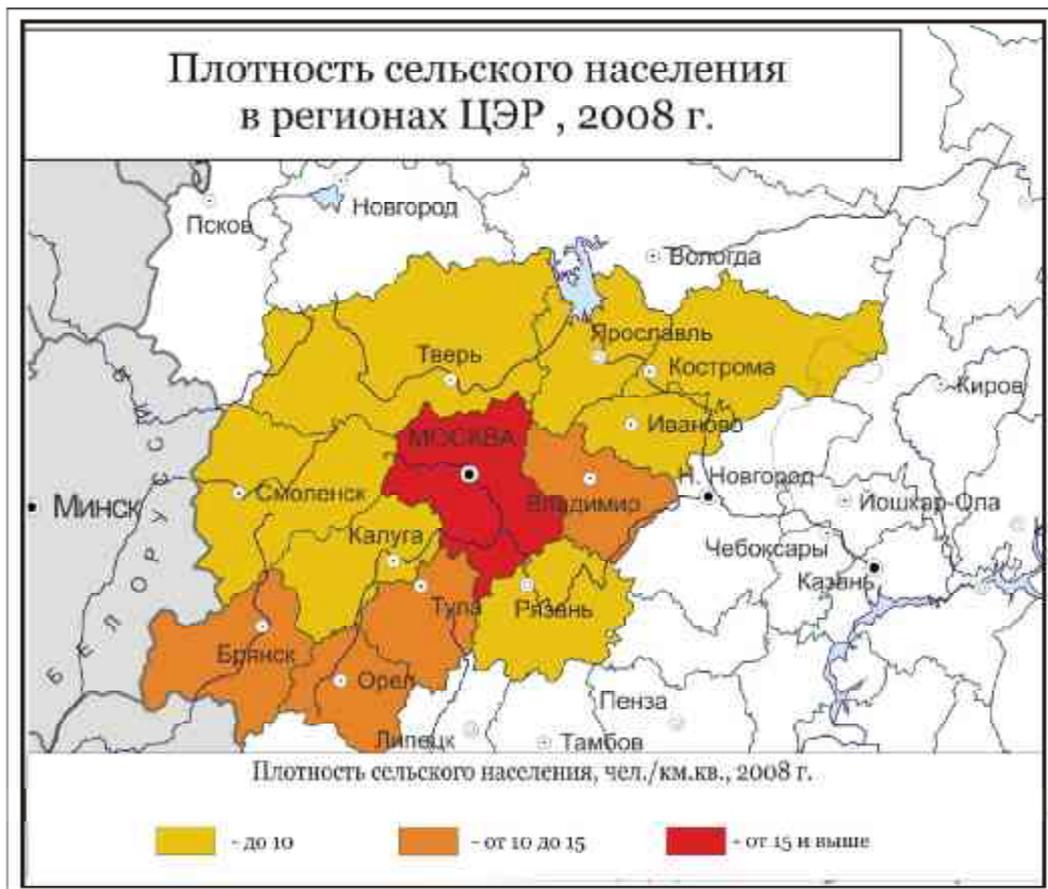
Следует оговорить исключение из оценки Москвы, выступающей на стороне спроса,

а не предложения. Московская область, которая на первый взгляд заведомо находится вне конкуренции в ряду регионов ЦЭР по совокупности всех факторов развития, существенно уступает им по экологическому фактору, что связано с высокой степенью антропогенной нагрузки со стороны промышленности, транспорта и сельского хозяйства. В связи с последствиями Чернобыля не рассматривается для целей массового отдыха Брянская область, которая по оценке экологической напряженности ее территории занимает худшее место в ЦЭР [3, с. 13].

В таблице 2 ранжированный ряд регионов сильно меняется, и на первое место выходят Орловская, Смоленская и Тверская области.

В выборе предпочтений, как уже указывалось выше, определяющими могут стать социально-экономические параметры, формирующие туристское предложение, с одной стороны, и определяющие степень рисков, – с другой.

Территория ЦЭР характеризуется относительно высокой транспортной доступностью (2–5 часов поездки по железной дороге от столицы до областного центра) и густой автомобильной сетью (табл. 3).

Рис. 3. Плотность сельского населения в регионах ЦЭР, чел./км², 2008 г.

Выполнено автором. Источник: Регионы России, 2009 г.

Рис. 4. ВРП на душу населения, тыс.руб/чел., 2008 г.

Источник: Регионы России, 2009 г.

Выполнено автором.

По российским меркам здесь высокая плотность сельского населения – от 3,6 чел/км² до 26,5 чел/км². В Орловской области (рис. 3) этот показатель равен 12 чел/км², но здесь (при

самой высокой в районе доле сельского населения) наиболее выражено снижение числа сельских жителей. По величине ВРП на душу населения (96,82 тыс. руб. в 2007 г.) область

Рис. 5. Уровень доходов населения по отношению к прожиточному минимуму региона, %
Выполнено автором. Источник: Регионы России, 2008 г.

Рис. 6

Выполнено автором. Источник: Регионы России, 2009 г.

входит в число субъектов ЦЭР с показателем ниже среднего, уступая только Брянской и Ивановской областям (рис. 4).

По уровню доходов населения регионы ЦЭР заметно дифференцированы. Сопоставление уровня доходов населения и прожиточного минимума (рис. 5) показывает, что Орловская область относится к числу достаточно благополучных регионов. Заметно уступая другим по уровню доходов, она «подтягивается» в лучшую сторону из-за более низкой стоимости жизни. Выражен тренд к увеличению соотношения данных показателей (с 200% в 2000 году до 227% в 2008).

Уровень бедности в области за 2000–2008 гг. сократился с 41 до 16,3%, и в настоящее время она занимает по этому показателю среднее положение.

Потенциальная емкость сельской местности для целей развития сельского туризма прямо пропорционально обеспеченности жилой площадью жителей села. По данному показателю абсолютным лидером является Московская область (41,9 м²/чел.).

Среди остальных регионов ЦЭР обеспеченность находится примерно на одном уровне – в пределах 29–34 м²/чел. Исключением являются характеризующиеся наиболее низкими показателями (рис. 6) Орловская и Костромская области (21,4–22,9 м²/чел., соответственно).

Ранг регионов ЦЭР по совокупности параметров уровня жизни отражен в таблице 4. Лидерами являются Московская, Тверская, Калужская и Ярославская области. Орловская область попадает в число наиболее проблемных регионов.

Ранг регионов ЦЭР по параметрам уровня жизни (по методу ПАТТЕРН)

Таблица 4

№	Регионы ЦЭР	Параметры					Регион	К Итого
		Уровень доходов	К	Обеспечение жильем	К	К итого		
1.	Московская	324	1	41,90	1	1	Московская	1
2.	Ярославская	245	0,76	29,36	0,70	0,73	Тверская	0,75
3.	Костромская	212	0,65	22,94	0,55	0,60	Калужская	0,75
4.	Тверская	222	0,68	34,11	0,81	0,75	Ярославская	0,73
5.	Смоленская	227	0,70	29,02	0,69	0,70	Рязанская	0,72
6.	Брянская	223	0,69	26,95	0,64	0,67	Тульская	0,70
7.	Орловская	226	0,70	24,07	0,57	0,64	Смоленская	0,70
8.	Калужская	258	0,80	29,32	0,70	0,75	Брянская	0,67
10.	Тульская	230	0,71	28,98	0,69	0,70	Владимирская	0,66
11.	Рязанская	220	0,68	31,66	0,76	0,72	Орловская	0,64
12.	Владимирская	188	0,58	31,28	0,75	0,66	Костромская	0,60
13.	Ивановская	154	0,47	29,12	0,70	0,58	Ивановская	0,58

Рассчитано автором

Рис. 7

Выполнено автором. Источник: Регионы России, 2009 г.

Вторым важным элементом на рынке предложения является наличие свободных трудовых ресурсов, причем не только населения трудоспособного возраста, но и лиц старше трудоспособного возраста.

Возможность увеличить занятость населения за счет привлечения лиц старших возрастов является уникальной чертой сельского туризма как сферы экономики, но это не только не исключает, но и предполагает занятость лиц трудоспособного возраста. Численность населения старше трудоспособно-

го возраста показана на диаграмме рис.7 и в таблице 5.

Старшее поколение также является носителем и хранителем традиций и укладов, характерных для сельской местности. Эта возрастная группа практически немобильна, однако может обеспечить базовые услуги гостеприимства (размещение, питание и досуг отдыхающих).

Показатели безработицы в Орловской области минимизируются значительной самозанятостью в ЛПХ, а также снижением

Ранг регионов ЦЭР по потенциалу трудоспособного
для целей сельского туризма населения (по методу ПАТТЕРН)

№	Регионы ЦЭР	Параметры					Регион	К Итого
		Доля лиц старше 65	К	Доля безработных	К	К итого		
1.	Московская	23,3	0,86	1,55	0,41	0,635319907	Смоленская	0,94
2.	Ярославская	24,7	0,91	3,28	0,86	0,89	Ярославская	0,89
3.	Костромская	23,1	0,86	2,75	0,72	0,79	Брянская	0,86
4.	Тверская	25,4	0,94	2,63	0,69	0,82	Орловская	0,85
5.	Смоленская	23,7	0,88	3,80	1	0,94	Владимирская	0,85
6.	Брянская	23,4	0,87	3,23	0,85	0,86	Рязанская	0,84
7.	Орловская	24,2	0,90	3,06	0,81	0,85	Ивановская	0,82
8.	Калужская	24,2	0,90	2,59	0,68	0,79	Тверская	0,82
10.	Тульская	27,0	1	1,80	0,47	0,74	Калужская	0,79
11.	Рязанская	26,4	0,98	2,68	0,70	0,84	Костромская	0,79
12.	Владимирская	24,5	0,91	2,99	0,79	0,85	Тульская	0,74
13.	Ивановская	25,0	0,93	2,70	0,71	0,82	Московская	0,64

предложения рабочей силы из-за сильного постарения и депопуляции населения. Численность занятых в сельском хозяйстве росла до 2000 г. и только в текущем десятилетии начала незначительно сокращаться. Доля занятых в агросекторе области вдвое превышает среднюю по стране. Причины сохранения высокой аграрной занятости связаны с притоком мигрантов в село, низкой мобильностью сельского населения, отсутствием альтернативных мест приложения труда. Плата за такую «стабильность» – низкие доходы населения. Решению этой проблемы будет способствовать успешное развитие туристической деятельности на селе.

Важной частью обслуживания туристов, отдыхающих в сельской местности, является удовлетворение их спроса на сельскохозяйственную продукцию. Потребность в экологически чистых, свежих продуктах питания – один из главных факторов, привлекающих рекреантов в сельскую местность. Корреляция между объемами сельскохозяйственной продукции, производимой ЛПХ и производством продукции в сельском хозяйстве в целом, для Орловской области самая высокая в ЦЭР (рис. 8).

В интегральной оценке (табл. 6) обеспеченность продукцией сельского хозяйства оценивается по трем показателям – произ-

водству мяса, молока и меда на душу населения. Разумеется, что этим не исчерпываются требования рынка сельского туризма, но из предоставляемых статистикой данных они являются наиболее репрезентативными. По этим показателям Орловская область является не только абсолютным лидером в ЦЭР, но и занимает одно из ведущих мест в России.

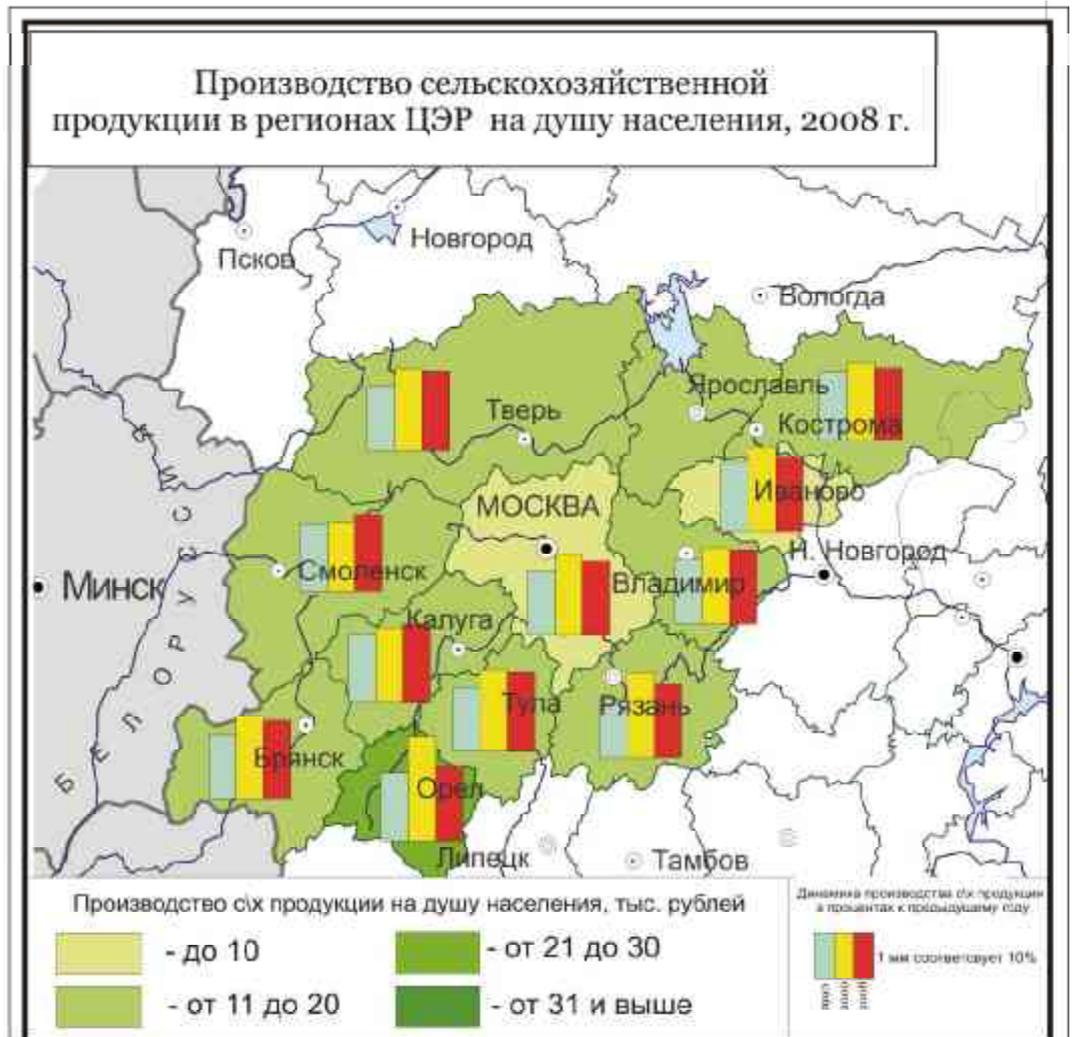
Неслучайно, что между Москвой и Орловской областью формируется агроконвейер, позволяющий обеспечивать жителей столицы свежей сельскохозяйственной продукцией. Такое положение в системе продовольственного рынка Москвы резко повышает потенциал развития сельского туризма в Орловской области по сравнению с другими территориями района (рис. 9–10 и табл. 6).

Значительная часть продукции растениеводства не выходит за пределы Орловской области и используется в качестве продовольственной базы для самого региона и производства кормов в животноводстве.

Важно также отметить положительную динамику за последние годы роста доходов населения, занятого в сельском хозяйстве.

Положительное влияние на формирование сельского туризма в регионе имеет развитость сферы розничной торговли.

Дифференциация регионов ЦЭР по данному показателю отражена на рис. 11.

Рис. 8 Производство сельскохозяйственной продукции, тыс. руб./чел.

Выполнено автором. Источник: Регионы России, 2009 г.

Рис. 9. Производство молока и мяса, кг/чел.

Рис. 10. Производство меда, кг/чел.

Таблица 6

Ранг регионов ЦЭР по параметрам агропотенциала (по методу ПАТТЕРН)

№	Регионы ЦЭР	Параметры							Рейтинги	Итого ζ
		температура								
		Пр-во молока на душу	К	Пр-во мяса на душу	К	Пр-во меда на душу	К	Итого К		
1.	Московская	132,52	0,39	19,5	0,27	0,01	0,01	0,22	Орловская	0,83
2.	Ярославская	223,82	0,65	32,2	0,45	0,11	0,09	0,40	Смоленская	0,74
3.	Костромская	226,88	0,66	34,1	0,47	1,19	1	0,71	Костромская	0,71
4.	Тверская	253,69	0,74	38,2	0,53	0,20	0,17	0,48	Брянская	0,62
5.	Смоленская	343,12	1	33,7	0,47	0,88	0,74	0,74	Рязанская	0,61
6.	Брянская	275,54	0,80	65,5	0,91	0,17	0,14	0,62	Калужская	0,56
7.	Орловская	308,45	0,90	72,1	1	0,70	0,59	0,83	Тверская	0,48
8.	Калужская	225,62	0,66	51,4	0,71	0,38	0,32	0,56	Тульская	0,46
10.	Тульская	156,08	0,45	49,6	0,69	0,29	0,24	0,46	Ярославская	0,40
11.	Рязанская	319,43	0,93	41,2	0,57	0,40	0,34	0,61	Владимирская	0,37
12.	Владимирская	220,21	0,64	29,7	0,41	0,06	0,05	0,37	Ивановская	0,30
13.	Ивановская	167,85	0,49	21,7	0,30	0,13	0,11	0,30	Московская	0,22

Рассчитано автором

Одним из важных условий успешного функционирования сельского туризма является наличие программ по поддержке малого бизнеса, включающих льготное кредитование. Необходимо развивать ипотечное кредитование, так как данный вид туризма предусматривает размещение отдыхающих в частном жилом секторе, подготовка которого может потребовать либо ремонта уже имеющегося жилья, либо расширения жилой

площади для приема гостей. Ипотечное кредитование в регионах ЦЭР, как и в стране в целом, находится на низком уровне по причине высоких кредитных ставок, административных барьеров и несовершенства законодательной базы.

В конечном итоге, все показатели, влияющие на развитие сельского туризма, были интегрированы с помощью метода ПАТТЕРН в итоговую оценку, представленную в таблице 7.

Рис. 11. Оборот розничной торговли на душу населения, 2008 г.

Выполнено автором. Источник: Регионы России, 2009 г.

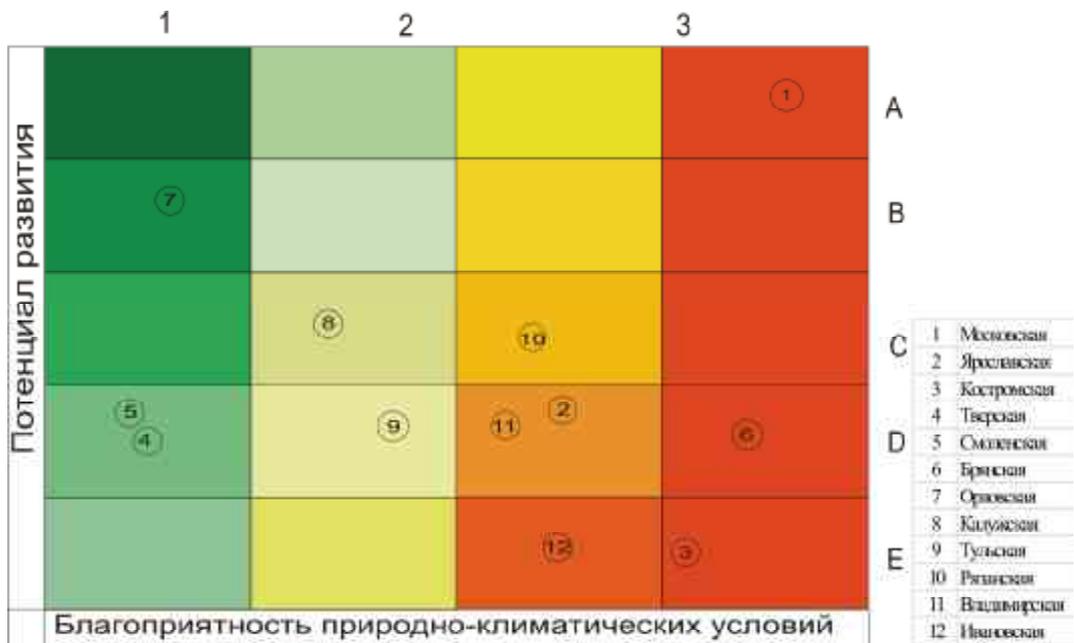

Рис. 12. Типология регионов по потенциалу развития сельского туризма

Выполнено автором.

Проведенное исследование и расчеты позволяют дать типологию регионов ЦЭР по степени их привлекательности для целей развития сельского туризма (рис. 12). Положение региона на оси X тем ближе к оси Y, чем выше оценка их природно-климатического потенциала с учетом экологической ситуации. Положение региона на оси Y соответ-

ствует степени благоприятности социально-экономических факторов развития сельского туризма (табл. 8).

По результатам оценки выделяется Орловская область, которая обладает высоким потенциалом развития сельского туризма и самыми благоприятными природно-климато-экологическими условиями. Достаточно вы-

Таблица 7

Интегральная оценка регионов ЦЭР по социально-экономическим параметрам развития сельского туризма (по методу ПАТТЕРН)

№	Регионы ЦЭР	Оценки (ось Y)					Ранжированный показатель		
		с/х	Труд и занятость населения	Уровень жизни	ЭГП	Плотность сельского населения	Итого	Ранжон	Итого К
1.	Московская	0,22	0,64	1	1	1	0,77	Московская	0,77
2.	Ярославская	0,40	0,89	0,73	0,49	0,23	0,55	Орловская	0,64
3.	Костромская	0,71	0,79	0,60	0,34	0,12	0,51	Калужская	0,61
4.	Тверская	0,48	0,82	0,75	0,58	0,14	0,55	Рязанская	0,61
5.	Смоленская	0,74	0,94	0,70	0,39	0,19	0,59	Брянская	0,60
6.	Брянская	0,62	0,86	0,67	0,43	0,41	0,60	Смоленская	0,59
7.	Орловская	0,83	0,85	0,64	0,45	0,41	0,64	Тульская	0,58
8.	Калужская	0,56	0,79	0,75	0,68	0,28	0,61	Владимирская	0,57
10.	Тульская	0,46	0,74	0,70	0,58	0,42	0,58	Тверская	0,55
11.	Рязанская	0,61	0,84	0,72	0,56	0,30	0,61	Ярославская	0,55
12.	Владимирская	0,37	0,85	0,66	0,58	0,39	0,57	Костромская	0,51
13.	Ивановская	0,30	0,82	0,58	0,50	0,34	0,51	Ивановская	0,51

Выполнено автором.

Таблица 8

Степень благоприятности развития сельского туризма на территории регионов ЦЭР

	Оценка потенциала	Оценка ПКФ	Регионы
1.	Самый высокий потенциал	1б) Менее благоприятные ПКУ	Московская
2.	Высокий потенциал	2а) Наиболее благоприятные ПКУ	Орловская
3.	Достаточно высокий потенциал	Высокая оценка ПКУ	Калужская
		Благоприятные ПКУ	Рязанская
4.	Средний потенциал	Наиболее благоприятные ПКУ	Смоленская, Тверская
		Высокая оценка ПКУ	Тульская
		Благоприятные ПКУ	Владимирская, Ярославская
		Менее благоприятные ПКУ	Брянская
5.	Потенциал ниже среднего	Благоприятные ПКУ	Ивановская
		Менее благоприятные ПКУ	Костромская

сокую оценку получили Калужская и Рязанская области. Все другие регионы (рис. 12) относятся к территориям, характеризующимся средним (или ниже) потенциалом при различной степени благоприятности природно-климатических условий.

Проведенное исследование показало относительное равенство возможностей большей части территории ЦЭР для целей создания сферы сельского туризма, что необходимо учитывать в стратегии их дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Здоров А.Б. Агротуристский комплекс: прогнозирование регионального развития: монография. – М.: РИБ «Турист», 2007.
2. Лашенко, Н.С. К вопросу о разработке концепции развития сельского туризма (агротуризма) в российской провинции: экономический, социальный и социокультурный аспекты // Время культурологии. – М., 2008.
3. Проблемы оценки экологической напряженности Европейской территории России: факторы, районирование, последствия / Под ред. Р.С. Чалова.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
4. Серова Е.В., Звягинцев Д.В. Альтернативная занятость в сельской местности // Мир России. – 2006. – № 4. – С. 3–34.
5. Симонов К.В. Политический анализ: Учебное пособие. – М.: Логос, 2002.

В.И. Часовский
(г. Смоленск)

**РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ:
ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ
ХОЗЯЙСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ***

Chasovskiy V.I. (Smolensk)

**RUSSIA-BELARUS BORDER: CHANGES IN THE SPATIAL AND INDUSTRIAL
STRUCTURE OF THE ECONOMY IN THE POST SOVIET PERIOD**

Аннотация. В статье даётся анализ территориально-отраслевых изменений в экономике Смоленской области в постсоветский период развития, связанных с общероссийскими и региональными факторами и её приграничным положением с Республикой Беларусь.

Abstract. The article provides the analysis of spatial and industrial changes in the economy of the Smolensk Region in the Post Soviet period, in connection with the all-Russian and regional factors as well as its border status.

Ключевые слова: Смоленская область, промышленность, территориально-отраслевые изменения, государственная граница.

Key words: Smolensk region, industry, spatial and industrial changes, state boundary.

**Новые границы России в контексте
регионального сотрудничества**

Экономическое и политическое разобщение постсоветских республик после распада СССР сопровождалось их социально-экономической поляризацией. Формирование новых межгосударственных границ неизбежно повлекло за собой геополитические и геоэкономические последствия, масштабы которых зависели от хода и перспектив регионального сотрудничества на двух- и многосторонней основе.

Известно, что государственные границы влияют на развитие приграничных районов и страны в целом через свои фундаментальные свойства – барьерность и контактность [1, с. 131].

Контактность обусловлена: 1) степенью либерализации внешних гуманитарных и экономических связей, регулируемых нормативно-правовыми актами; 2) развитостью институтов, обеспечивающих двусторонние и многосторонние международные связи (торговые палаты и представительства, двусторонние комиссии, советы, фонды, ассоциации и другие структуры, содействующие развитию международных экономических и гуманитарных контактов, консалтинговые и посреднические компании и др.); 3) уровнем развития пограничной инфраструктуры (транспортной, таможенной, туристической и др.); 4) уровнем экономического развития приграничных территорий и характером их участия в международных связях.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Трансформация территориальной структуры расселения и хозяйства приграничных регионов России и Беларуси в постсоветский период» № 10-02-00-668а/Б2.

Общей закономерностью является прямая зависимость контактности границ от: 1) уровня развития стран-партнеров; 2) близости уровней развития; 3) схожести экономических и правовых систем; 4) взаимной близости и соседства. При отсутствии этих условий возрастает значение барьерных функций государственных границ.

Проблематика порубежья содержит в себе многие противоречия, характерные для современности. По сути дела, эти противоречия можно свести к проблеме соотношения однородности и различий (континуальности и дискретности) в динамике мирового пространства, в которой ключевую роль играют государственные границы и приграничные территории.

На однородном пространстве (в правовом, таможенном, денежном смысле) в рамках интеграционных группировок приграничное сотрудничество осуществляется на основе принципа национального режима, то есть нерезиденты действуют по тем же правилам и нормам, что и резиденты. Приграничное сотрудничество в условиях «исчезающих» государственных границ практически тождественно с межрегиональным сотрудничеством в форме ассоциаций регионов или еврорегионов. Формирование внутри группировки единого экономического и правового пространства в сочетании с принципом субсидиарности [1, с. 161] позволяет резко расширить сферу приграничного сотрудничества. Движущей силой этого сотрудничества выступает экономико-правовая однородность при культурной, ресурсной, позиционной и структурной взаимодополняемости и его главной задачей является повышение конкурентоспособности приграничных регионов в глобальной экономике.

При соприкосновении разнородных пространств (с точки зрения уровня развития, различий во внутренних ценах, открытости экономики, компетенций региональных властей, проводимой экономической политики и т.д.) сфера приграничного сотрудничества значительно уже. Оно базируется на межгосударственных соглашениях, на соглашениях приграничных регионов соседних стран на предоставлении отдельными государствами особых режимов для некоторых своих приграничных территорий. Главной движущей силой приграничного сотрудничества в этом случае выступают различия соприкасаю-

щихся стран, а в его структуре важную роль занимает компонента их безопасности. По мере сближения показателей экономического и социального развития, национальных правовых систем изменяется и структура приграничного сотрудничества.

Особое значение проблематика границ и приграничных районов имеет для России, имеющей громадный пограничный периметр. Протяженность ее государственных границ равняется 60 933 км. Значительную часть периметра составляют границы с бывшими союзными республиками. Становление новых межгосударственных границ неразрывно было связано с формированием идентичности постсоветских государств. Причём в формировании их функций преобладала барьерность.

Преодоление пограничных барьеров для хозяйствующих субъектов связано с существенным повышением трансакционных издержек (таможенный, пограничный и санитарный контроль, расходы на конвертацию валют, страхование и т. д.). Рассечение некогда единого в экономическом отношении пространства обернулось ограничением доступа на рынки соседей в виде ввозных пошлин, товарных квот и прямых запретов на поставки тех или иных изделий. Затруднение доступа на рынки друг друга стало одной из причин длительного экономического спада, который неравномерно затронул бывшие союзные республики.

Характерной особенностью экономики постсоветских стран стало её двух-трёхкратное сжатие. Параллельно со спадом производства в новых государствах происходило упрощение его структуры, то есть резко сократилась доля обрабатывающей промышленности и в её составе высокотехнологичных производств. Одновременно увеличилась доля добывающих отраслей и отраслей, производящих продукцию низкой степени обработки. Упрощение экономических структур в условиях внешнего открытия новых государств сделало их более уязвимыми от колебаний мировой конъюнктуры и политики ТНК, контролирующей значительную часть сырьевого потенциала бывших союзных республик. На мировых рынках топливных и сырьевых товаров страны СНГ сегодня выступают как конкуренты.

Республиканская специализация в рамках союзного хозяйственного комплекса в усло-

виях суверенного существования превратилась в своего рода монополию отдельных стран на производство отдельных видов товаров и услуг. Наиболее рельефно это проявляется в унаследованной географии энергетики и транспортных коммуникаций и особенно магистральных трубопроводов. Страны, располагающие транзитными коммуникациями, диктуют странам, зависящим от этих коммуникаций, уровень транзитных ставок, вводят разные ограничения на транзит отдельных товаров, осуществляют несанкционированный отбор транзитных товаров и т.д. Последние вынуждены это делать из-за своего неблагоприятного финансово-бюджетного положения, рассматривая монопольное положение на коммуникациях, как способ получить своего рода рентный доход.

Новые границы затрудняют легальные экономические и социальные связи. В то же время из-за технической необорудованности они вполне прозрачны для теневых операций и нелегальных миграций. Высокая стоимость оборудования пограничной защиты стала одним из факторов, подталкивающих страны к поиску путей к интеграции. С 1992 года по настоящее время РФ предпринимала ряд мер для интеграции со странами СНГ. Например, в декабре 1999 года был подписан Договор о создании Союзного государства Россия – Белоруссия.

В 2001 году принимается новая пограничная доктрина России. В «Концепции охраны Государственной границы РФ, внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа, исключительной экономической зоны РФ и их природных ресурсов на 2001–2005 годы» подписанной Президентом РФ 1 сентября 2001 года предполагалось сделать границы России всё более открытыми для международного сотрудничества и общения граждан. Приоритетным направлением в Концепции определено сотрудничество со странами СНГ с целью создания единого пограничного пространства.

В результате геополитических преобразований 27 субъектов РФ оказались соседями вновь образовавшихся государств, в том числе 3 субъекта РФ граничат с Белоруссией – Псковская, Смоленская и Брянская области.

Появление новых границ создало дополнительный шок для приграничных территорий. Он был обусловлен существенным усложнением сложившихся в советский период связей. Большая их часть в новых усло-

виях стала экономически неэффективной. Кроме того, новые границы в своём большинстве проходят по экономически слабым территориям, расположенным между столичными и региональными центрами новых государств. Ситуацию усугубляет то, что большая часть приграничных территорий соседних с Россией стран является менее развитыми частями этих стран. Довольно сильно новые приграничные регионы различаются по уровню жизни населения, но при этом преобладающая их часть является весьма привлекательными для внешних мигрантов, в том числе из стран СНГ.

Администрации новых приграничных субъектов РФ стараются по возможности активнее использовать особенности изменившегося геополитического и геоэкономического положения своих территорий. Их политика сводится к стремлению оказывать непосредственное влияние на контактность и барьерность границ. Такая политика проявлялась и проявляется в виде попыток: 1) сократить экономический и социальный ущерб от новых границ; 2) превратить приграничное положение в фактор устойчивого развития региональной экономики; 3) расширить свои полномочия в вопросах приграничного сотрудничества; 4) усилить свое влияние на политику федерального центра в отношении постсоветских государств.

Общая характеристика российско-белорусской границы

Наиболее интенсивная интеграция в различных областях экономики и общественной жизни идёт в настоящее время между Россией и Беларусью. Это объясняется высоким уровнем разделения труда и взаимозависимости. Бедная природными ресурсами Беларусь получает почти все сырьё и топливо (газ, нефть, прокат черных металлов, апатитовый концентрат, синтетический каучук, соду и т.д.), а также технологическую оснастку, многие виды машин и оборудования из России. В свою очередь Беларусь, обладающая развитыми машиностроительным и химическим комплексами, поставляет в Россию пропашные тракторы и карьерные самосвалы (соответственно 80 и 40% всего российского парка), холодильники, часы, ткани, мотоциклы, некоторую уникальную продукцию для российского ВПК, в значительных объёмах – продовольствие.

Свыше 83% экспорта и 91% импорта Беларуси со странами СНГ приходится на Россию [5]. Почти 70% всей российской внешней торговли проходит через территорию Беларуси. Значительное большинство белорусского народа и высшее политическое руководство страны выступает за тесный союз с Россией, вплоть до создания конфедеративного государства.

После распада СССР Смоленская область оказалась пограничной с Беларусью. Государственная граница Российской Федерации с Республикой Беларусь имеет длину 959 км, что составляет 9,2% от общей протяженности её границ со странами СНГ. Между тем для Беларуси доля её границы с Россией составляет 51,8% от общих её границ с СНГ [6].

Политические отношения между Россией и Беларуссией в рамках Союзного государства практически сводят к минимуму барьерную функцию государственной границы, пролегающей между странами, так как снимаются ограничения на перемещение через границу потоков людей, товаров, капиталов и информации. Хотя нужно отметить, что российско-белорусская граница изначально обладала слабой барьерной функцией, так как Беларусь – одна из первых стран СНГ, подписавшая соглашение о принципах таможенной политики (13 марта 1992 года). Таким образом, сегодня российско-белорусская граница обладает преимущественно контактной функцией, а прилегающие к ней 7 административных районов Смоленской области (25% территории) являются трансграничными. Российско-белорусская государственная граница проходит преимущественно по равнинной территории и не имеет ярко выраженных природных рубежей, что способствует развитию коммуникационных связей между приграничными территориями.

Наиболее важными трансграничными коммуникационными путями, пересекающими российско-белорусскую границу, являются: 7 железных дорог (на Минск, Витебск, Могилев, Оршу, Гомель, Полоцк), 11 магистральных автодорог с твёрдым покрытием (плотность автодорог с твёрдым покрытием в российско-белорусском приграничье составляет более 150 км на 1000 кв. км), 3 нефтепровода, один газопровод, идущий в зарубежную Европу. Данные коммуникации служат развитию интенсивных экономических связей между сопредельными странами и их приграничными регионами.

С 1991 года на Смоленщине сформировалась таможенная инфраструктура, образованы Вяземский, Сафоновский, Краснинский, Рославльский, Руднянский, Шумячский, Велижский, Хиславичский, Узгорский, Ярцевский таможенные посты. Определены места расположения пограничных постов на автодорогах Москва-Минск, Москва-Варшава, Орел-Рига, Витебск-Смоленск. К концу 1992 года на границе Смоленской области и Беларуси открылись посты с автомобильными пунктами пропуска [4].

Наиболее заметные изменения, связанные с новым геополитическим положением происходили во внешних элементах территориальной структуры хозяйства (ТСХ) приграничных районов Смоленской области. Особую роль сыграло создание погранично-таможенной и прилегающей к границе транспортной инфраструктуры. Создание этой инфраструктуры отразилось на природно-хозяйственном ландшафте приграничных районов области. На территориях, где прошла государственная граница, были снесены хозяйственные и жилые объекты, изъята из хозяйственного пользования земля, вырубались леса, распахивались контрольно-следовые полосы, создавались погранично-таможенные объекты (международные автомобильные контрольно-пропускные пункты, таможенные пункты). В пригранично-транспортной инфраструктуре шла реконструкция и переоборудование пограничных железнодорожных станций и переездов. На железнодорожных магистралях, проходящих через новое пограничье, создавались контейнерные терминалы, выполнявшие погрузочно-разгрузочные операции и таможенное оформление грузов. В составе каждого контейнерного терминала проектировался ряд устройств: АЗС и станции техобслуживания, автостоянки и боксы, предприятия услуг связи, контейнер-склады и ангары, трансформаторные подстанции, насосные станции перекачки канализации и грязных вод, АТС, водозаборные станции, станции биологической очистки и очистные сооружения, тепло-трассы и котельные, мотели, ЛЭП и организация компьютерной связи со станцией и таможней и другие линейно-узловые инфраструктурные объекты. Новое пограничье обживали и военные гарнизоны (город Ельня Смоленской области).

После подписания Россией в 1995 году Соглашения о Таможенном союзе с Беларусью таможенный контроль на российско-белорусской границе был отменён. Товары, ввозимые на территорию России через внешнюю границу Таможенного союза, стали оформляться белорусской таможней. Для осуществления контроля над доставкой товаров, перемещаемых между российскими и белорусскими таможенными органами приказом ГТК РФ № 492 от 9 августа 1995 года в составе Смоленской таможни создан таможенный пост «Западный». Этот пост уникален, так как не имеет в таможенной системе РФ аналогов по возложенным задачам, охвату территории (территория России и Белоруссии) и по объёмам контролируемых перевозок (около 1/4 объёма ввозимых в Россию грузов) [4].

Отметим также, что с ликвидацией таможенных постов на российско-белорусской границе взаимоотношения российских таможенников и их белорусских коллег не ослабли, а ещё более укрепляются. Например, проводятся совместные рабочие встречи и совещания по организации взаимодействия Смоленской таможни с сотрудниками Витебской, Могилевской, Оршанской, Кричевской и Гомельской таможен. Проходят консультации по вопросам правоохранительной работы. Налажен регулярный обмен информацией о доставке товара под таможенным контролем. Таким образом, начался новый этап в интеграции двух государств – членов Союза России и Белоруссии.

Изменения в территориально-отраслевой структуре хозяйства и расселения населения в постсоветский период развития

В постсоветский период развития в экономике России и её регионов, в том числе и приграничных, происходили глубокие структурные изменения. Системные трансформации были призваны создать конкурентную среду и ориентировать национальных производителей на рыночный спрос, структурные изменения охватывали все элементы национального хозяйства. Они выражались в ускоренном развитии видов деятельности, составляющих инфраструктуру рынка. Одновременно шло сокращение или прекращение видов экономической деятельности производителей товаров, не имеющих платежеспособного спроса. Экономика России обрела черты многоуклад-

ности, процессы имели ярко выраженную региональную проекцию. Рыночные трансформации имели такие региональные проявления, как изменение соотношения между динамичными и депрессивными районами, усиление межрайонных различий по основным социально-экономическим индикаторам – динамике производства и инвестиций, занятости, доходам, проявлении новых черт в межрегиональной и международной специализации регионов и субъектов РФ. Происходила настройка территориальной структуры экономики по рыночным требованиям, которая выражалась в трёх основных направлениях, существенных для современной территориально-отраслевой организации хозяйства Смоленской области.

Первое направление было связано с изменением соотношения между отдельными отраслями и территориальными элементами в силу разной степени редукации их деятельности и изменения ценовых пропорций. По сути, шла речь об отраслевых изменениях, поскольку существенно не менялась территориальная структура производственной базы.

Второе направление было связано с некапиталоёмкими изменениями в структуре производства и технологии отдельных предприятий, которые позволяли расширить платежеспособный спрос на выпускаемую продукцию и, прежде всего, на товары народного потребления.

Третье направление структурных изменений было связано с развитием отдельных элементов третичного сектора рыночной экономики.

На постсоветском этапе развития, в условиях общегосударственного социально-экономического кризиса, Смоленщина переживала период структурной трансформации областного хозяйственного комплекса. Эта трансформация была обусловлена влиянием ряда общегосударственных экономических факторов: децентрализацией управления, возникновением частной собственности на средства производства, приватизацией, деконцентрацией производства, разрывом хозяйственных связей, отсутствием стабильных источников сырья, сложностью сбытом продукции, конверсией ВПК, конкуренцией зарубежных фирм и т.д.

Действие указанных факторов определили основные тенденции изменения в промышленности и инфраструктурных отраслях

в постсоветский период развития экономики региона: 1) на фоне общеэкономического спада в России наблюдался и спад областного промышленного производства почти во всех отраслях и административных районах; 2) усилился структурный кризис (особенно в машиностроении и лёгкой (текстильной) промышленности); 3) ухудшилась структура промышленного производства в целом за счёт гипертрофированного роста топливно-энергетических и сырьевых отраслей, а так же нижних переделов отраслей перерабатывающей промышленности; 4) уровень использования производственного потенциала в отдельных отраслях (прежде всего в машиностроении, лёгкой и топливной промышленности) достиг критических отметок, за которыми могла последовать остановка предприятия; 5) в одних случаях росла концентрация производства на крупных предприятиях, и наблюдался рост уровня монополизации, в других – наоборот, шло дробление предприятий – гигантов на ряд небольших (создание холдингов); 6) усиливался инвестиционный кризис; 7) обострялся платёжный кризис, сопровождаемый дефицитом квотных средств предприятий и остановкой предприятий; 8) обострялась конкуренция на внутреннем рынке высококачественной импортной продукции, в результате чего значительная часть национальных производителей теряла позиции на этом рынке; 9) сохранялся достаточно высокий уровень инфляции.

Следует отметить, что одновременно с трансформацией отраслевой структуры экономики области начались изменения и в её территориальной составляющей. Между тем, учитывая тот факт, что территориальная структура хозяйства обладает определенной консервативностью и инерционностью, надо отметить, что постсоветский период исследования слишком мал для осуществления коренных трансформаций экономики. Поэтому мы ограничимся наиболее заметными проявлениями региональных изменений ТСХ.

В первую очередь незначительными изменениями затронуты традиционные элементы ТСХ промышленности: промышленные районы, узлы, центры и пункты. Эти изменения связаны с рядом общероссийских и местных факторов и имеют следующие региональные проявления.

Во-первых, в результате экономического кризиса, сокращения производства, реструк-

туризации экономики и острой конкурентной борьбы за выживание в новых экономических условиях хозяйствования территория промышленных узлов «сжималась» до границ главного города – центра узла. Это происходило за счёт временного «замораживания» или полного прекращения деятельности убыточных предприятий, филиалов-дублеров и смежников основных производств, размещенных в других промышленных центрах (пунктах) и территориально наиболее удалённых от головного предприятия. То же самое происходило и при перепрофилировании отдельных неконкурентоспособных производств, размещенных в узловых структурных элементах промышленности. Это приводило к изменению внутренней структуры, экономических связей и специализации промышленных узлов и центров и влекло за собой изменение географического рисунка территориально-отраслевых образований и специализированных воспроизводственных контуров производства (в первую очередь это коснулось ряда машиностроительных отраслей: станкостроения, электротехнической и проч.).

Во-вторых, в результате острой конкуренции однотипных производств (за сырьевые и энергетические рынки, инвестиции и рынки сбыта продукции), размещенных в одном регионе, наиболее конкурентоспособные, предприимчивые и «удачливые» производства наращивали свои мощности и образовывали «точки экономического роста», притягивая к себе население и вспомогательные производства. Среди такого типа предприятий выделялись преимущественно экспортоориентированные, имеющие иностранные инвестиции, или строительные.

В-третьих, в рамках реализации важнейших общероссийских (региональных) комплексных программ (конверсии ВПК, «чернобыльской») выделялись государственные инвестиции для строительства в регионе новых предприятий и создания соответствующей инфраструктуры (преимущественно на относительно слабо хозяйственно освоенной территории). В свою очередь новое хозяйственное строительство притягивало к себе население из других населённых пунктов и приводило к возникновению новых поселений.

Таким образом, влияние нового геополитического положения на базовые отрасли хо-

зяйства в основном было ограничено структурными изменениями и мало затрагивало его территориальную структуру.

Особенности современной российско-белорусской экономической интеграции

Особенность современного периода интеграции между Россией и Беларусью состоит в том, что эти государства создают совместные межгосударственные и надгосударственные органы, решения которых обязательны для исполнения правительствами обеих стран. Новым в «союзном» договоре является то, что в нём предусматривается осуществление единой структурной политики в промышленности, которая позволит обеспечить взаимное дополнение экономик двух сопредельных стран.

С приграничным положением Смоленщины связано и возникновение в её территориальной структуре хозяйства международных интеграционно-рыночных элементов – международных финансово-промышленных групп (ФПГ), торгово-промышленных палат, центров международной торговли, торговых домов и совместных предприятий.

Координация экономических и инвестиционных процессов в России и Беларуси становится всё более актуальной. В связи с этим особое значение придаётся созданию финансово-промышленных групп, в том числе на межстрановом уровне. Так в 1997 году подписано соглашение о создании белорусско-российской ФПГ «БелРусавто». В неё вошли Минский автомобильный завод (МАЗ), Белорусский автозавод (БелАЗ), Могилевский автозавод (МоАЗ), Минский завод колесных тягачей (МЗКТ), а также ОАО «Авто-дизель» (Ярославский моторный завод – ЯМЗ), ОАО «Тутаевский моторный завод» (ТМЗ), ОАО «Ярославский завод топливной аппаратуры» (ЯЗТА). Подписан протокол о создании центральной компании ФПГ [2].

Наиболее значительные структурные изменения в промышленности происходили в приграничных регионах с активной инвестиционной деятельностью. Эти изменения связаны с развитием как производств, ориентированных на внутренний рынок, так и экспортных производств. Среди импортозамещающих производств особое место занимали машиностроение и производство продуктов питания.

Таким образом, изменения в структуре промышленности приграничных регионов в значительной степени были связаны с внешними факторами – спросом зарубежных рынков на российское топливо и сырьё и спросом российского рынка на современные товары, который удовлетворяется путём использования зарубежных технологий на российских, совместных или полностью иностранных предприятиях. Однако воздействие внешних факторов неодинаково в разных частях приграничного периметра. Не одинаково соотношение экспортного и импортозамещающих факторов. Между тем промышленные структуры приграничных с Беларусью регионов испытывают пока более слабые внешние воздействия. При этом они связаны как с соседними, так и с третьими странами.

Известно также, что Беларусь играет ключевую роль в развитии международных связей Смоленской области. Республика является крупнейшим среди 65 торговых партнеров Смоленщины. По объёму товарооборота с Беларусью Смоленщина занимает 5-е место среди субъектов Российской Федерации. По объёму экспорта в Беларусь Смоленщина занимала 6-е место, по объёму импорта – 4-е место среди субъектов РФ. На Беларусь в 2008 году приходилось 73% смоленского экспорта в страны СНГ, а на Беларусь – 94% импорта Смоленской области из стран Содружества. На протяжении последних 15 лет Смоленская область сохраняла положительное сальдо внешней торговли с Беларусью [3].

Сегодня многие предприятия Смоленской области экспортируют свою продукцию в Беларусь. Среди предприятий-лидеров, успешно осуществляющих сотрудничество с ближним зарубежьем, можно назвать: ПО «Кристалл», АО «Сафоновский электромашиностроительный завод», ОАО «Дорогобуж», ПО «Авангард», ОАО «Юкар-Графит», АО «Ситалл», АО «Дорогобужкотломаш», «Ярцевский хлопчатобумажный комбинат» и АО «Смоленский льнокомбинат», ОАО «Измеритель», СОАО «Бахус», АО «Сафоновохлеб», АО «Первомайский стекольный завод» и др.

Из производимой на Смоленщине продукции, можно отметить следующие товары, пользующиеся спросом на белорусском рынке: азотные удобрения, графит, лесоматериалы.

териалы, черные и цветные металлы, нефтепродукты, бриллианты, металлорежущие станки, электрические машины и оборудование, автомобили, строительные материалы, чулочно-носочные изделия, продукты питания.

Между тем, оценивая товарную структуру импорта Смоленщины из Беларуси, можно сделать вывод, что наиболее привлекательными отраслями белорусской экономики для смоленских субъектов хозяйствования являются предприятия строительного комплекса, машиностроения, химической и пищевой промышленности. Достаточно сильны на смоленском рынке позиции перерабатывающего комплекса Беларуси. Говоря о качестве и стоимости белорусских товаров, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время на российском рынке сложилась такая ситуация, когда белорусские товары занимают определенную нишу, причем глубина её зависит от соотношения цены и качества продукции белорусских товаропроизводителей. В частности, касаясь товаров народного потребления, можно отметить, что традиционным спросом пользуется продукция текстильной промышленности, трикотаж, обувь, ковровые изделия, холодильники, газовые плиты, игрушки и др. ввиду их достаточно высокого качества. Вместе с тем начиная с 1999 года, цены на ряд белорусских товаров ощутимо выросли, что не позволяет им в полной мере конкурировать с продукцией российских предприятий.

Что же касается сегментов рынка, которые могли бы осваивать белорусские товаропроизводители, то необходимо отметить, что сегодня, наверное, нет такой сферы рынка, в которой в той или иной мере не присутствовали представители деловых кругов Беларуси. Достаточно показателен тот факт, что из 176 предприятий с иностранными инвестициями, зарегистрированных в Смоленской области, половиной учредителей являются контрагенты из Беларуси [3]. Суммарный уставный капитал их составляет более 2 млн. долларов, в котором 51% – доля белорусских учредителей. Наиболее ярким примером является строительная индустрия, в частности, дорожное и жилищное строительство.

Процесс совместного предпринимательства на Смоленщине имеет в своём развитии постоянную основу. Как уже отмечалось, более 50% предприятий с иностранными ин-

вестициями создано при участии предпринимателей из Беларуси. Созданные совместные российско-белорусские предприятия в основном заняты в сферах торговли, строительной индустрии, ремонта и продажи медицинского оборудования и другой производственной деятельности. В настоящее время у Смоленщины имеется уникальная возможность привлечения новых технологий, в том числе и в виде создания совместных предприятий, что нашло свое отражение в оживлении процесса инвестиционной активности со стороны белорусских предпринимателей: за последние годы увеличилось число совместных предприятий, действующих в сфере производства.

В настоящее время реально работают предприятия по производству криогенных установок, медтехники, переработки лома цветных металлов, проектирования и производства водогрейных котлов. Открыто 20 магазинов с ассортиментом товаров, пользующихся спросом у населения Смоленщины. В качестве примеров реально работающих предприятий с белорусским капиталом можно привести следующие: ООО СП «Производственно-коммерческой фирмы «МЕДИТЭК» (производство медоборудования), ООО СП «Торговый дом «Беларусь» (оптовая торговля), Филиал совместного предприятия «Белвест», Филиал ОАО «Витебские ковры», ЗАО «Еврогласс» (производство изделий из стекла), ЗАО «Фарба-Смол» (торговля лаками и красками), Смоленский филиал ОАО «Брестский чулочный комбинат» [1].

Жилищное строительство – ещё одна сфера деятельности. Сегодня ряд белорусских предприятий занимается на Смоленщине проектированием и строительством жилья по типовым и индивидуальным проектам.

Если говорить об устойчивых хозяйственных связях, то нужно отметить, что в первую очередь, их имеют предприятия торговли. Роль товарообмена для экономического развития двух стран трудно переоценить. В этой связи нельзя не отметить важность развития дорожно-транспортной инфраструктуры, напрямую связанной с потоками товаров. Особое место здесь занимает автодорога, связывающая две столицы и выходящая к границе с Польшей – автомагистраль Москва–Брест, оказывающая сильное влияние на развитие уже создан-

ных и создание новых внешнеэкономических связей. Трасса, как известно, расположена вдоль исторического торгового пути, что обуславливает её важное структурообразующее значение. Интенсификация грузо- и пассажиропотоков актуализирует проблему придорожного сервиса, который пока недостаточно развит. В настоящее время вопросы развития притрассовой инфраструктуры могут стать одним из важнейших приоритетов.

Давно и плодотворно сотрудничают с белорусскими партнерами смоленские представители строительной индустрии, автомобильной, химической отраслей, энергетики, пищевой промышленности.

Однако, несмотря на наличие безусловных предпосылок для глубоких и интенсивных интеграционных процессов, есть немало объективных и субъективных препятствий. Многие запланированные меры остаются нереализованными, периодически возникают несогласованности в различных областях сотрудничества. Причины кроются, с одной стороны, в объективных трудностях перехода к единым правовым нормам. Для их преодоления данных проблем требуются

энергичные, целенаправленные и адекватные имеющимся проблемам действия законодательных и исполнительных органов власти России и Беларуси, «союзных» структур и, конечно же, регионов. Для успешного развития торгово-экономического сотрудничества российских регионов с партнерами из Беларуси на федеральном уровне необходимо иметь надёжное правовое поле и эффективный механизм реализации решений, вырабатываемых на уровне Содружества Независимых Государств и Союза России и Белоруссии. В этом, а также в осуществлении поддержки при решении обозначенных проблем, главная роль должна принадлежать Исполкому Союзного Государства России и Белоруссии, правительственным организациям и соответствующим структурам Российской Федерации и Республики Беларусь.

Таким образом, взаимная двухсторонняя выгода и понимание станут той основой, которая в полной мере позволит реализовать перспективы сотрудничества России и Беларуси, открывающиеся в настоящее время перед двумя странами в рамках Союзного государства.

Библиографический список

1. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. – М. – Волгоград: 2002. – С. 146, 246–269.
2. Морозова Т.Г., Победина М.П., Шишов С.С. Экономическая география России. Учебное пособие для вузов. – М., 2001. – 502 с.
3. Смоленская область в цифрах. 2009: кратк. стат. сб. / Смоленскстат. – С., 2009. – 283с.
4. Смоленский рубеж. - Смоленск, 2001. – С. 20.
5. Содружество Независимых Государств в 2000 г. Краткий справочник / Статкомитет СНГ. – М., 2001.
6. Социально-экономическое положение районов и городов Смоленской области. Статистический сборник. – Смоленск, 2001.
7. Экономика России и других постсоветских стран: учеб. пособие / под ред. А.С. Булатова. – М.: Экономика, 2005. – 415 с.

Т.И. Яськова
(г. Смоленск)

МИГРАЦИОННОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ МОСКОВСКОГО СТОЛИЧНОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Yaskova T.I. (Smolensk)

MIGRATION ATTRACTION OF MOSCOW CAPITAL REGION AND TRANSFORMATION OF THE SETTLEMENT SYSTEM IN THE NEIGHBORING AREAS OF THE SMOLENSK REGION

Аннотация. Статья раскрывает роль миграционного притяжения Московского столичного региона в процессе депопуляции населения приграничных с Белоруссией районов Смоленской области, и, как следствие, негативное влияние на процесс трансформации системы расселения.

Summary. The author underlines the role of the migration attraction of the Moscow capital region accompanied by the depopulation of the neighboring areas of the Smolensk region with Belarus which results in the negative impact on the settlement system.

Ключевые слова: приграничные районы, депопуляция, трансформация системы расселения, миграция, Московский столичный регион.

Keywords: boundary regions, depopulation, transformation of settlement, migration, Moscow capital region.

В последние десятилетия исключительно важное значение для устойчивого функционирования территориальных структур приобретает процесс трансформации системы расселения, механизма развития и функционирования населенных пунктов в системе социально-экономических связей в географическом разделении труда.

Совокупность факторов, обуславливающих этот процесс, можно разделить на три группы:

- природно-географические (климат, рельеф местности, ресурсы недр, почвы, другие природные ресурсы);
- социально-экономические (характер производственных отношений, уровень развития производительных сил и их размещение);
- демографические (региональные различия в режиме воспроизводства населения, которые могут привести к изменениям в расселении населения без непосредственного перемещения его по территории) [9].

Процесс трансформации региональной системы расселения, находясь в зависимо-

сти от перечисленных факторов, обусловлен, как правило, одним или несколькими, имеющими в данных условиях первостепенное значение. Для староосвоенных регионов, к которым относится Смоленская область, очевидна первоочередная зависимость трансформации системы расселения от процесса депопуляции и ее составляющих (естественный прирост/убыль и миграция), причем изменение предпочтений населения относительно места проживания выходит на первый план. При прочих равных условиях, выбирая регион своего проживания, мигранты (потенциальные мигранты) оценивает такое сочетание экономических, социальных и климатических показателей, которые делают их пребывание на месте постоянного жительства наиболее комфортным. Совокупность физико-географических и социально-экономических характеристик территории создает условия для формирования экономических структур и, как следствие, структур расселения.

Московский столичный регион (МСР), объединяющий Москву и Московскую область в их административных границах,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Трансформация территориальной структуры расселения и хозяйства приграничных регионов России и Беларуси в постсоветский период» № 10-02-00-668а/Б2.

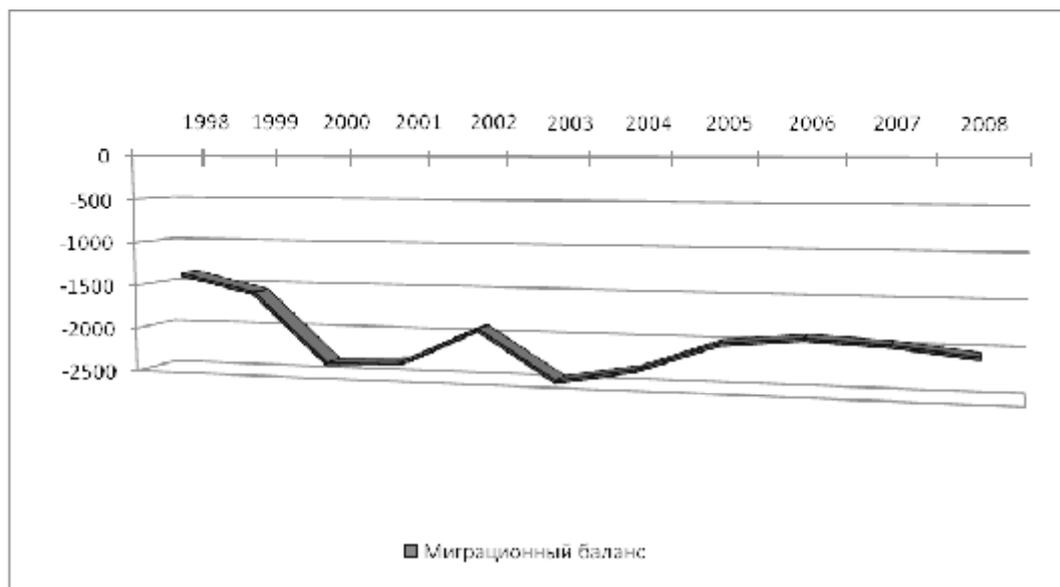

Рис. 1. Динамика показателя миграционного баланса Смоленской области в обмене с МСР, 1998-2008 гг., чел.

является самым мощным центром притяжения мигрантов в России [1, С. 7]. Смоленской области, соседствующей с мощнейшим миграционным магнитом, своим географическим и социально-экономическим положением в этом процессе предопределена роль донора населения, прежде всего, трудоспособного.

Вне зависимости от знака общего миграционного баланса области, в обмене со столичным регионом Смоленщина традиционно теряет свое население. Динамика показателя миграционного баланса области с МСР отражена на Рис. 1.

Официальная статистика ежегодно регистрирует миграционную убыль Смоленской области в обмене со столичным регионом, показатель которой, в зависимости от объективных и субъективных причин, колеблется последние десять лет в коридоре от 1300 до 2500 чел. ежегодно. Графическое изображение показателя носит волновой характер: непрерывный стремительный рост убыли («С середины 1990-х гг. притяжение Москвы с ее огромным рынком труда стало более ощутимым для жителей соседних областей» [7, С. 23]) в 2003 г. сменяется плавным ее снижением (что связано, на наш взгляд, как с некоторой стабилизацией экономической ситуации в области, так и со снижением общей численности миграционно активного насе-

ления). Достигнув отметки 1923 чел. в 2006 г., миграционная убыль населения области в обмене с МСР вновь начала увеличиваться, составив на начало 2008 г. 2065 чел. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Смоленской области, за первые 9 месяцев 2009 г. в обмене с Москвой и Московской областью Смоленщина потеряла 1216 человек [6].

Не смотря на колебание показателя миграционной убыли, доля лиц, выезжающих в МСР, в структуре эмиграционного потока области имеет тенденцию к росту (Рис. 2).

Так, при сокращении абсолютного количества зарегистрированных выбывших (примерно на 5000 чел. каждые 5 лет за период с 1998 г. по 2008 г.), доля лиц, выезжающих в столичный регион, увеличилась с 16,2 % в начале периода до 38,3 % в конце, то есть более чем в 2 раза за 10 лет. За тот же период абсолютный показатель эмиграции в столичный регион вырос только на 21,7 % (2314 чел. в 1998 г., 2815 чел. в 2008 г.). Рост доли МСР в структуре общего эмиграционного потока говорит о том, что смоляне все чаще предпочитают столичный регион при смене своего места жительства.

Для анализа влияния миграционного оттока в МСР определена группа приграничных районов I и II порядка (всего 11 районов). Отмечая важность соседства, И. М. Маергойз

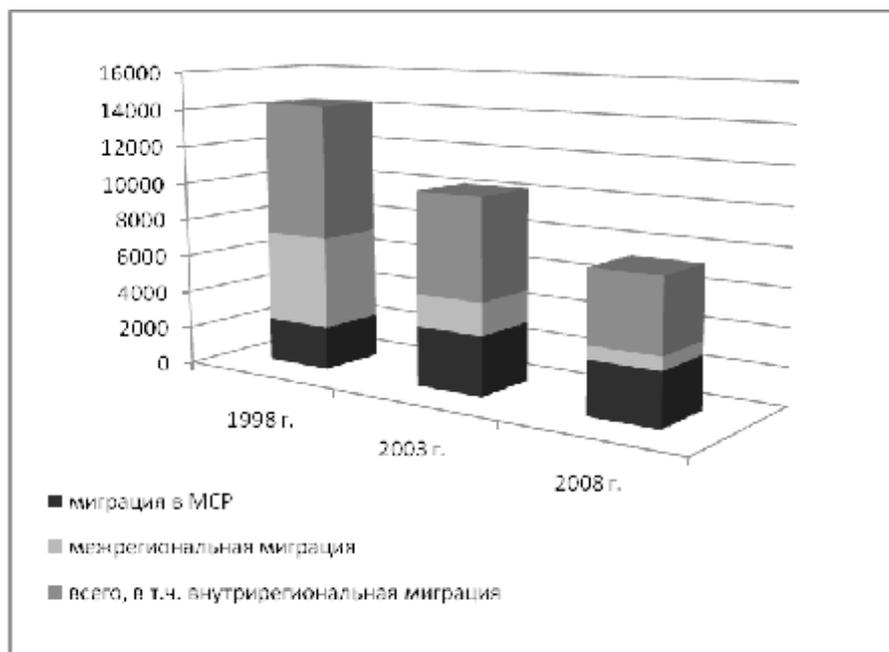

Рис. 2. Распределение эмиграционного потока Смоленской области по направлениям выезда, 1998, 2003, 2008 гг., чел.

предлагал региональным ЭГП считать совокупность соседства I и II порядка, и, кроме того, ограничить соседским положением I и II порядка анализ взаимосвязанности территориальных структур и ЭГП стран и районов [4, С. 39].

В 2008 г. (Рис 3.) количество жителей приграничных районов, выбывших в столичный регион, составило 472 чел. (16,8 % всех выбывших жителей Смоленщины в Москву и область). В структуре потока всех выбывших за пределы области, доля столичного региона превышала 20 % в 8 приграничных муниципальных образованиях, из них в 5 – превышала 30 % – это приграничные I порядка: Шумячский и Ершичский районы; II порядка – Демидовский, Починковский, Рославльский. Минимальный процент данного показателя фиксировался в Смоленском районе (14,2 %), максимальный – в Починковском (36,9 %). Для приграничных районов I порядка в распределении показателя доли выбывших в МСР в общей структуре выбывших за пределы области отмечается четкая зависимость увеличения данного показателя по мере удаления от районов выхода в соседнее государство важнейших транспортных магистралей: трассы «Москва – Минск» (Краснинский район) и «Смоленск

– Витебск» (Руднянский район). Согласно точке зрения В. Л. Каганского [2], трассы, пересекающие границы смежных ареалов, пронизывающие некий ареал, приобретают свойства границы. Контактность российско-белорусской границы определила свойство трасс «вымывать вещество и энергию» в соседнее государство. Вероятно, этим и объясняются минимальные показатели доли оттока в МСР в общей структуре выбывших.

В структуре прибывших из-за пределов области максимальными доли МСР показателями среди приграничных районов были отмечены Демидовский, Шумячский, Руднянский, Краснинский, и Хиславичский районы (более 10 %). Причем Краснинский район – единственный в области, где количество прибывших из Москвы и области превышает количество выбывших. Связано это, вероятно, с выносом из столичного региона функций таможенного контроля на границу.

Миграционный отток в Москву и область, во всех его проявлениях, способствует развитию негативных последствий, что выражается как в непосредственных количественных потерях населения, так и в опосредованном влиянии миграции на ход демографических и социально-экономических процессов. Конкретизация эффекта от миграционных потерь

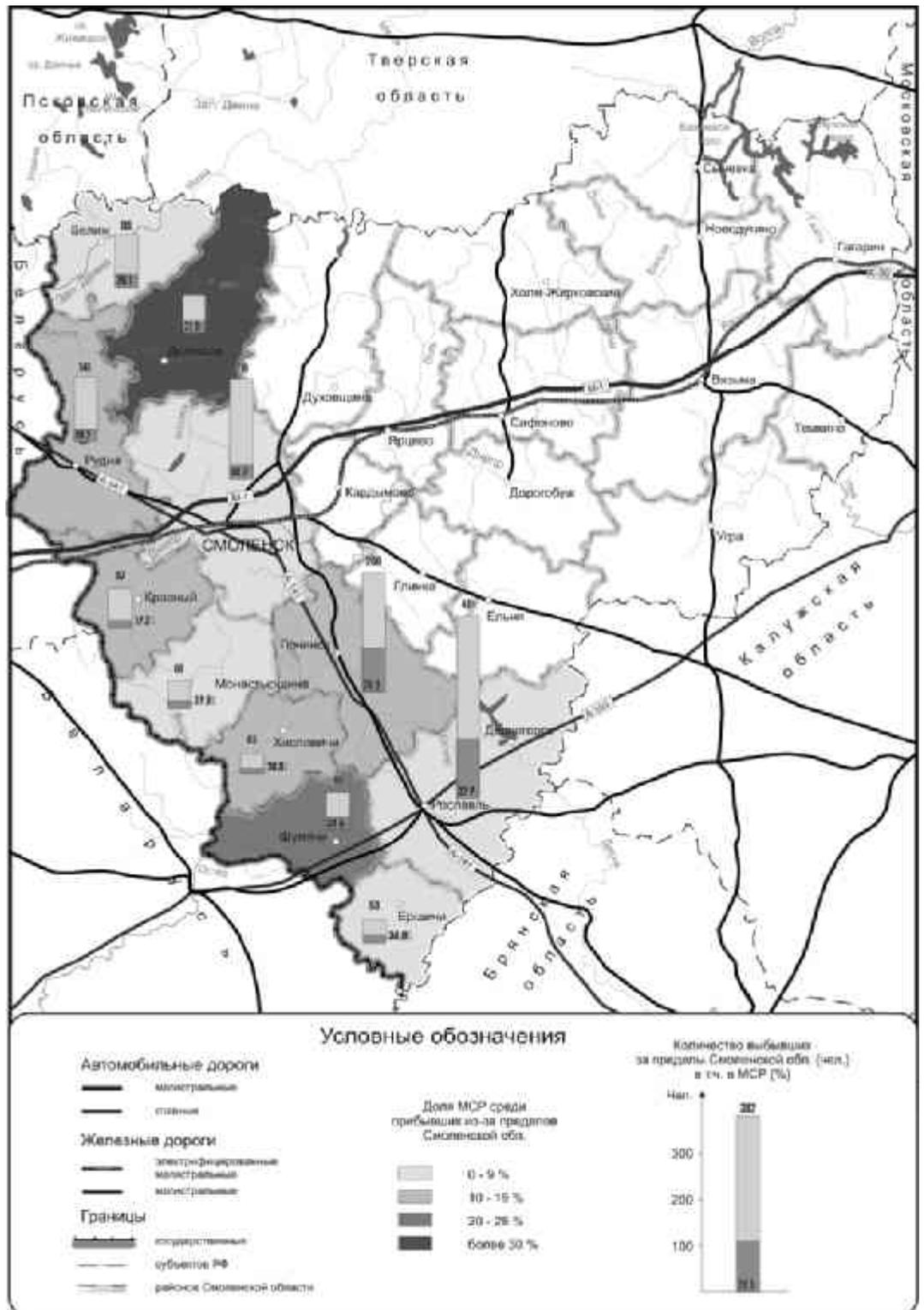

Рис. 3. Миграционный обмен приграничных районов Смоленской области с Московским столичным регионом, 2008 г.

Таблица 1
Соотношение естественной убыли населения и миграционной убыли в обмене с Московским столичным регионом по приграничным районам Смоленской области

Приграничный район	Велижский	Демидовский	Ершичский	Краснинский	Монастырский	Починковский	Рославльский	Руднянский	Смоленский	Хиславичский	Шумячский
Естественная убыль, чел.	-175	-255	-119	-152	-200	-538	-638	-412	-688	-183	-240
Количество выбывших в МСР, чел.	30	36	18	15	17	96	131	27	61	13	28
Количество выбывших в МСР, % от естественной убыли	17,1	14,1	15,1	9,9	8,5	17,8	20,5	6,6	8,9	7,1	11,7

Составлено по [8].

в обмене со столичным регионом в обобщенном виде сводится к ряду положений.

1. Увеличение количественных потерь населения (усиление эффекта от естественной убыли).

Отток населения приграничных с Белоруссией районов Смоленской области в столичный регион усилил эффект естественных потерь населения в них на 6,6 – 20,5 %.

2. Ухудшение качественного состава населения области.

Ухудшение качественного состава населения области, на наш взгляд, проявляется в первую очередь, через деформацию его возрастной структуры, которая характеризуется: а) снижением доли лиц младших возрастов, б) снижением количества лиц в трудоспособном возрасте, в) увеличением доли лиц старших возрастов.

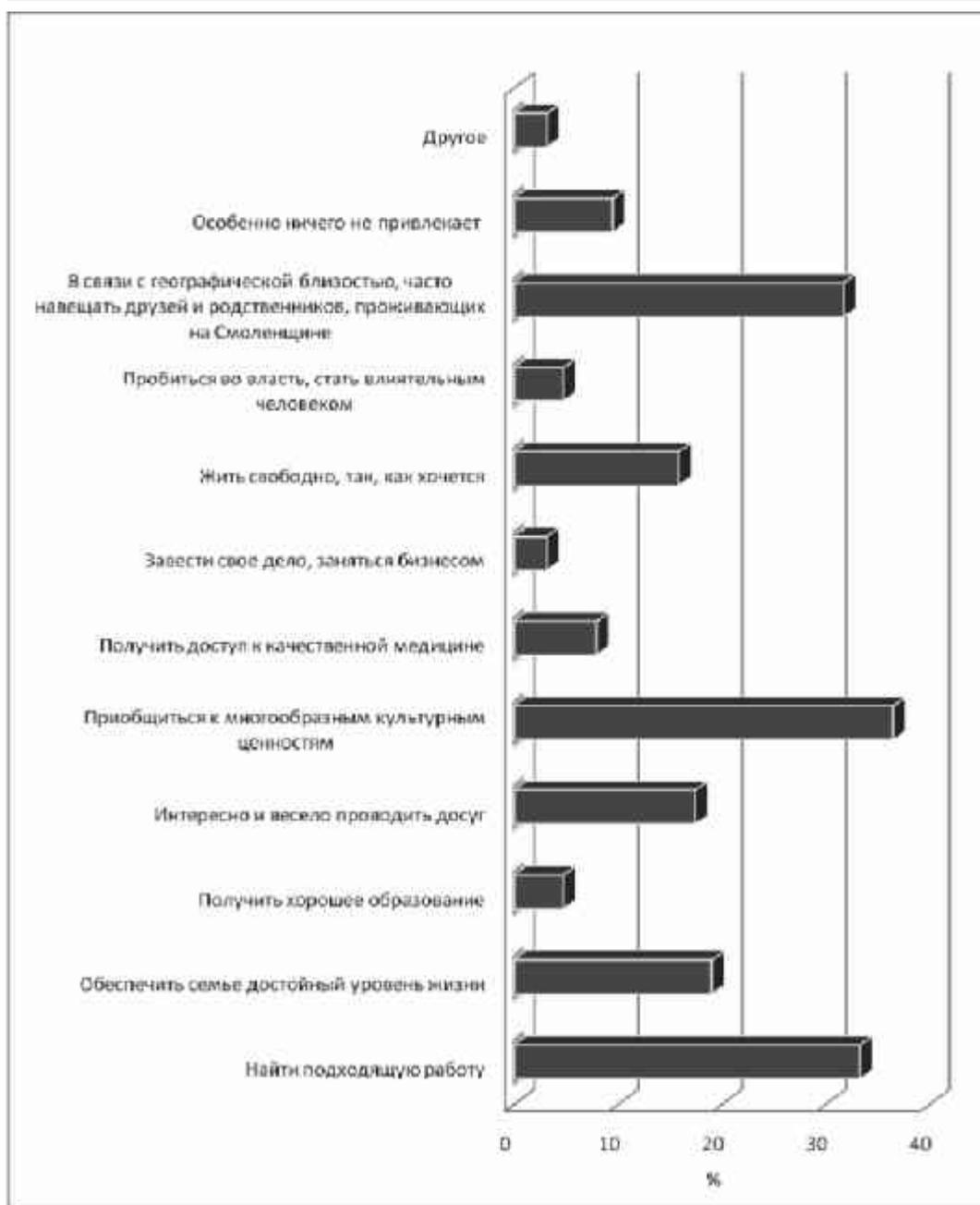
Вклад миграции в снижение доли лиц младших возрастов обусловлен снижением рождаемости в области, вследствие преобладания среди выезжающих лиц фертильных возрастов.

С целью выяснить факторы миграционной привлекательности МСР, среди жителей Починка (центра приграничного района II порядка) в 2009 г. был проведен опрос, в котором приняли участие 60 человек в возрасте от 16 лет и старше. В результате опроса были получены следующие результаты (см. Рис. 4.).

На вопрос, «Какие возможности Москвы кажутся Вам наиболее привлекательными?» значительный процент ответов был получен вариантом «Найти подходящую работу» – 33,3 %. 19,1 % получил близкий по смыслу вариант «Обеспечить семье достойный уровень жизни». Еще 3,17 % голосов было отдано варианту «Завести свое дело, заняться бизнесом» (респондентам можно было отмечать до трех вариантов ответов).

Так, определяющими в привлекательности МСР, стали экономические факторы, главным образом, значительные различия в уровне доходов и уровне жизни населения в целом между Москвой и Смоленской областью стали. По среднедушевому доходу среди всех субъектов федерации на начало 2008 г. Москва занимала 2 место (35490 рублей в месяц), в то время как Смоленская область – 52 место (8436). Разница по данному показателю между Смоленской и Московской областями несколько меньше (37 позиций в пользу Московской области) [10]. Значительная разница в доходах, создавая мощную гравитационную среду, является главным стимулом ориентации трудоспособного населения малых городов на столичный рынок труда, формируя центростремительный миграционный поток.

Как следствие колоссального экономического веса – социальная и культурная привлекательность столичного региона, а именно:

Рис. 4. Привлекательность возможностей Москвы глазами жителей города Починка, %

- возможность получить хорошее образование – 4,8 % ответов;
- возможность интересно и весело провести досуг – 17,5 %;
- возможность приобщиться к многообразным культурным ценностям – 36,5 %;
- возможность получить доступ к качественной медицине – 7,9 %.

Сосредоточение в Москве ведущих центров профессионального образования, разно-

образии специальностей, качество предоставляемых образовательных услуг – основные предпосылки формирования студенческих потоков. С введением практики ЕГЭ мощность этих потоков может увеличиться (что, косвенно, и пропагандируется сторонниками такой практики вступительных экзаменов). Кроме прочего, учеба в столичном вузе представляет собой хорошую стартовую площадку для дальнейшей профессиональной дея-

тельности мигранта, сглаживая негативные проявления адаптации к столичной деловой среде. Не случайно популярность этого варианта ответов столь высока.

Возможности интересно и весело провести досуг и приобщиться к культурным ценностям, на наш взгляд, являются сопутствующими, и, не будь у респондентов возможности выбирать сразу три варианта ответа, они не получили бы столь большую популярность. Тем не менее, они есть косвенное свидетельство диспропорции развития культурных сред малого города «провинции» и МСР.

Возможность получить доступ к качественной медицине так же свидетельствует о территориальных неравенствах развития отрасли. Не углубляясь в статистические данные по обеспеченности населения больничными койками и качеству оказания услуг (которое можно зафиксировать лишь косвенно), отметим разницу в средней продолжительности жизни. По этому показателю Москва опережает Смоленскую область (72,5 и 64,5 соответственно) на 8 лет. С соседней Московской областью разница не столь велика (почти 2,5 года), однако красноречиво свидетельствует о разности в уровнях жизни населения двух областей.

Возможность «В связи с географической близостью часто навещать друзей и родственников, проживающих на Смоленщине» отметили 9,5 %, что, среди групп вариантов, является третьим по популярности. Этот емкий по своей сути вариант объединил в себя, кроме географического (город Починок не самый близкий к Москве), еще и психологический фактор. Перебираться на большие расстояния стало не только финансово и организационно труднее, а границы между соседними регионами представляются в большей степени проницаемыми, прозрачными. Информации у населения о регионах-соседах обычно несоизмеримо больше, особенно, если это столичный регион, чем о более далеких территориях. Немаловажно и то, что люди стали бояться перебираться на большие расстояния. Этому во многом способствовал распад СССР и фактическое прекращение передвижения в бывшие союзные республики, неопределенное положение, в котором оказались соотечественники, когда-то уехавшие далеко от дома. Все это сделало территориально близкие, соседские перемещения более значимыми [3, С.21].

9,5 % респондентов в Москве особенно ничего не привлекает, и они, надо думать, точно не пополняют ряды миграционно активных. Однако в масштабах демографических проблем эти проценты кажутся ничтожными. Способом некоторой стабилизации демографической ситуации в малых городах Смоленской области является уже не пресечение миграционного оттока в более благополучные регионы. Необходимо привлечение населения. Надо отметить, в 2008 г. Починковский район и многие другие на территории области, принял населения больше, чем отдал. Но без четкой федеральной и региональной демографической политики, без подъема экономики и создания дополнительных рабочих мест, без решительных действий в сфере жилищного строительства для молодых семей нельзя рассчитывать на закрепление положительного результата.

Вполне естественно, что реализация перечисленных мер требует значительных финансовых «вливаний» из федерального бюджета и средств частных инвесторов. По мнению ряда исследователей [5], столица могла бы внести существенные изменения в эту ситуацию. Москве было бы намного дешевле вложить средства в перенос ряда предприятий и создание рабочих мест в близлежащих областях, например, в соседней Смоленской, чем в поддержание их деятельности – учитывая затраты на инфраструктуру и социальное обеспечение. Модели такого переноса успешно работают в Смоленской области, однако привязаны они исключительно к районам прохождения федеральных магистралей (Руднянский, Краснинский, Рославльский районы). Речь идет о системообразующем и градообразующем предприятии ЗАО «Рославльский автоагрегатный завод АМО ЗИЛ» (г. Рославль), крупнейшем предприятии машиностроительного комплекса области – ЗАО Рославльский автоагрегатный завод (г. Рославль), одном из крупнейших перерабатывающих предприятий области – ООО «Промконсервы» (г. Рудня), относящимся к предприятиям столичной корпоративной собственности.

Сочетание выгод транспортно-географического и приграничного положения позволяет размещать на территории ряда приграничных районов области, выносимые из Москвы и ближнего Подмосковья таможенные терминалы. В планах руководства

Смоленской области и Федеральной таможенной службы строительство таможенных терминалов в Руднянском и Краснинском районах. Развитие таможенной и околотаможенной инфраструктуры, открытие современных таможенно-логистических терминалов, строительство объектов социальной сферы и услуг будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности районов, увеличению количества рабочих мест и доходов населения, что положительно скажется на снижении миграционного оттока.

Для районов, лишенных такого преимущества как прохождение важнейших транспортных магистралей, «спасительными» могли бы стать столичные инвестиции в АПК, тем более что проблема «обеспечения продовольственной безопасности» стоит достаточно остро. Однако в ближайшей перспективе такие проекты с привязкой к приграничным районам не рассматриваются.

В качестве вывода отметим: миграционный отток в Московский столичный регион является неотъемлемой частью миграционного режима приграничных районов, непосредственно и опосредованно способствуя развитию негативных последствий, что выражается как в увеличении количественных потерь населения, так и в ухудшении его качественного состава. Это усугубляет эрозию населения приграничных районов, что, в конечном итоге, приводит к трансформации системы расселения. Уменьшению объема миграционного оттока из приграничных районов может способствовать реализация инвестиционных проектов, связанных с развитием таможенной инфраструктуры, а также переход местных предприятий в столичную корпоративную собственность. Приоритет в данном случае имеют приграничные районы, пересекаемые магистралями федерального значения.

Библиографический список

1. Иммигранты в Москве / Институт Кеннана; под ред. Ж. А. Зайончковской. – М.: Три квадрата, 2009. – 272 с.
2. Каганский, В. Л. Географические границы: противоречия и парадоксы / В. Л. Каганский // Географические границы. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 7–19.
3. Карачурина, Л. Б. Внутророссийские миграции: региональный анализ / Л. Б. Карачурина // Региональные исследования. – 2004. – №2(4). – С. 17–24.
4. Маергойз, И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований / И. М. Маергойз. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 138 с.
5. Москва: тенденции 90-х и альтернативные пути развития. Доклад экспертной группы «Московской Альтернативы» [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Режим доступа к ст.: WWW.GLAZYCHEV.RU [16.09.05].
6. О социально-экономическом положении в Смоленской области в январе-октябре 2009 г. Комплексный доклад. – Смоленск.: Смолстат. – 2009. – 135 с.
7. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – 279 с.
8. Социально-экономические показатели развития городов и районов Смоленской области. Статистический сборник. – Смоленск: 2009. – 165 с.
9. Хореев, Б. С. Расселение населения (Основные понятия и методология) / Б. С. Хореев, С. Г. Смидович. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 192 с.
10. www.gks.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Социально-экономическая география как в нашей стране, так и за рубежом в последние десятилетия столкнулась с многочисленными проблемами и вызовами времени, затрагивающими ее фундаментальные основы. Усложняется предмет социально-экономической географии – территориальная организация общества, трансформируются её архитектура и доминантные факторы эволюции. Всё это актуализирует необходимость адаптации применявшихся ранее и разработку новых концептуальных подходов, теорий и методического инструментария исследований в науке. К сожалению, в последние десятилетия постановке данной проблемы и поиску ее решений в рамках социально-экономической географии уделялось крайне мало внимания. В результате в научном сообществе возникло и стало тиражироваться мнение, что современной социально-экономической географии полноценная теоретическая база не нужна, да и создать ее практически невозможно, что для решения научно-прикладных задач можно довольствоваться использованием ограниченного набора концептуальных разработок, чаще всего заимствованных из региональных наук.

Стимулирование позитивных изменений в отношении теоретической базы социально-экономической географии, пробуждение интереса к теоретическому поиску – такую задачу ставили перед собой организаторы международной научной конференции «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития», проходившей с 4 по 7 мая 2010 г. в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону).

В работе конференции приняли участие более 70 ведущих российских экономико-географов из 24 городов России, представ-

ляющих вузовскую и академическую науку. Во всех мероприятиях конференции также активно участвовали 18 зарубежных исследователей из Венгрии, Германии, Молдавии, Словакии, Франции и Украины. На пленарных и секционных заседаниях заслушано 73 доклада, посвящённых актуальным проблемам развития теории социально-экономической географии. По итогам конференции издан сборник материалов. В рамках конференции была проведена также школа-семинар молодых учёных «Теория социально-экономической географии: традиции и инновации», в которой приняли участие молодые экономико-географы из Москвы, Парижа, Перми, Ростова-на-Дону, Ульяновска и Уфы.

Какую ценность в современном контексте представляет теоретический багаж советской экономико-географической школы? Как оценить последние (постсоветские) десятилетия с точки зрения приращения теоретического знания? Каков (в условиях стимулируемого глобализацией «импорта идей» и интенсификации междисциплинарных взаимодействий) потенциал теоретических заимствований современной российской социально-экономической географии? Как формировать и эффективно применять в социально-экономической географии научно-прикладной цикл «Теория – Методы – Практика», развивать современный аппарат и инструментарий социально- и экономико-географических исследований? В чём, наконец, видятся направления развития, сдерживающие факторы, новые концептуальные подходы и точки роста экономико-географической науки? Все эти вопросы были рассмотрены и обсуждены на конференции.

Конференция оказалась интересна не только своей тематикой и широким кругом участников. Фактически она явила собой

межрегиональный, объединяющий вузовскую и академическую науку, сетевой проект. Будучи «принимающей стороной», Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета по всем вопросам проведения конференции тесно взаимодействовал с географическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Активную позицию в организации конференции заняли факультет географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета, Институт географии РАН, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, а также Русское географическое общество.

В рамках конференции состоялась презентация и обсуждение специально подготовленной к конференции книги-опросника «Теория социально-экономической географии: спектр взглядов российских учёных» (Ред. и сост. А.Г. Дружинин и В.Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. 2010. –166 с.). Высвечивая и отражая сложную палитру мнений и позиций, доминирующих в российском экономико-географическом сообществе, данное издание (как отмечали в своих выступлениях участники конференции) позволяет не только зафиксировать растущую обеспокоенность современным положением в теории социально-экономической географии, очертить общее проблемное поле, но и идентифицировать теоретические достижения, раскрыть проблемные ситуации и «точки роста» дальнейшей «теоретизации» нашей науки.

Участники конференции приняли резолюцию (приведена ниже), в которой выразили озабоченность наметившимся в последнюю четверть века резким ослаблением внимания экономико-географов к теоретическим разработкам и поставили на ближайшую и среднесрочную перспективу в качестве первоочередных целый ряд задач и действий в целях дальнейшего развития теории современной социально-экономической географии.

Экономико-географическим сообществом в последние годы и десятилетия явно ощущается нарастающий отрыв от реалий современной жизни не только в теоретическом, но и практическом планах. Это проявляется и в том, что решение социально-экономических проблем, имеющих явно выраженный территориальный аспект, чаще всего осущест-

вляется в современной России без участия профессиональных экономико-географов. Для решения этих первостепенных для современной отечественной социально-экономической географии проблем важны не только адаптация к современным и перспективным условиям традиционных и разработка новых концептуальных подходов, теорий и методов, но и давно назревшие организационные усилия по консолидации российского экономико-географического сообщества и налаживания конструктивного взаимодействия между его членами.

В рамках реализации идеи создания профессиональной российской экономико-географической ассоциации, сформулированной летом 2009 г. на совещании по актуальным проблемам развития социально-экономической географии (Санкт-Петербург, май 2009) и поддержанной участниками совещания заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России (Санкт-Петербург, январь 2010 г.), 5 мая 2010 г. в рамках программы работы столь представительной по составу участников конференции состоялось учредительное собрание Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), утверждены концепция её деятельности и устав. Избран Координационный совет Ассоциации во главе с А.Г. Дружининым, директором Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета. В числе приоритетных задач Ассоциации – консолидация российского профессионального экономико-географического сообщества, содействие развитию российской социально-экономической географии, внедрению ее достижений в практику, популяризация экономико-географических идей и подходов, помощь в развитии экономико-географического образования, укрепление международного сотрудничества в области общественной географии, защита профессиональных прав и интересов экономико-географов страны.

Хочется выразить надежду, что события, состоявшиеся в начале мая в Ростове-на-Дону, найдут отклик, понимание и поддержку не только в экономико-географическом сообществе, но и среди географов всей нашей страны.

А.Г. Дружинин. В.Е. Шувалов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачкасова Татьяна Анатольевна – младший научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: atchkassova_ta@mail.ru

Зубаревич Наталья Васильевна – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: n.zubarevich@socpol.ru

Кузнецова Ольга Владимировна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН, профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Касаткин Петр Игоревич – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России, магистр в области международных отношений

E-mail: pkas@mail.ru

Мозгунов Н.А. – аспирант 3 г.о. МГУ им. М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России

E-mail: mozgunoff@list.ru

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН

E-mail: trene12@yandex.ru

Родионова Ирина Александровна – доктор географических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Трейвиш Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН

E-mail: trene12@yandex.ru

Яськова Татьяна Ивановна – научный сотрудник НИИ региональных исследований, Смоленского гуманитарного университета, аспирант кафедры социально-экономической географии и туризма

E-mail: yaskova_t@mail.ru

Часовский Владимир Иванович — кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и природопользования Смоленского государственного университета

E-mail: chassovsky@rambler.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ
МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 2 раза в полугодие, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция